

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, профессор, Председатель Следственного комитета РФ, генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент, проректор по науке и инновациям Международного университета Кыргызской Республики (Киргизия);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва);

Б.А. Куркин, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Юридического института Тамбовского государственного технического университета (г. Тамбов);

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сьюань, кандидат филологических наук, доцент, Генеральный секретарь Центра обмена и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС (Шанхайского политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор, директор Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой финансового, налогового и банковского права ВГУЮ (РПА Минюста России) **З.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

А.С. Автономов, доктор юридических наук профессор (г. Москва);

В.С. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

А.Я. Козинцев, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);

А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Мордовцев, доктор юридических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону);

Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Казань);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент;

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

**THE COMPOSITION
OF THE EDITORIAL COUNCIL**

Chairman of the Editorial Council:

A.I. Bastrykin, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology, Vice-Rector for Science and Innovations of International University of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

B.A. Kurkin, Doctor of Law, Professor of the Department of International Law of the Law Institute of Tambov State Technical University (Tambov);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Secretary General of the Center for Exchange and Cooperation under the Commission on Legal Services for the SCO (Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, Director of the Russian Federal Center for Forensic Science under the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow)

**THE COMPOSITION
OF THE EDITORIAL BOARD**

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice
O.I. Alexandrova (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Acting Head of the Department of Financial, Tax and Banking Law of All-Russian State University of Justice **Z.M. Kazachkova** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.S. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Fomenko, Doctor of Law, Associate Professor;

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Mordovtsev, Doctor of Law, Professor (Rostov-on-Don);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Kazan);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2023

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным

специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

К 220-ЛЕТИЮ МИНЮСТА РОССИИ

Александрова О. И.

Особенности развития юридического образования
в системе органов юстиции..... 10

Бастрыкин А. И.

Об объективной истине в уголовном процессе:
история и современность 18

Бабенко В. Н.

Политико-правовые особенности деятельности народных комиссариатов
юстиции РСФСР и СССР (1917–1946 гг.) 30

Казачкова З. М., Казачков В. А.

Государственная поддержка некоммерческих организаций
в контексте стимулирования их социальной направленности 40

Кирсанова Е. В.

Основные идеи частного нотариата в воззрениях А. И. Тихенко..... 49

Бушманов Р. В.

Мониторинг деятельности государственных судебно-экспертных
учреждений Минюста России в Южном федеральном округе 55

Красиков В. И.

Особенности новых прав человека в условиях развития
современных нейротехнологий..... 65

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА,
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Ломакина И. Б., Глуздак Г. Н.

Некоторые противоречия в теоретических подходах
к пониманию законности 84

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Слабоспицкий А. С.

Судебные системы и модели правосудия в современном мире95

Лютаревич-Гефтер Ю. А.

Проблемы привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности на основе взаимосвязи норм трудового и административного законодательства Российской Федерации 106

Абдулгазиев Р. З., Кудяев С. А., Щербакова Л. М.

Соблюдение туристами социально-этических норм поведения и профилактика нарушений общественного порядка в Северо-Кавказском федеральном округе 116

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Семякин М. Н.

Основные тенденции развития законодательства в сфере обеспечения предпринимательской деятельности в России в условиях экономических санкций..... 127

Степанян А. С.

Проблемы правовой охраны персональных данных в эпоху перехода к цифровой экономике 145

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Алтухов С. А., Любимов А. В.

Показания подозреваемого и обвиняемого: проблемы оценки и вопросы законодательного регулирования 153

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Кукуев С. Ю., Турманов М. Т.

Алгоритмизация правоотношений: на примере цифровых платформ для самозанятых 164

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Мужиченко А. В.

Правовое регулирование конституционных ценностей в системе
российского права..... 174

Харин В. И.

Доверительное управление долями ООО
как антикоррупционный механизм предотвращения конфликта
интересов: проблемы и перспективы 183

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Кодинцев А. Я., Мишальченко Ю. В.

Преступления против государственной власти в трудах
Анатолия Федоровича Кони..... 193

CONTENT

ON THE 220TH ANNIVERSARY OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF RUSSIA

Olga I. Alexandrova

Features of the Development of Legal Education in the System
of Justice Bodies 11

Alexander I. Bastrykin

On the Objective Truth in Criminal Proceedings:
History and Modernity 19

Vasily N. Babenko

Political and Legal Features of the Activities of the People's Commissariats
of Justice of the RSFSR and the USSR (1917–1946)..... 31

Zemfira M. Kazachkova, Vladimir A. Kazachkov

State Support for Non-Profit Organizations in the Context
of Stimulating Their Social Orientation 41

Ekaterina V. Kirsanova

The Main Ideas of the Free Notary in the Views of A. I. Tikhenko..... 50

Rodion V. Bushmanov

Monitoring the Activities of State Forensic Institutions
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
in the Southern Federal District 56

Vladimir I. Krasikov

Features of New Human Rights in the Conditions of Development
of Modern Neurotechnologies 66

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Irina B. Lomakina, Gleb N. Gluzdak

Some Contradictions in Theoretical Approaches
to Understanding Legality 85

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Anatoly S. Slabospitsky

Judicial Systems and Models of Justice in the Modern World96

Yulia A. Lyutarevich-Gefter

Problems of Involving Foreign Citizens to Work on the Basis
of Interrelation of Labor and Administrative Legislation
of the Russian Federation..... 107

Rustam Z. Abdulgaziev, Sergey A. Kudaev, Lyudmila M. Shcherbakova

Compliance by Tourists with Social and Ethical Standards of Behavior
and Prevention of Violations of Public Order
in the North Caucasian Federal District..... 117

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Mikhail N. Semyakin

The Main Trends in the Development of Legislation in the Field
of Business Support in Russia in the Context of Economic Sanctions 128

Ani S. Stepanyan

Problems of Legal Protection of Personal Data
in the Era of Transition to Digital Economy..... 146

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Sergey A. Altukhov, Andrey V. Lyubimov

Testimony of a Suspect Accused in a Criminal Trial
as a Source of Evidence: Problems of Evaluation Based
on the Analysis of Law Enforcement Practice 154

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION.
LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Sergey Yu. Kukuev, Marat T. Turmanov

Algorithmization of Legal Relations: On the Example of Digital Platforms
for the Self-Employed..... 165

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Alexandra V. Muzhichenko

Legal Regulation of Constitutional Values in the System
of Russian Law 175

Vasily I. Kharin

Trust Management of LLC Shares as an Anti-Corruption Mechanism
to Prevent Conflicts of Interest: Problems and Prospects..... 184

REVIEWS, PERSONALITIES

Alexander Ya. Kodintsev, Yury V. Mishalchenko

Crimes Against State Power in the Writings
of Anatoly Fedorovich Koni 194

Научная статья

УДК 340; 378

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-10-17>

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ

Ольга Ивановна Александрова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
gra@rpa-mjust.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности и основные этапы развития юридического образования в России, напрямую связанные с созданием Министерства юстиции. Подготовка профессиональных кадров для Министерства юстиции и Правительствующего Сената была одной из самых важных задач. И таким высшим юридическим учебным заведением, способным успешно готовить юристов, стало Императорское училище правоведения. Новое время поставило новые задачи. Так, создавались Всесоюзная правовая академия, Правовая академия Министерства юстиции СССР, Российская правовая академия Министерства юстиции РФ, переименованная во Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). Сегодня Университет создал систему, которая позволяет пройти все этапы обучения: от довузовского образования до программ повышения квалификации для подготовки компетентных и высокообразованных юристов нового поколения, отвечающих современным требованиям.

Ключевые слова: Минюст России; образование в системе юстиции; Российская правовая академия; квалифицированные юристы; Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Для цитирования: Александрова О. И. Особенности развития юридического образования в системе органов юстиции // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 10–17. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-10-17>

Research Article

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL EDUCATION IN THE SYSTEM OF JUSTICE BODIES

Olga I. Alexandrova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia
rpa@rpa-mjust.ru

Abstract

The article discusses the features and main stages of the development of legal education in Russia, directly related to the creation of the Ministry of Justice. The training of professional personnel for the Ministry of Justice and the Governing Senate was one of the most important tasks. And the Imperial School of Jurisprudence became such a higher legal educational institution capable of successfully training lawyers. The new time has set new tasks. Thus, the All-Union Legal Academy, the Legal Academy of the Ministry of Justice of the USSR, the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation were created, renamed All-Russian State University of Justice. Today, the University has created a system that allows you to go through all stages of education: from pre-university education to advanced training programs to train competent and highly educated lawyers of a new generation that meet modern requirements.

Keywords: Ministry of Justice of Russia; education in the justice system; Russian Law Academy; qualified lawyers; All-Russian State University of Justice.

For citation: *Alexandrova O. I. Features of the Development of Legal Education in the System of Justice Bodies. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 10–17. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-10-17>

Введение

8 сентября 2022 г. исполнилось 220 лет министерской реформе Александра I, в результате которой было создано восемь министерств, в том числе и Министерство юстиции. На Министерство юстиции возлагались функции подготовки законодательных актов, а также управления деятельностью судов и прокуратуры. Оно должно было заниматься вопросами назначения, перемещения, увольнения чинов судебного ведомства, учреждения и упразднения судов, осуществлять надзор за их работой. После Судебной реформы 1864 г., в подготовке и проведении которой Минюст принимал особое участие, ведомство стало обладать достаточными полномочиями, чтобы не только влиять на формирование судейского кор-

пуca Империи, но и определять и проводить в жизнь правовую политику страны [1, с. VIII–IX]. Одним из немаловажных вопросов для Министерства юстиции являлась подготовка профессиональных кадров. И. Ю. Остапович и П. А. Мусинов подчеркивают, что «юридическое образование – это не только форма передачи необходимых профессиональных знаний и навыков, но и трансляция правового опыта, правовых ценностей и идеалов» [2].

1. Подготовка профессиональных кадров для Министерства юстиции в XIX в.

Первые попытки организовать подготовку профессиональных юристов были сделаны еще Петром I. Уже в первой половине XIX в. сложилась единая отрасль государственного управления юридическим образованием, в том числе университетским (юридические факультеты) и ведомственным.

Основной целью создания законодательной системы юридического образования, по мнению Д. И. Ахметовой и Е. В. Лазаревой, было «обеспечить юристами укрепление права крепостного самодержавного строя на основе систематизированного законодательства России» [3, с. 154–158].

Развитие юридического образования в системе юстиции ведет свое начало с 1835 г., когда при министре юстиции Д. В. Дашкове было открыто Императорское училище правоведения. Училище правоведения создано для подготовки юристов-практиков, обязанных не только хорошо знать законы, но и осуществлять практическую работу в суде.

Устав учебного заведения определял, что оно «имеет целью образование благородного юношества на службу по части судебной» [4]. Училище являлось закрытым заведением. Официально это объясняли необходимостью особого отношения к нравственному воспитанию юношества, для чего требовались бдительный непосредственный надзор и время, достаточное для того, чтобы оказать глубокое влияние на освоение принципов права и добра. Обучение в училище завершалось за шесть лет. По окончании обучения проводились «строгие публичные испытания во всех предметах», и по итогам этих испытаний решался вопрос, кто и с каким чином должен быть направлен на государственную службу. После успешного обучения выпускники должны были шесть лет служить преимущественно в канцелярии Министерства юстиции и Правительствующего Сената, а остальные – в судебных местах по губерниям Российской империи [5]. Уровень получаемых знаний был высок – в среднем 18% заканчивали курс с золотой и серебряной медалями [6, с. 104–107].

За более чем 80-летнее существование Училище закончили 2317 юристов, из них 46 стали членами Государственного совета, 168 – сенаторами, 64 правоведа были губернаторами. В среднем каждый год количество выпускников составляло 25–27 человек. Наименьшее число пришлось на первый выпуск в 1840 г. – 14 человек, наибольшее – в 1883 г. – 39 [7].

Среди его выпускников много выдающихся юристов и государственных деятелей, сыгравших важную роль в крестьянской и судебной реформах, в проведении в жизнь судебных уставов: Н. И. Стояновский, Д. А. Ровинский, В. А. Арцимович, А. Г. Булыгин, И. Г. Щегловитов, В. Н. Герард, К. П. Победоносцев, Д. Н. Набоков, Н. Б. Якоби и др.

Э. А. Анненкова утверждает, что «Училище правоведения благодаря своим питомцам очистило и подняло судебное ведомство» [7]. Воспитанные в духе правды и законности, они явились достойными представителями правосудия и по мере сил боролись с привычками и нравами дореформенного суда.

Училище правоведения оставило яркий след также в культуре, искусстве и науке. Его воспитанниками были поэты А. М. Жемчужников, А. Н. Апухтин, писатель, художественный критик В. В. Стасов, писатель И. С. Аксаков, либреттист М. И. Чайковский, композиторы А. Н. Серов, П. И. Чайковский, доктор медицины Н. Я. Кетчер; палеонтолог, доктор философии, переводчик знаменитой книги Брема «Жизнь животных» В. О. Ковалевский.

Решением Народного комиссариата просвещения правительства большевиков от 18 июня 1918 г. Училище правоведения было ликвидировано, а его здание передано Агрономическому институту.

2. Юридическое образование в системе юстиции в России в советский период

Во второй половине 1920-х гг. начинается новый этап в становлении системы юридического образования в России. Данный этап характеризуется модернизацией системы высшего профессионального образования. До начала 30-х гг. высшее юридическое образование можно было получить, в основном, обучаясь на юридических факультетах университетов. С 1931 г. юридическое образование становится прерогативой самостоятельных учебных заведений. Законодательные акты советского периода стимулировали развитие юридического образования как самостоятельной структуры в системе высшего образования, способствовали укреплению материально-технической базы учебных заведений, регламентировали единообразие в подготовке юридических кадров, расширение связи вузов с правоохранительными органами, развитие юридической науки.

В целом к 1933 г. в стране существовала следующая система юридической подготовки и переподготовки сотрудников юстиции:

1) низшее звено: юридические курсы по подготовке рабоче-крестьянского актива с шестимесячным сроком обучения без отрыва от производства; трехмесячные курсы для подготовки секретарей судов, судебных исполнителей и нотариусов; шестимесячные курсы по переподготовке работников надзора исправительно-трудовых учреждений;

2) среднее звено: дневные рабфаки при институтах советского права с трехгодичным обучением; вечерние рабфаки при тех же вузах с четырехгодичным курсом обучения; краткосрочные курсы по подготовке национальных кадров в правовые вузы; межрайонные одногодичные национальные школы по подготовке районных работников юстиции для автономных областей и республик с судебно-прокурорским и следственным, а также исправительно-трудовым отделениями; одногодичные областные (краевые) курсы по подготовке районных работников юстиции с такими же отделениями; шестимесячные областные (краевые) юридические курсы по переподготовке той же группы работников с теми же двумя отделениями [8, с. 1–12].

В советское время в системе профессиональной подготовки юристов высшей квалификации особое место занимала Всесоюзная правовая академия, созданная

на базе существовавших курсов руководящих работников Народного комиссариата юстиции РСФСР (в дальнейшем переданная в его ведение и получившая название Всесоюзная правовая академия Наркомата юстиции СССР – ВПА) с двухгодичным сроком обучения. За период 1920–1930-х гг. численность юридических кадров в стране удвоилась, однако удельный вес работников органов юстиции, имевших высшее юридическое образование, практически не изменился.

В 1970 г. организован Всесоюзный институт усовершенствования работников юстиции; Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства передан в непосредственное подчинение Министерства юстиции СССР. В 1990 г. на базе двух институтов была создана Правовая академия Министерства юстиции СССР. Позднее юридический вуз был преобразован в Российскую правовую академию Министерства юстиции РФ. С созданием юридического факультета в 1998 г. вуз стал заниматься не только повышением квалификации, но и подготовкой специалистов. В год 45-летия вуза академия была переименована во Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) [9].

3. Развитие юридического образования в системе юстиции на современном этапе

Сегодня Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) – один из ведущих юридических вузов России, который готовит специалистов для юридических служб и правоохранительных органов. Является центральным образовательным и научным учреждением Министерства юстиции РФ.

С первого дня своего существования, располагая штатом квалифицированных преподавателей, многие из которых имеют практический опыт работы в органах юстиции, возможности сотрудничества с самим Министерством, подведомственными ему службами и учреждениями, Университет обладает высоким потенциалом в деле подготовки выпускников с уникальной специализацией для работы в органах юстиции, исполнения судебных решений, адвокатуры и нотариате, владеющих навыками работы с регистрами федеральных, региональных и муниципальных актов. Важное место в процессе подготовки выпускников принадлежит воспитанию у них корпоративной этики поведения, безусловной верности духу и букве закона, ответственности за дело, которому их обучают [10].

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) – это отличная возможность получить качественное юридическое образование. Университет создал систему, которая позволяет пройти все этапы обучения: от довузовского образования до программ повышения квалификации.

В настоящее время в Университете проходят обучение более 20 тыс. студентов по очной, очно-заочной и заочной формам обучения, в том числе с применением дистанционных технологий в 15 филиалах по всей стране.

Обучающиеся на юридическом факультете по очной форме обучения имеют право на получение стипендии. Все учебные занятия имеют практикоориентированный характер, большинство преподавателей являются практикующими юристами.

Вместе со студентами головного вуза учащиеся из филиалов участвуют в выездных мероприятиях и международных программах, принимают у себя делегации

из других филиалов и столицы. Студенты имеют возможность обучаться не только в России, но и за рубежом.

Лицам, получающим высшее образование по очной форме обучения, предоставляется отсрочка от призыва в Вооруженные Силы РФ на весь срок обучения. В 2016 г. при Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) был создан Военный учебный центр, осуществляющий подготовку по программам военной подготовки офицеров запаса и программам военной подготовки солдат запаса в интересах Министерства обороны РФ.

Учащиеся имеют возможность заниматься собственными научными исследованиями, а также принимать участие в различных студенческих кружках и клубах. В Университете множество студенческих объединений: студенческий совет, танцевальные коллективы и спортивные команды. Студенты Университета принимают активное участие в научных конференциях, конкурсах, фестивалях, спортивных состязаниях, военно-патриотических сборах.

Одним из важных социально-правовых проектов является юридическая клиника, осуществляющая прием граждан на безвозмездной основе. Бесплатная юридическая помощь оказывается студентами старших курсов под руководством преподавателей в виде правового консультирования в устной или письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера.

Кроме того, студенты в течение обучения проходят обязательную практику по юридической профессии.

Заключение

Юридическое образование – важнейшая часть правового пространства государства, механизм обеспечения правового здоровья нации, укрепления законности и правопорядка, а также основа для воспитания и формирования юридического самосознания граждан. Сохраняя и приумножая лучшие традиции отечественного образования и науки, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) вносит значительный вклад в дело воспитания компетентных и высокообразованных юристов нового поколения, отвечающих современным требованиям.

Пристатейный библиографический список

1. Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002). Историко-правовой очерк. М. : НОРМА, 2002.
2. *Остапович И. Ю., Мусинов П. А.* Этапы развития юридического образования в России // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto» : транспорт, общество, образование, язык. 2014. № 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-rossii> (дата обращения: 04.03.2023).
3. *Ахметова Д. И., Лазарева Е. В.* Юридическое образование в России : история и современность // Правовая культура. 2011. № 1 (10).

4. Правила для желающих поступить в Императорское училище правоведения и приготовленные при нем классы. СПб., 1896.

5. Пятидесятилетний юбилей Императорского училища правоведения. СПб., 1886.

6. Иванова Н. М. Из истории юридического образования : Императорское училище правоведения // Криминалист. 2015. № 1.

7. Анненкова Э. А. Императорское училище правоведения // Пространство и время. 2013. № 1 (11).

8. Олейник И. И., Олейник О. Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в Советской России // Вестник ИГЭУ. 2005. Вып. 2.

9. Приказ Минюста России от 25 мая 2015 г. № 120 «Об утверждении Устава федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.12.2022).

10. Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации : 40 лет служения юридическому образованию и закону / отв. ред. С. И. Герасимов. М. : РПА Минюста России, 2010.

References

1. Ministry of Justice of Russia for 200 Years (1802–2002). Historical and Legal Essay. Moscow: Norma, 2002. (In Russ.)

2. Ostapovich I. Iu., Musinov P. A. Stages of Development of Legal Education in Russia. *International Information and Analytical Journal "Crede Experto": Transport, Society, Education, Language*, 2014, no. 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-yuridicheskogo-obrazovaniya-v-rossii> (date of the application: 04.03.2023). (In Russ.)

3. Akhmetova D. I., Lazareva E. V. Legal Education in Russia: History and Modernity. *Legal Culture*, 2011, no. 1 (10). (In Russ.)

4. Rules for Those Wishing to Enroll in the Imperial College of Jurisprudence and Classes Prepared at It. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)

5. The Fiftieth Anniversary of the Imperial School of Jurisprudence. St. Petersburg, 1886. (In Russ.)

6. Ivanova N. M. From the History of Legal Education: Imperial School of Jurisprudence. *Criminalist*, 2015, no. 1. (In Russ.)

7. Annenkova E. A. Imperial School of Law. *Space and Time*, 2013, no. 1 (11). (In Russ.)

8. Oleinik I. I., Oleinik O. Iu. Formation of the System of Training Legal Personnel in Soviet Russia. *Bulletin of IGEU*, 2005, iss. 2. (In Russ.)

9. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 25 May 2015 No. 120 "On Approval of the Charter of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'All-Russian State University of Justice'". URL: www.pravo.gov.ru (date of the application: 22.12.2022). (In Russ.)

10. Gerasimov S. I. (ed.). Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation: 40 Years of Service to Legal Education and the Law. Moscow: RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2010. (In Russ.)

Сведения об авторе:

О. И. Александрова – кандидат юридических наук, доцент, ректор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the author:

O. I. Alexandrova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Rector of All-Russian State University of Justice.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted to the editorial office 09.01.2023; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 25.01.2023.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-18-29>

ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Александр Иванович Бастрыкин

Следственный комитет Российской Федерации, 119146, Россия,
г. Москва, ул. 1-я Фрунзенская, д. 3а

Аннотация

В статье подробно рассматриваются историко-правовые основы становления и развития понятия объективной истины в уголовном процессе, проблемы развития института объективной истины в современный период. Сложившаяся в России система материального и процессуального права имеет глубокие исторические корни. Она создавалась эволюционным путем и, двигаясь постепенно от этапа судебной реформы середины XIX в., пройдя советский этап формирования права, сформулировала определенные правовые постулаты. Автор считает, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ явился продуктом своего времени, ориентированным на прозападные стандарты, вступающие в противоречие с традиционным российским мировоззрением. По мнению автора, необходимо исправить существующее положение в направлении укрепления правового суверенитета отечественного уголовного судопроизводства, поставив во главу угла истину в качестве цели доказывания. Должностные лица, олицетворяющие государственную власть в следственной, прокурорской, судебной сферах, обязаны принимать все меры к поиску истины по уголовному делу. В этом и состоят смысл и назначение уголовного судопроизводства, его нравственные начала.

Ключевые слова: объективная истина; уголовный процесс; УПК РФ; Следственный комитет РФ; англо-американская модель уголовного процесса; континентальная правовая система.

Для цитирования: Бастрыкин А. И. Об объективной истине в уголовном процессе: история и современность // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 18–29. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-18-29>

Research Article

ON THE OBJECTIVE TRUTH IN CRIMINAL PROCEEDINGS: HISTORY AND MODERNITY

Alexander I. Bastrykin

Investigative Committee of the Russian Federation,
3a 1st Frunzenskaia St., Moscow, 119146, Russia

Abstract

The article examines in detail the historical and legal foundations of the formation and development of the concept of objective truth in criminal proceedings, the problems of the development of the institution of objective truth in the modern period. The system of substantive and procedural law that has developed in Russia has deep historical roots. It was created in an evolutionary way and, moving gradually from the stage of judicial reform in the middle of the 19th century, having passed the Soviet stage of law formation, formulated certain legal postulates. The author believes that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was a product of its time, focused on pro-Western standards that contradict the traditional Russian worldview. According to the author, it is necessary to correct the existing situation in the direction of strengthening the legal sovereignty of domestic criminal proceedings, putting the truth as the goal of proof at the forefront. Officials representing state power (investigative, prosecutorial, judicial) are obliged to take all measures to find the truth in a criminal case. This is the meaning and purpose of criminal proceedings, its moral principles.

Keywords: objective truth in criminal proceedings; Criminal Procedure Code of the Russian Federation; Investigative Committee of the Russian Federation; Anglo-American model of criminal proceedings; continental legal system.

For citation: *Bastrykin A. I. On the Objective Truth in Criminal Proceedings: History and Modernity. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 18–29. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-18-29>

Введение

Философия права как научная дисциплина исследует смысл и сущность права, его основания и место в мире, его ценность и значимость, роль в жизни человека, общества и государства, в судьбах народов и человечества.

Истина, о которой идет речь, имеет глубокое общественное звучание и соответствующим образом находит отклик у представителей различных сфер деятельности, в том числе в области уголовного процесса.

В уголовно-процессуальной сфере она, безусловно, носит прикладной характер и должна пониматься как цель, достижение которой обеспечивает справедливое решение по делу, в том числе обвинительный приговор лицу, виновному в совершении преступления.

1. Историко-правовые основы становления и развития понятия объективной истины в уголовном процессе

Эта цель имеет прочные исторические корни. В Соборном уложении 1649 г. уже содержалось требование о том, что суд в Московском государстве будет вести расправу «в правду», иначе говоря, рассматривать судебные тяжбы с целью установления истины.

В «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» Петра I (1715) судье вменялось «знать права и разуметь правду, ибо не разумеющий правды не может рассудить ее» [1].

Перед Следственным комитетом РФ стоит ответственная задача по разработке мер государственной политики в сфере уголовного судопроизводства, которую мы реализуем в том числе посредством участия в процессе совершенствования законодательства.

Один из вопросов, остро волнующих сегодня наших граждан, – это проблема обеспечения **справедливого правосудия, объективного предварительного и судебного следствия**.

Тема эта не нова. Достаточно сказать, что уже в процессе судебной реформы 1860-х гг. в Российской империи был четко обозначен такой правовой институт, как установление судом истины по уголовному делу.

Устав уголовного судопроизводства, наряду с другими уставами (Уставом гражданского судопроизводства, Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Учреждением судебных установлений), принятыми в 1864 г., вне всякого сомнения, является образцом отечественного законодательства и правовой культуры.

Так, сравнивая Устав уголовного судопроизводства 1864 г. с соответствующими актами Европы, известный немецкий правовед того времени Карл Миттермайер писал, что «он (устав) стоит выше даже многих новейших законодательных работ» [2, с. 16].

И действительно, в ходе этой великой реформы суд стал гласным и открытым. Появилась состязательность (но не как самоцель процесса, а как способ познания истины), при которой стороны получили равные права на предоставление и опровержение доказательств. Введено судебное следствие, на котором проверялись данные предварительного расследования. Судебная власть была полностью отделена от административной, а судебное следствие – от следствия полицейского и стало процессуально независимым. Судьи общих судов сделались несменяемыми, а мировые судьи – выборными. В ходе реформы кроме суда были реформированы прокуратура, нотариат, создано сословие присяжных поверенных (адвокатура).

Но самое главное – в той реформе был четко обозначен такой важный правовой институт, как установление судом истины по уголовному делу.

Вот дословная цитата того, что говорится о введении в российское судопроизводство состязательных начал в книге «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны»: «Начало судебного состязания сторон не исключает самостоятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дела только по тем данным, которые предъявлены сторонами, но требует единственно того, чтобы по всем сведениям, относящимся к делу, сторонам предоставлена была возможность судебного состязания. **Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины.** В стремлении к этой цели суд уголовный не может принимать в уважение желание сторон, – ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невиновность, ни того, что сам обвинитель потворствует ему. Поэтому, если стороны не предъявили всех тех сведений, которые должны служить данными для основательного разрешения дела, то суд не может удовлетвориться одними их заявлениями, но обязан потребовать дополнительных сведений» [3, с. 244].

Как видно из этого фрагмента, основоположники судебной реформы 1864 г. четко понимали **состязательность не как самоцель процесса, а как вспомогательный инструмент познания объективной истины по делу.**

Эти цель и назначение уголовного процесса позже были увековечены изречением, высеченным по личному указанию императора Александра II на здании Старого Арсенала (в нем располагался окружной суд): «Правда и милость да царствуют в судах».

Анатолий Федорович Кони в работе «Памяти Н. И. Стояновского» в связи с этим пишет: «В светлый весенний день... с горельефа, украшающего ворота Старого Арсенала на Литейном, спала завеса, и впервые заблестали слова «Правда и милость да царствуют в судах», слова, получавшие с этого дня возможность обратиться в дело» [4].

Именно с того времени в народном сознании укоренилось стремление «искать правду в суде».

И нам остается только сожалеть, что важнейшие идеи и ценности уголовного судопроизводства, определившие последующие правовые традиции не только российского, но и европейского уголовного процесса, а также тот величайший опыт проведения реформы, который был передан нам ее отцами в дошедших до нас изданиях, не был востребован составителями Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) 2001 г.

2. Проблемы развития института объективной истины в современный период

За 20-летний период работы Кодекса было принято порядка 300 федеральных законов (291), которыми внесено в него около двух тысяч тех или иных дополнений и изменений (1951).

Вместе с тем краеугольный камень в основание современного отечественного уголовного судопроизводства так и не положен. Речь идет о введении в уголовный процесс правового института объективной истины как цели доказывания.

Крайне досадно, что принятие кодекса, лишенного определения цели доказывания, стало попыткой отказаться от традиционных ценностей в пользу чуждой

нам англо-американской модели уголовного процесса путем механического ее насаждения в отечественную правовую систему.

В результате этого действующий УПК РФ тяготеет к чистой состязательности, в которой **суду отведена роль пассивного наблюдателя за противоборством сторон**, где судья выносит приговор, основываясь на тех доказательствах, которые ему предоставлены, и, проще говоря, в пользу той стороны, которая была на суде более убедительной.

В итоге по большому счету истина в уголовном процессе оказалась на заднем плане: ведь закон не предписывает познавать ее и позволяет быстро разрешить спор между сторонами без ее установления.

Кстати, в уголовном процессе США широко применяются различного рода формальные правила доказывания: презумпции, сделки с правосудием, в том числе в вопросах об оценке доказательств. Иными словами, то или иное обстоятельство может считаться для суда доказанным по соглашению сторон, без его проверки, даже в ущерб истине.

Сторонники подобной правовой идеологии состязательного процесса утверждают, что суд, ориентированный на инициативный сбор доказательств, невольно утратит объективность, встав на позицию какой-либо из сторон, как бы подыгрывая ей и нарушая баланс их равенства. В связи с этим утверждается, что концепция истины как ориентира в доказывании противоречит принципу состязательности. Отдельные ученые в пылу полемики даже утверждают, что истина в уголовном процессе – это порождение исключительно социалистического правосознания, которое желало прикрыть ею обвинительные репрессии.

Однако чем же плоха чистая состязательность, закрепленная в американском уголовно-процессуальном законодательстве? И почему она не подходит для нашего, российского процесса?

Дело в том, что справедливость правосудия в условиях такой состязательности может быть обеспечена только тогда, когда противоборствующие стороны (обвинения, защиты) изначально имеют равные возможности по собиранию доказательств и отстаиванию своей позиции в суде, т.е. находятся в равной «весовой категории».

Но российский уголовный процесс на досудебных стадиях традиционно не является состязательным.

Здесь доминирующим субъектом доказывания выступает орган предварительного расследования (следователь, дознаватель). Таким образом, на стороне обвинения находится вся мощь следственных действий, носящих принудительный и оперативно-розыскной и поэтому часто негласный характер.

Сторона же защиты на этом этапе фактически обладает лишь возможностями заявить ходатайство о производстве следственного действия, представить документы, которые могут быть отклонены стороной обвинения, а также опросить (допросить) лицо с его согласия.

В итоге на стадии судебного разбирательства сторона обвинения изначально находится в более выгодном положении, чем сторона защиты, так как обладает всей полнотой изобличающих доказательств.

На деле мы имеем поединок неравных соперников в суде. Поэтому неудивительно, что в подавляющем большинстве случаев стороне защиты не удастся преуспеть по аргументам обвинения, особенно если подсудимый пользуется бесплатным защитником.

В отличие от этого в англо-американском процессе нет как такового предварительного расследования, а судопроизводство на всех стадиях проходит в состязательной форме в условиях сбалансированного равенства сторон.

Именно поэтому в уголовном процессе континентальной правовой системы, где традиционно представлено полноценное досудебное производство (предварительное расследование), предусмотрена система противовесов, при которой следователь является не обвинителем, а независимым исследователем, а суд, разрешающий дело, обязан быть судом активным – в целях полного, объективного и всестороннего исследования всех имеющихся доказательств с главной целью – установления истины.

Эти позиции в том или ином виде заложены во все уголовные процессы стран континентального права. Так, ст. 81 УПК Франции гласит, что «следственный судья производит в соответствии с законом любые следственные действия, которые он сочтет необходимыми для установления истины. Он расследует дело как в сторону обвинения, так и в сторону защиты».

Параграф 244 УПК ФРГ устанавливает, что «для выяснения истины суд должен по своей инициативе распространить исследование доказательств на все факты, имеющие значение для принятия решения».

В 2022 г. мы торжественно отметили 11-ю годовщину создания новой федеральной структуры – Следственного комитета РФ.

С момента образования ведомства мы нацеливаем своих подчиненных на установление истины по уголовному делу.

Благодаря активному развитию наших следственных и криминалистических подразделений, оснащению Следственного комитета новейшим криминалистическим оборудованием в 2021 г. раскрываемость превысила уровень **95%** (95,4%), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом – **98%**, а изнасилований – **99%**.

При этом в 2021 г. раскрыто почти семь тысяч (6913) преступлений по уголовным делам, приостановленным в прошлые годы. Более половины (57%) из них составили тяжкие и особо тяжкие преступления (3912), в том числе **768** убийств.

А всего за время работы ведомства более 11 лет наши следователи смогли раскрыть свыше **74 тыс. преступлений прошлых лет**, уголовные дела по которым были в свое время приостановлены.

За этот же период в суды передано **1 млн 107 тыс. 168** уголовных дел о преступлениях различных категорий в отношении **1 244 930** обвиняемых. При этом удельный вес оправданных судом лиц по делам Следственного комитета составляет не более **0,6%**. Потерпевшим от преступлений в ходе следствия возмещено **635 млрд** руб. Кроме того, наложен арест на имущество обвиняемых на сумму **416 млрд** руб.

В целом же в ходе упомянутой мной реформы следственных органов организационное и функциональное разделение предварительного следствия и проку-

рорского надзора позволило как следователю, так и прокурору быть более **объективным и беспристрастным**.

Но окончательно уйти от обвинительного уклона позволит лишь шаг, о котором мы давно и настойчиво говорим, – введение в уголовный процесс истины как ориентира доказывания для всех участников уголовного судопроизводства, государство через закон четко и однозначно поставит перед следователем, прокурором и судом задачу полно, объективно и всесторонне разобраться в произошедшем событии и принять все меры, направленные на отыскание истины.

Ведь цель уголовного судопроизводства для этих его участников, несмотря на различия их функций в состязательном процессе, едина. Она сформулирована в ст. 6 УПК РФ – это защита прав потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, назначения виновным справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных. А эта цель может быть достигнута только тогда, когда правовая оценка содеянного основывается на истинных данных о событии преступления и когда судьба человека не зависит от красноречия сторон, а судья обладает всем арсеналом правовых средств постановления справедливого приговора.

Это невозможно без выяснения фактических обстоятельств уголовного дела такими, какими они были в действительности, т.е. установления по делу **объективной истины**. Ведь принятие итогового решения на основании недостоверных данных приводит к неправильной уголовно-правовой оценке деяния, осуждению невиновного или оправданию виновного.

Таким образом, ориентированность процесса доказывания по уголовному делу на достижение объективной истины является необходимым условием правильно разрешения уголовного дела и отправления справедливого правосудия.

Однако действующий УПК РФ не содержит требования о принятии публично-правовыми субъектами доказывания всех возможных мер, направленных на ее отыскание.

В связи с этим мы предлагали ранее и вновь предлагаем сейчас возродить в уголовном судопроизводстве отечественные традиции истины, нашедшие свое воплощение в судебных преобразованиях 1860 г., о которых мы сказали в начале этой статьи.

В связи с этим нельзя не отметить, что ст. 613 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., а также ст. 257 УПК РСФСР 1922 г. **предписывали председателю в суде принимать меры и направлять ход дела к тому, чтобы была раскрыта истина**.

Но наиболее последовательно и системно этот принцип был реализован в УПК РСФСР 1960 г., который установил полноту, объективность и всесторонность в качестве основного принципа уголовного судопроизводства.

При этом для восполнения неизвестных обстоятельств дела допускалось установление их не только прямыми, но и косвенными доказательствами, которые в своей совокупности также приводили к истинному знанию.

Традиционно в российском уголовном судопроизводстве суду отводилась активная роль в доказывании. В целях обеспечения полноты, объективности и все-

торонности УПК РСФСР позволял председательствующему собирать доказательства и устранять пробелы в доказательственной базе.

Анализ разработанной отечественными учеными доктрины объективной истины, которая легла в основу кодекса 1960 г., позволяет утверждать, что она не была оторвана от реальности.

Эта доктрина учитывала то обстоятельство, что уголовно-процессуальное исследование фактов преступного события объективно ограничено возможностями человеческого познания, опосредованным характером изучения преступления, которое является событием прошлого, свойствами следовой информации со временем видоизменяться и уничтожаться, а также многими иными факторами объективного и субъективного характера.

При активном участии Следственного комитета в Государственную Думу депутатом Александром Ремезковым в январе 2014 г. был внесен законопроект (№ 440058-6) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [5], который в июле 2018 г., к сожалению, был снят с рассмотрения.

В законопроекте предлагается модель **сбалансированной состязательности**, ориентирующая публично-правовых субъектов доказывания (не только суд, но и дознавателя, следователя и прокурора) на активную и беспристрастную роль в познании истины по делу.

Одним из элементов такой модели должно было стать наделение судьи обязанностью проявлять активность в сборе доказательств при их недостаточности для обеспечения правильного разрешения дела на основе достоверных знаний. Это бы укрепило независимость судебной власти, так как позволило бы суду не связывать себя мнением сторон и выйти за пределы представленных ими доказательств по своему усмотрению.

Законопроект широко обсуждался в обществе. Многие его поддержали. Так, был получен положительный отзыв Верховного Суда РФ, и позиция Следственного комитета совпала с позицией Верховного Суда.

Но есть и остаются оппоненты, которые считают, что эта предложенная нами инициатива – происки следственных органов, направленные на облегчение их работы.

Это совершенно ложное утверждение. Следователи знают жизнь уголовного судопроизводства, что называется, изнутри, поэтому хорошо видят его реальные недостатки. На самом деле обязанность принимать все меры к установлению действительных обстоятельств уголовного дела (т.е. установление истины) только добавит забот следственным органам, но никак не упростит их деятельность. Процесс доказывания усложнится, но тем не менее мы ратуем за объективную истину, ее присутствие в уголовно-процессуальном законодательстве, так как это полностью отвечает интересам наших граждан и их конституционному праву на объективный и справедливый приговор.

Следует особо отметить, что законопроект вызвал бурную реакцию прежде всего адвокатского сообщества как якобы посягающий на конституционные принципы состязательности сторон, презумпцию невиновности.

На самом деле законопроект нисколько не противоречит состязательности уголовного судопроизводства. Объясним почему.

Справедливость правосудия в России, как уже было отмечено, традиционно связывалась с истиной. Российские юристы всегда исходили из того, что невозможно вынести справедливый приговор, основываясь на недостоверных или неполных данных. Такой приговор будет ущемлять либо права потерпевшего, либо права обвиняемого.

Наши предки исходили из того, что истина в уголовном процессе будет достигнута тогда, когда положительные или отрицательные ответы на вопросы об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, будут соответствовать тому, что имело место в действительности. В первом случае результатом этого будет обвинительный приговор, а во втором – оправдательный. То же самое относится и к предварительному следствию.

Об этом еще в 1886 г. замечательно емко и очень образно выразился прокурор Московской судебной палаты, будущий генерал-прокурор и министр юстиции Николай Валерианович Муравьев: «следователь кладет фундамент, на котором стоны, обвинение и защита, возводят стены... Следователь в значительной степени держит в своих руках судьбу уголовной истины» [6, с. 327]. И мы стараемся сделать так, чтобы этот фундамент был прочным.

Как уже отмечалось, своих следователей мы всегда нацеливаем на поиск истины. Но процессуальная обязанность поиска правды по уголовному делу должна быть и у суда, так как именно он обязан обеспечить справедливость правосудия.

Думаю, ясно и то, что судебный приговор должен быть основан на полном, всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств совершенного деяния, а состязательность в данном случае может выступать необходимым подспорьем к этому.

В качестве цели доказывания истина определена, как я уже говорил, в уголовно-процессуальных кодексах Германии и Франции. В том или ином виде она присутствует в уголовно-процессуальных кодексах большинства стран СНГ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Молдова, Грузия и другие).

Вместе с тем некоторые ученые говорят нам о том, что в условиях, когда органы предварительного следствия недоработали, представили неполные доказательства, **суд не обязан устранять такие недоработки предварительного следствия**, а просто должен оправдать подсудимого. Именно в этом, **по их мнению**, и заключается принцип презумпции невиновности.

Полагаем, что такое понимание этого незыблемого принципа не соответствует ни нашей Конституции, ни нормам международного права.

Конституционный Суд, определяя конституционно-правовой смысл выводов, сделанных на досудебной стадии уголовного судопроизводства, неоднократно отмечал, что они носят предварительный характер, а само досудебное производство призвано служить целям полного и объективного разбирательства дела в суде.

Поэтому суд должен исправить ошибки, допущенные на досудебной стадии. На возможность исправления следственных ошибок в части квалификации содеянного по менее тяжкой статье направлено вынесенное в июле 2013 г. Постанов-

ление Конституционного Суда по проверке конституционности ст. 237 УПК РФ, согласно которому эта статья признана неконституционной, а за судом закреплено право в целях обеспечения справедливого правосудия ухудшать положение подсудимого посредством возвращения уголовного дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения [7].

Об этом говорит и ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой «каждый, чьи права и свободы нарушены, должен иметь право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

Из сказанного следует единственно возможный вывод: институт объективной истины **не только не противоречит принципу презумпции невиновности**, но и делает ее реально работающей, **обеспечивая защиту интересов обвиняемого, а также права потерпевшего**.

Еще раз подчеркнем: законопроект об объективной истине направлен прежде всего на то, чтобы вернуть российскому судье высокую роль независимого вершителя правосудия, что позволит значительно повысить доверие наших граждан к судебной системе.

Заключение

Но вернемся еще раз к отечественной юриспруденции и вспомним, что во многих произведениях знаменитых российских юристов и судебных деятелей, особенно в трудах Анатолия Федоровича Кони и Сергея Аркадьевича Андреевского, последовательно отстаивались институты правды и истины для правосудия.

Так, например, в очерке «Нравственные начала в уголовном процессе» Анатолий Федорович Кони справедливо заметил: «Судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: «Я так хочу». Он должен говорить: «Я не могу иначе». «Не могу», потому что и логика вещей, и внутренне чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть как судьи и человека» [8].

Сергей Аркадьевич Андреевский (товарищ прокурора Петербургского окружного суда, а позднее – адвокат) отмечал: «В правде есть что-то развязывающее руки, естественное и прекрасное. Если вы до нее доищетесь, то какой бы лабиринт нелепых взглядов и толкований ни опутывал дело, вы всегда будете чувствовать себя крепким и свободным. Если даже дело проиграется, то вы испытаете лишь нечто вроде ушиба от слепой материальной силы».

А прославленный российский юрист Федор Никифорович Плевако в одну из годовщин издания Судебных уставов 1864 г. справедливо отмечал, что уставы созданы не для карьеры судей и прокуроров, они – для водворения правды на Руси.

Сложившаяся в России система материального и процессуального права имеет глубокие исторические корни. Она создавалась эволюционным путем и, двигаясь постепенно от этапа судебной реформы середины XIX в., пройдя советский этап формирования права, сформулировала определенные правовые постулаты.

Оглядываясь на 20 лет назад, представляется вполне очевидным, что УПК РФ явился продуктом своего времени, ориентированным на прозападные стандар-

ты, вступающие в противоречие с традиционным российским мировоззрением. Полагаем, что настала пора исправить существующее положение в направлении укрепления правового суверенитета отечественного уголовного судопроизводства, поставив во главу угла истину в качестве цели доказывания.

Должностные лица, олицетворяющие государственную власть (следственную, прокурорскую, судебную), обязаны принимать все меры к поиску истины по уголовному делу. В этом и состоят смысл и назначение уголовного судопроизводства, его нравственные начала.

Пристатейный библиографический список

1. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4. М. : Юрид. лит., 1986.
2. *Mittermeier K.* Новый проект русского уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1864. Т. 22.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866.
4. Речь, посвященная памяти Н. И. Стояновского, 1901 год. Опись дел фонда А. Ф. Кони за 1880–1931 гг. // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина.
5. Законопроект № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Муравьев Н. В.* О судебной службе : беседы с кандидатами на судебные должности / *Муравьев Н. В.* Из прошлой деятельности. СПб., 1900. Т. 1.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».
8. *Кони А. Ф.* Избранные произведения. М. : Госюриздат, 1956.

References

1. Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vols. Vol. 4. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1986. (In Russ.)
2. *Mittermeier K.* A New Project of Russian Criminal Justice Proceedings. *Journal of the Ministry of Justice*, 1864, vol. 22. (In Russ.)
3. Judicial Statutes of 20 November 1864 with a Statement of the Reasoning on Which They Are Based. St. Petersburg, 1866. (In Russ.)
4. Speech Dedicated to the Memory of N. I. Stoianovskii, 1901. Inventory of the Affairs of the A. F. Koni Foundation for 1880–1931. *Presidential Library named after B. N. Yeltsin*. (In Russ.)
5. Draft Law No. 440058-6 “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Institution of Establishing Objective Truth in a Criminal Case” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

6. *Muraviev N. V.* On the Judicial Service: Conversations with Candidates for Judicial Positions. In *Muraviev N. V.* From Past Activities. St. Petersburg, 1900. Vol. 1. (In Russ.)

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2 July 2013 No. 16-P “On the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Part One of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of a Citizen of the Republic of Uzbekistan B. T. Gadaev and the Request of the Kurgan Regional Court” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

8. *Koni A. F.* Selected Works. Moscow: Gosizurizdat, 1956. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. И. Бастрькин – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Председатель Следственного комитета РФ, генерал юстиции РФ.

Information about the author:

A. I. Bastrykin – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, General of Justice of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 07.12.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted to the editorial office 07.12.2022; approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-30-39>

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДНЫХ КОМИССАРИАТОВ ЮСТИЦИИ РСФСР И СССР (1917–1946 гг.)

Василий Николаевич Бабенко

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

vasbabenko@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления деятельности народных комиссариатов юстиции РСФСР и СССР в 1917–1946 гг. В период Гражданской войны и иностранной интервенции, в годы проведения новой экономической политики, индустриализации, коллективизации и культурной революции, во время массовых политических репрессий 1930-х гг. и Великой Отечественной войны вносились соответствующие изменения в структуру и полномочия данных государственных органов. Целью исследования является выявление особенностей правовой регламентации организации и функционирования народных комиссариатов юстиции в контексте государственно-правовых преобразований, происходивших в РСФСР и Советском Союзе в исследуемый период. Методологию исследования составляют сравнительно-правовой и историко-правовой методы. В работе освещается вклад отдельных народных комиссаров юстиции в совершенствование структуры и основных направлений деятельности народных комиссариатов юстиции РСФСР и СССР в 1917–1946 гг. Выводы и результаты настоящей работы могут быть использованы при подготовке исследований и учебных пособий в области истории государства и права.

Ключевые слова: РСФСР; СССР; 1917–1946 гг.; народный комиссариат юстиции; структура; функции; народные комиссары юстиции.

Для цитирования: Бабенко В. Н. Политико-правовые особенности деятельности народных комиссариатов юстиции РСФСР и СССР (1917–1946 гг.) // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 30–39. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-30-39>

Research Article

POLITICAL AND LEGAL FEATURES OF THE ACTIVITIES OF THE PEOPLE'S COMMISSARIATS OF JUSTICE OF THE RSFSR AND THE USSR (1917–1946)

Vasily N. Babenko

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia
vasbabenko@mail.ru

Abstract

The article discusses the main activities of the People's Commissariats of Justice of the RSFSR and the USSR in 1917–1946. During the Civil War and foreign intervention, during the years of the new economic policy, industrialization, collectivization and cultural revolution, during the mass political repressions of the 1930s and the Great Patriotic War, corresponding changes were made to the structure and powers of these state bodies. The purpose of the study is to identify the features of the legal regulation of the organization and functioning of People's commissariats of justice in the context of state-legal transformations that took place in the RSFSR and the Soviet Union during the period under study. The methodology of the study consists of comparative legal and historical legal methods. The paper highlights the contribution of individual People's Commissars of Justice to the improvement of the structure and main activities of the People's Commissariats of Justice of the RSFSR and the USSR in 1917–1946. The conclusions and results of this work can be used in the preparation of studies and textbooks in the field of the history of state and law.

Keywords: RSFSR; USSR; 1917–1946; People's Commissariat of Justice; structure; functions; People's Commissars of Justice.

For citation: Babenko V. N. Political and Legal Features of the Activities of the People's Commissariats of Justice of the RSFSR and the USSR (1917–1946). *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 1, pp. 30–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-30-39>

Введение

После победы Октябрьской революции партии большевиков пришлось решать вопросы создания новой формы государства, его устройства и политического режима. Установление диктатуры пролетариата и оформление республики Советов происходило в тяжелых условиях Гражданской войны и иностранной интервенции. Для успешного решения этих задач необходимо было ликвидировать инсти-

туты существовавшей до революции политико-правовой системы (высшие органы государственной власти во главе с Временным правительством, прежнюю судебную систему, органы земского и городского управления).

На II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов были учреждены центральные органы нового государства. Высшим органом государственной власти был провозглашен Съезд советов, а в период между его заседаниями – Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). На данном съезде было также создано Временное рабоче-крестьянское правительство – Совет народных комиссаров (СНК), которое возглавил В. И. Ленин. В составе 13 народных комиссариатов был учрежден и Народный комиссариат юстиции.

1. Народный комиссариат юстиции РСФСР (1917–1936 гг.)

Первым народным комиссаром юстиции стал Г. И. Оппоков (псевдоним А. Ломов). Он был активным участником Октябрьской революции в Петрограде, делегатом II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. В связи с тем, что Г. И. Оппоков выступал против формирования однопартийного состава правительства, он практически не принимал участия в создании первого советского наркомата юстиции, формально занимая эту должность с 26 октября до 3 ноября 1917 г. Летом 1937 г. Г. И. Оппокова арестовали, обвинив его во вредительстве и участии в деятельности контрреволюционной террористической организации. В сентябре 1937 г. его приговорили к высшей мере наказания. 30 декабря 1938 г. Г. И. Оппоков был расстрелян.

П. И. Стучка занимал дважды пост наркома юстиции РСФСР – с 16 ноября по 9 декабря 1917 г., а затем с 18 марта по 22 августа 1918 г. В связи с активным участием в переговорах по заключению мира между Россией и Германией 9 декабря 1917 г. П. И. Стучка был освобожден от обязанностей наркома юстиции. А затем 18 марта 1918 г. наркомом юстиции РСФСР был вновь назначен П. И. Стучка, исполнявший эти обязанности до 22 августа 1918 г. Работа П. И. Стучки в Народном комиссариате юстиции РСФСР «оказала, – указывают М. В. Жиков и В. А. Ковалев, – большое влияние на его воззрения в отношении действовавшего в то время законодательства и господствующей правовой теории» [1, с. 29]. Под его руководством разрабатывались основы советского правосудия. П. И. Стучка принимал участие в подготовке декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» и Декрета о суде № 1. Следует отметить, что в Декрете о суде «было формально предоставлено право использовать действовавшие ранее законы, если они не были до этого отменены органами Советской власти и не противоречили «революционному правосознанию»» [2, с. 253]. П. И. Стучка являлся составителем «Руководства для устройства революционных трибуналов», Декрета СНК РСФСР «О революционных трибуналах», а также инструкции НКЮ РСФСР «Об организации и действии местных народных судов». Он принимал активное участие в подготовке Конституции РСФСР 1918 г., а затем в разработке Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г.

И. З. Штейнберг, занимавший пост наркома юстиции РСФСР с 26 ноября 1917 г. до 18 марта 1918 г., в то же время руководил отделом личного состава и управлением тюрем. В этот период наркомат юстиции разработал и ввел в действие важ-

ные правовые акты: «О мерах заключения задержанных и об учреждении при тюрьмах следственных комиссий, проверяющих правильность и законность ареста», «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений», «Об учреждении тюремной коллегии при Народном комиссариате юстиции», «О тюремных командах», Декрет «О комиссиях для несовершеннолетних».

И. З. Штейнберг был одним из организаторов создания в стране системы загсов. После принятия в 18 декабря 1917 г. Декрета «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния» было утверждено постановление «Об организации отделов записей браков и рождений» и соответствующая инструкция. В них предлагалось создать отделы записей браков и рождений при органах местного самоуправления во главе с председателем управы. «Издание Декрета о суде № 2 от 15 февраля 1918 г., подготовленного под руководством наркома юстиции левого эсера И. З. Штейнберга, продолжило, – отмечает С. А. Колунтаев, – развитие общей судебной системы...» [3. с. 24]. Однако утвержденная 19 декабря 1917 г. наркоматом юстиции Инструкция революционному трибуналу содержала требование прекратить репрессии против отдельных лиц, государственных учреждений и печати. В связи с этим у И. З. Штейнберга возникли противоречия с Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК). Кроме того, 31 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров (СНК) по его инициативе принял решение о разграничении полномочий ВЧК и Следственной комиссии при Петроградском Совете. В марте 1918 г. возникла прямая конфронтация между наркомом юстиции и председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским. Все это способствовало тому, что И. З. Штейнберг в знак протеста против подписания Брестского мира объявил о выходе из состава СНК.

В начале 20-х гг. XX в. на территории бывшей Российской империи происходил процесс межгосударственного размежевания, что привело в конечном итоге к образованию 30 декабря 1922 г. СССР. В целом это способствовало расширению компетенции и функций Народного комиссариата юстиции РСФСР. В этот период в Советской России проводилась новая экономическая политика, а также судебная реформа. В то же время возникла необходимость осуществить кодификацию законодательства.

Назначенный 22 августа 1918 г. народным комиссаром юстиции РСФСР Д. И. Курский занимал этот пост почти 10 лет (до 16 января 1928 г.), являясь одновременно первым советским прокурором. В 1922 г. было принято Положение о судостроительстве РСФСР, в соответствии с которым упразднялись революционные трибуналы и создавались народные суды. Д. И. Курский принимал активное участие в кодификации советского законодательства, в разработке Уголовного и Гражданского кодексов РСФСР. Он участвовал также в подготовке других кодифицированных правовых актов. Наркомат юстиции РСФСР принимал активное участие в подготовке Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. Д. И. Курский фактически «был одним из создателей советской юстиции, основанной не на следовании закону, а на «революционной необходимости»» [4. с. 26].

1 февраля 1923 г. было принято Положение о Народном комиссариате юстиции РСФСР. На него возлагались следующие полномочия: а) общее руководство, орга-

низация и инструктирование всех действующих на территории РСФСР судебных учреждений, прокуратуры, органов следствия, нотариата и судебных исполнителей; б) наблюдение за законностью; в) наблюдение за деятельностью земельных комиссий, арбитражных комиссий при Совете Труда и Обороне и экономических совещаний, примирительных камер, третейских судов и других аналогичных учреждений, наделенных судебными функциями; г) наблюдение за деятельностью коллегий защитников и организация юридической помощи населению; д) рассмотрение спорных вопросов о разграничении компетенции органов юстиции с одной стороны и органов прочих ведомств, с другой; е) наблюдение за ведением за границей уголовных и гражданских дел, в коих заинтересовано Правительство РСФСР, и переписка по сношениям судебных мест РСФСР с иностранными судами; ж) предварительное рассмотрение всех вносимых во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров и Совет Труда и Обороне законодательных предложений; з) толкование действующих законов по запросам центральных и местных органов и по поручениям Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороне; и) опубликование законов и распоряжений Правительства и наблюдение за частными изданиями упомянутых законов и распоряжений; к) разработка совместно с Народным Комиссариатом Внутренних Дел правил об исправительно-трудовой системе в отношении лиц, приговоренных к лишению свободы или принудительным работам без лишения свободы, и надзор за правильным функционированием мест лишения свободы и исправительно-трудовых учреждений; наблюдение за деятельностью комиссий по делам о несовершеннолетних; л) общее руководство и наблюдение за проведением в жизнь отделения церкви от государства; м) участие в разработке программы по подготовке советских юристов в юридических школах и правовых отделениях факультетов общественных наук; организация краткосрочных курсов для судебных работников [5].

Народный комиссариат юстиции РСФСР включал шесть отделов, охватывавших основные направления его деятельности: 1) Отдел судостроительства и надзора; 2) Административно-финансовый отдел; 3) Отдел законодательных предположений и кодификации; 4) Отдел Прокуратуры; 5) Отдел культур; 6) Издательский отдел.

Считая Д. И. Курского талантливым советским юристом, В. Н. Кудрявцев и А. И. Трусов в то же время отмечали, что «позиции Д. И. Курского были часто непоследовательны: он допустил немало ошибок, например, выдвинул и активно пытался реализовать содержащую немалую долю утопизма идею «единого народного суда», недооценивал гарантии правосудия в уголовном судопроизводстве» [6. с. 213].

В условиях проведения форсированной индустриализации, коллективизации и культурной революции Народный комиссариат юстиции РСФСР выполнял свои функции в рамках реализации государственных планов развития народного хозяйства. Начавшиеся массовые политические репрессии оказали существенное влияние на деятельность органов юстиции в стране. «Местные репрессивные органы с одной стороны были активно вовлечены в процесс переустройства советского государства и активно участвовали в государственных кампаниях, а с другой стороны они были вписаны, – как указывают А. Я. Кодинцев и Д. Н. Шкаревский, –

в региональные структуры и должны были учитывать интересы провинциальных элит» [7, с. 181]. Кроме того, на структуру и деятельность наркомата юстиции РСФСР оказало большое воздействие образование в июле 1936 г. общесоюзного народного комиссариата юстиции.

16 января 1928 г. народным комиссаром юстиции РСФСР и прокурором республики стал Н. М. Янсон. В связи с необходимостью обеспечения единства руководства деятельностью судебными органами и учреждениями прокуратуры надо было внести изменения в структуру наркомата юстиции. В Положении о Народном комиссариате юстиции РСФСР от 3 июня 1929 г. к компетенции наркомюста были отнесены: вопросы проведения единой судебной политики на территории РСФСР; надзор за законностью действий органов власти, хозяйственных органов и общественных организаций; руководство деятельностью органов юстиции и расследования; надзор совместно с НКВД за деятельностью исправительно-трудовых учреждений; дача заключений по всем вносимым в законодательные органы проектам постановлений, имевшим законодательный характер; разработка законопроектов и др. [8]. Н. М. Янсон был инициатором использования труда заключенных для освоения отдельных территорий, привлекая их на заготовки леса и тяжелые земляные работы, а также на крупные стройки. Он совместно с народным комиссаром внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачевым и заместителем председателя ОГПУ Г. Г. Ягодой предложил руководству страны заменить действовавшую в то время структуру мест заключения на систему концентрационных лагерей, широко применявшейся тогда в ОГПУ. В декабре 1937 г. Н. М. Янсон был арестован. Его обвинили в участии в антисоветских эстонской и правотроцкистской организациях и приговорили к расстрелу. 20 июня 1938 г. приговор был приведен в исполнение.

С 5 мая 1931 г. до 20 июля 1936 г. народным комиссаром юстиции РСФСР являлся Н. В. Крыленко. Находясь на этом посту, он участвовал в политических репрессиях, часто выступая против так называемых «классовых врагов». В качестве государственного обвинителя Н. В. Крыленко выступал до середины 1930-х гг. на всех крупных политических процессах: «Шахтинское дело», процесс «Промпартии», по делу «тактического центра» и др. Н. В. Крыленко являлся автором около ста научных работ, посвященных советскому праву: «Судоустройство РСФСР», «Суд и право в СССР» (в трех частях), «Теоретический и практический комментарий к основам судоустройства, судопроизводства и материального уголовного права СССР», «Что такое революционная законность» и др.

В связи с необходимостью усиления массовых политических репрессий возникла потребность в осуществлении централизации управления исправительно-трудовыми учреждениями в рамках Союза ССР. 10 ноября 1934 г. было принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О передаче исправительно-трудовых учреждений Народного комиссариата юстиции РСФСР в ведение Народного комиссариата внутренних дел СССР» [9].

20 июля 1936 г. был образован Народный комиссариат юстиции СССР. При этом Прокуратура была выделена в самостоятельное учреждение. В его структуру включались: судебные органы, отделы судебной защиты и юридической помощи населению, нотариата, кодификации законодательства СССР и юридической консульта-

ции, а также отдел кадров и административно-финансовые подразделения. Кроме того, в состав общесоюзного наркомата юстиции входили: справочно-кодификационная часть, управление учебными заведениями, специальный сектор, секретно-шифровальная часть, Центральное бюро судебно-бухгалтерской экспертизы и Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН).

В июле 1936 г. Н. В. Крыленко был назначен народным комиссаром юстиции СССР. Однако в конце 1937 г. в ЦК ВКП (б) начали поступать письма, заявления и доносы, в которых подвергалась резкой критике его деятельность. 31 января 1938 г. он был арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской организации. 29 июля 1938 г. Н. В. Крыленко был приговорен Военной коллегией Верховного суда к высшей мере наказания, и в тот же день приговор был приведен в исполнение.

2. Народный комиссариат юстиции РСФСР и народный комиссар юстиции СССР (1936–1946 гг.)

20 июля 1936 г. народным комиссаром юстиции РСФСР был утвержден И. Л. Булат, совмещавший эту должность с постом председателя Верховного Суда РСФСР. Он принимал участие в политических репрессиях, давая указания судам на их усиление. И. Л. Булат был сторонником идеи Н. В. Крыленко об упрощенном судопроизводстве. 28 декабря 1937 г. он был арестован по обвинению в организации вредительской работы на железнодорожном транспорте, а также в создании антисоветской группы в Верховном Суде РСФСР и проведении вредительской работы по развалу судебной системы. 20 июня 1938 г. И. Л. Булат был расстрелян.

15 сентября 1937 г. наркомом юстиции РСФСР был назначен В. А. Антонов-Овсеенко, который 12 октября того же года был арестован. Суд обвинил его в сотрудничестве с польской разведкой и в участии в деятельности троцкистской террористической организации. 10 февраля 1938 г. он был расстрелян.

Я. П. Дмитриев, являвшийся народным комиссаром юстиции РСФСР с 18 октября 1937 г. до 26 января 1940 г., принимал активное участие в проведении массовых политических репрессий. Он, в частности, рекомендовал судьям применять в отношении подозреваемых более жесткие меры наказания. Ему не удалось переориентировать функционирование органов юстиции после некоторого ослабления массовых репрессий, и он был освобожден от должности народного комиссара юстиции РСФСР. 15 июня 1939 г. было утверждено Положение о Народном комиссариате юстиции СССР. К его полномочиям были отнесены: наблюдение за применением судебными органами законов и направление им общих указаний по установлению единообразия судебной практики в стране; руководство судебной системой, а также организацией избрания судей и хозяйственным обеспечением судов; руководство, надзор и проверки деятельности судебных учреждений; руководство работой коллегий защитников и нотариата; управление учебными заведениями юридического образования и научно-исследовательскими институтами; осуществление кодификации законодательства, а также подготовка заключений для СНК СССР [10].

В период Великой Отечественной войны в условиях приостановки действия отдельных правовых норм и применения чрезвычайного законодательства органы юстиции должны были оперативно реагировать на решения высших органов власти и управления СССР и вносить соответствующие изменения в свою деятельность.

С 26 января 1940 г. до 12 ноября 1943 г. Народным комиссариатом юстиции РСФСР руководил К. П. Горшенин. В этот сложный период истории для нашей страны ему удалось повысить эффективность деятельности органов юстиции и судебных учреждений республики. ЦК ВКП (б) и СНК СССР высоко оценили его работу и 13 ноября 1943 г. он был назначен Прокурором СССР.

Народный комиссариат юстиции РСФСР (с 5 января 1944 г. до 15 марта 1946 г.), а затем Министерство юстиции РСФСР (с 15 марта 1946 г. до 5 октября 1949 г.) возглавлял И. А. Басавин. На заключительном этапе Великой Отечественной войны и в период восстановления народного хозяйства страны наркоматом юстиции были разработаны и приняты следующие постановления: «О прекращении практики социалистического соревнования в юридических школах и средних учебных заведениях по вопросам учебной работы» (1944), «Об организации контроля за качеством работы адвокатов» (1944), «Об улучшении организации работы органов юстиции» (1945), «Об улучшении работы по рассмотрению кассационных жалоб и протестов на постановления и решения народных судов» (1945), «Об обеспечении народных судов помещениями» (1946) и др. Уделялось также большое внимание вопросам рассмотрения жалоб на факты злоупотребления служебным положением, осуществления незаконных арестов и задержаний, проблемам нарушения порядка судопроизводства и судебным ошибкам.

Народным комиссаром юстиции СССР (с 19 января 1938 г. до 15 марта 1946 г.), а затем министром юстиции СССР (с марта 1946 г. до 29 января 1948 г.) был Н. М. Рычков, сменивший на этом посту подвергшегося резкой критике на 1-й сессии Верховного Совета СССР народного комиссара юстиции СССР Н. В. Крыленко. Н. М. Рычков утверждал приказы и другие правовые акты о применении жестких мер наказания по делам о контрреволюционных преступлениях. В то же время он рекомендовал судам соблюдать при этом действовавшие процессуальные нормы, предвидя в будущем возможные обвинения в чрезмерной жестокости. В годы Великой Отечественной войны наркомат юстиции СССР занимался преобразованием народных судов в военные трибуналы. Он издавал много предписаний и приказов, в которых требовал навести порядок в исполнении судебных решений, а также добивался справедливого отношения к обращениям военнослужащих и членов их семей. Кроме того, был подготовлен сборник правовых актов о пособиях, пенсиях и льготах семьям военнослужащих рядового и начальствующего состава. При непосредственном участии Народного комиссариата юстиции СССР в июле 1941 г. были подготовлены важнейшие указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР: «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», а также «Об ответственности за разглашение государственной тайны или за утрату документов, содержащих государственную тайну».

В этот период важное значение имела Директива Народного комиссара юстиции и Прокурора СССР от 31 июля 1942 г. «О квалификации действий командиров, комиссаров и политработников, привлеченных к суду за самовольное отступление с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров и пропаганду дальнейшего отступления Красной Армии и сроков расследования этой категории дел». В ней был определен порядок исполнения Приказа Народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 г.

Заключение

Таким образом, период с октября 1917 г. по март 1946 г. в истории Советской России и СССР характеризовался рядом эпохальных событий, определивших дальнейшее развитие Советского Союза. Гражданская война и иностранная интервенция, индустриализация, коллективизация и культурная революция, массовые политические репрессии 1930-х гг., Великая Отечественная война советского народа оказали огромное влияние на деятельность государственных органов власти и управления. Этим были обусловлены и особенности деятельности народных комиссариатов юстиции РСФСР и СССР. Они были вынуждены функционировать в условиях радикальных общественно-политических преобразований, внося свой заметный вклад в развитие страны. Они принимали активное участие в создании и совершенствовании органов советской юстиции, в кодификации законодательства, в развитии системы советского правосудия.

Наркомы юстиции нередко проявляли принципиальность в решении поставленных задач, рискуя при этом не только лишением должности, но и судебным преследованием. Пять из 12 действовавших в данный период народных комиссаров юстиции подверглись незаконным политическим репрессиям и были расстреляны. Справедливости ради следует отметить, что абсолютное большинство народных комиссаров юстиции в той или иной мере принимали участие в массовых политических репрессиях. «Единственным наркомом юстиции РСФСР, не запятнавшим себя участием в репрессиях, нарушениях законности, был Константин Петрович Горшенин, ставший впоследствии доктором юридических наук, профессором, министром юстиции Советского Союза» [4, с. 63].

Тем не менее эта страница в истории Министерства юстиции России по-прежнему сохраняет свою актуальность и служит примером для профессионального воспитания молодых работников юстиции с учетом опыта данного исторического периода.

Пристатейный библиографический список

1. *Жиков М. В., Ковалев В. А.* Вклад П. И. Стучки в становление системы советского права // *Юридическая наука : история и современность.* 2022. № 4.
2. *Бабенко В. Н.* Проблемы формирования советской системы правосудия (1917–1920) // *Россия и современный мир.* 2017. № 3.
3. *Колунтаев С. А.* Эволюция советской судебной системы : 1917–1922 годы // *Правосудие.* 2022. Т. 4. № 2.
4. *Гутман М. Ю., Никулин А. Г., Сальников В. П.* К 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации. Народные комиссары юстиции РСФСР и СССР (1917–1946 гг.) // *Юридическая наука : история и современность.* 2021. № 12.
5. Положение о Народном комиссариате юстиции РСФСР от 1 февраля 1923 г. // *СУ РСФСР.* 1923. № 10. Ст. 120.
6. *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. М. : Наука, 2000.
7. *Кодинцев А. Я., Шкаревский Д. Н.* Органы правосудия ХМАО – Югры в 1930–1950-е годы : монография. Сургут : Библиографика, 2019.

8. Положение о Народном комиссариате юстиции РСФСР от 3 июня 1929 г. // *СУ РСФСР*. 1929. № 41. Ст. 434.

9. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР о передаче исправительно-трудовых учреждений Народного комиссариата юстиции РСФСР в ведение Народного комиссариата внутренних дел СССР // *СЗ СССР*. 1934. № 40. Ст. 247.

10. Положение о Народном комиссариате юстиции СССР от 15 июня 1939 г. // *СП СССР*. 1939. № 40. Ст. 301.

References

1. Zhikov M. V., Kovalev V. A. The Contribution of P. I. Stuchka to the Formation of the System of Soviet Law. *Legal Science: History and Modernity*, 2022, no. 4. (In Russ.)

2. Babenko V. N. Problems of Formation of the Soviet Justice System (1917–1920). *Russia and the Contemporary World*, 2017, no. 3. (In Russ.)

3. Koluntaev S. A. Evolution of the Soviet Judicial System: 1917–1922. *Justice*, 2022, vol. 4, no. 2. (In Russ.)

4. Gutman M. Iu., Nikulin A. G., Salnikov V. P. To the 220th Anniversary of the Ministry of Justice of the Russian Federation. People's Commissars of Justice of the RSFSR and the USSR (1917–1946). *Legal Science: History and Modernity*, 2021, no. 12. (In Russ.)

5. Regulations on the People's Commissariat of Justice of the RSFSR of 1 February 1923. *Collection of Legalizations of the RSFSR*, 1923, no. 10, art. 120. (In Russ.)

6. Kudriavtsev V. N., Trusov A. I. Political Justice in the USSR. Moscow: Nauka, 2000. (In Russ.)

7. Kodintsev A. Ia., Shkarevskii D. N. The Organs of Justice of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra in the 1930s–1950s: Monograph. Surgut: Bibliografika, 2019. (In Russ.)

8. Regulations on the People's Commissariat of Justice of the RSFSR of 3 June 1929. *Collection of Legalizations of the RSFSR*, 1929, no. 41, art. 434. (In Russ.)

9. Resolution of the Central Executive Committee and the SNK of the RSFSR on the transfer of correctional labor institutions of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR to the jurisdiction of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR. *Collection of Laws of the USSR*, 1934, no. 40, art. 247. (In Russ.)

10. Regulations on the People's Commissariat of Justice of the USSR of 15 June 1939. *Collection of Regulations of the USSR*, 1939, no. 40, art. 301. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. Н. Бабенко – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author:

V. N. Babenko – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted to the editorial office 16.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Научная статья
УДК 349.3
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-40-48>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Земфира Мухарбиевна Казачкова¹

Владимир Александрович Казачков²

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, 143007, Россия, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3

¹ zem7900@yandex.ru

² kazachkov.stav@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется генезис доктрины и законодательства о некоммерческих организациях (НКО) в контексте укрепления финансовых основ социально ориентированных НКО; влияние государственной политики на уточнение и усиление роли некоммерческих организаций в диалоге государства и гражданского общества. Показаны возможные направления совершенствования финансовой основы деятельности социально ориентированных НКО, в том числе с опорой на прогрессивные зарубежные и региональные практики.

Ключевые слова: некоммерческая организация (НКО); социально ориентированная НКО; налоговые льготы; субсидии; иноагент; контроль; надзор.

Для цитирования: Казачкова З. М., Казачков В. А. Государственная поддержка некоммерческих организаций в контексте стимулирования их социальной направленности // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 40–48. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-40-48>

Research Article

STATE SUPPORT FOR NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF STIMULATING THEIR SOCIAL ORIENTATION

Zemfira M. Kazachkova¹

Vladimir A. Kazachkov²

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

² Odintsovsky Branch of the Moscow State Institute of International Relations,
3 Novosportivnaia St., Odintsovo, 143007, Russia

¹ zem7900@yandex.ru

² kazachkov.stav@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the genesis of the doctrine and legislation on non-profit organizations (NPOs) in the context of strengthening the financial foundations of socially oriented NPOs; the influence of state policy on clarifying the role of non-profit organizations in the dialogue between the state and civil society. Possible directions for improving the financial basis for the activities of socially oriented NPOs are shown, including based on progressive foreign and regional practices.

Keywords: non-profit organization (NPO); socially oriented NPO; tax benefits; subsidies; foreign agent; control; supervision.

For citation: *Kazachkova Z. M., Kazachkov V. A. State Support for Non-Profit Organizations in the Context of Stimulating Their Social Orientation. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 40–48. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-40-48>

Введение

Государственная поддержка – это комплекс государственных управленческих решений и действий экономико-правового, социального, финансового, информационного характера, направленных на развитие некоммерческого сектора, укрепление социальной направленности деятельности НКО. Концептуальные основы создания и функционирования НКО, системных связей с государством и бизнесом, управленческие аспекты, вопросы целевой направленности деятельности НКО – это те вопросы, которые разожгли не только академический интерес. Острый ин-

терес к проблематике государственной поддержки некоммерческих организаций, в первую очередь социально ориентированных НКО, продиктован целым комплексом факторов, обусловлен той весомой ролью, которую играют НКО в диалоге государства и гражданского общества. Сложилась устойчивая тенденция возрастания роли третьего сектора, усложнился и увеличился спектр услуг, оказываемых НКО [1, с. 22–33]. По количеству зарегистрированных НКО Россия не входит в число лидеров-государств: так, количество НКО в США почти в 40 раз превышает российскую численность НКО. Но существенна динамика прироста социально ориентированных НКО, особенно в жизненно важных сегментах волонтерской деятельности, благотворительности. Стремительно растет та ниша, которую отводят НКО средства массовой информации, в том числе электронные ресурсы, освещающие противоречивые процессы, связанные с функционалом и с финансовыми основами деятельности НКО.

НКО имеют потенциал влияния на качество жизни населения [2, с. 224–231], учеными отмечается динамичный процесс институционализации социально ориентированных НКО в различных российских регионах [3, с. 161–167].

Проблематика НКО – одна из тех важных, общегосударственных проблем, которую невозможно решать исключительно в формально-юридической плоскости, ибо самые острые вопросы возникают в политико-идеологической области, обладая к тому же и серьезной финансовой подоплекой.

В последние 10–15 лет в глобальных масштабах неоднократно подтверждался парадоксальный разрыв между относительно скромной ролью, которую играют НКО в экономической жизни различных государств, особенно развивающихся стран, и разрушительными последствиями действия «мягкой силы» НКО, если только управленческие и финансовые рычаги оказываются в ведении зарубежных эмиссаров и «доноров».

Именно НКО, финансируемые из различных зарубежных фондов, стали инструментом «бульдозерной революции» в Сербии, «революции роз» в Грузии, «оранжевой революции» на Украине, «тюльпановой» в Киргизии, «жасминовой» в Тунисе, «финиковой» в Египте и, наконец, украинского «Евромайдана», кошунственно названного организаторами этого государственного переворота «революцией достоинства» [4, с. 207].

Как следствие, как никогда остро осознается необходимость развития сбалансированной российской национальной модели управления НКО, исключающая саму возможность иностранного вмешательства, прежде всего недружественных государств, в любую область и в первую очередь в сферу деятельности самого третьего сектора и его финансовой поддержки.

Исходная предпосылка при формировании национальной модели НКО – признание той значимой роли, которую играют НКО в жизни общества. Президент РФ В. В. Путин неоднократно отмечал чрезвычайно важную роль, которую играют НКО [5].

Разумеется, национальная модель НКО может быть успешной при системном подходе к ее становлению и развитию, при учете и частноправовых, и публично-правовых начал ее функционирования, внедрении лучших практик эффективно-го взаимодействия государства и НКО.

В российской правовой системе утвердились оборот «некоммерческая организация» и аббревиатура «НКО». Такая же терминология применяется и в ряде дружественных государств, например в Республике Казахстан [6] и в Республике Беларусь [7].

Многие государства оперируют терминологией Всемирного банка «неправительственная организация» (НПО) [8, р. 701–713]. В качестве ключевых принципов организации НПО Всемирный банк выделяет гуманитарную миссию организаций, термин «НПО» в интерпретации Всемирного банка понимается расширительно и охватывает множество различных типов организаций, таких как крупные благотворительные организации, научно-исследовательские институты, церкви, профессиональные ассоциации и лоббистские группы.

Заметим, что вопросы финансирования НПО стали одним из важнейших пунктов повестки Всемирного банка начиная с 1970-х гг. Если на протяжении 15 лет, с 1973 по 1988 г., было задействовано только шесть процентов проектов НПО, финансируемых Банком, то уже в 1993 г. более трети всех утвержденных проектов включали некоторые формы участия НПО, а в 1994 г. этот процент увеличился до одной половины. Эти цифры показывают частоту сотрудничества Банка и НПО, но мало указывают на качество или глубину этого взаимодействия.

Во многих случаях роль НПО весьма незначительна и часто ограничивается реализацией проекта. Достижение полной потенциальной выгоды от сотрудничества с НПО подразумевают повышение роли НПО в начале проектного цикла [9, р. 13–14].

Всемирный банк с самого начала взаимодействует с двумя основными категориями НПО: с НПО, чей основной целью является разработка и внедрение социальных проектов, и с правозащитными НПО, продвигающими политику Всемирного банка. С начала 1990-х гг. официальные лица Всемирного банка во многих странах настаивали на том, чтобы их государственные заемщики включали неправительственные организации в качестве партнеров по стратегическому развитию. Как видим, вопросы финансовой поддержки с самого начала формирования доктрины НПО международными финансовыми кругами рассматриваются в единстве с заданной ими парадигмы НПО.

При любом подходе существенными для целей развития НКО являются вопросы правовой регламентации организационно-правовых форм, отбора социально значимых форм деятельности, решение проблемы финансирования в единстве с социальной ориентацией финансируемой некоммерческой организации, выбора перечня НКО для целей государственной поддержки, для решения проблем, лежащих в плоскости учета, налогообложения, отбора инструментов стимулирования социально ориентированных НКО.

Вместе с тем без решения общих проблем невозможно решать более частные проблемы государственной поддержки НКО. К такого рода общим проблемам относятся вопросы правового регулирования видов деятельности НКО, классификации НКО, отбора социально ориентированных НКО для целей государственного финансирования.

Целью данной работы является определение приоритетных направлений развития НКО в единстве с мерами государственной поддержки социально значимого некоммерческого сектора.

Результаты исследования

Отечественная доктрина некоммерческого сектора, его роли в правовой, экономической, политической сфере находится в стадии становления, накопления интеллектуальных ресурсов развития. В этом случае можно констатировать, что доктрина скорее следует за законодательными изменениями. Логика законодателя, проложенная Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», закрепленная в 2010 г. вводом положения о социально ориентированных НКО, была усилена и уточнена в 2016 г. введением п. 2.2 данного Закона: «под некоммерческой организацией – исполнителем общественно полезных услуг понимается социально ориентированная некоммерческая организация, которая на протяжении одного года и более оказывает общественно полезные услуги надлежащего качества, не является некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, и не имеет задолженностей по налогам и сборам, иным предусмотренным законодательством Российской Федерации обязательным платежам» [10]. В Законе были определены, в частности, меры экономической поддержки, в том числе посредством закупок, предоставления лицам, оказывающим НКО материальную поддержку, льгот по уплате налогов и сборов; четко зафиксирован приоритет в поддержке социально ориентированных НКО.

В 2013 г. вводится новый инструмент государственной поддержки – субсидирование социально ориентированных НКО из региональных бюджетов [11]. Это послужило мощным стимулом для развития лучших региональных практик. Подобные подходы применены и в Республике Казахстан. Однако проявились и проблемные моменты в данной связи: отсутствие у НКО надежных стимулов, недостаточный уровень трудовой и управленческой культуры.

С 2010 по 2021 г. прослеживается последовательный процесс формирования концепции приоритетов государственной политики по 18 установленным законодателем видам деятельности [10].

В 2019 г. были закреплены основные правила проведения конкурсов президентских грантов [12].

Президент РФ В. В. Путин отмечал, что, используя ресурсы Фонда президентских грантов, Фонда культурных инициатив, Института развития интернета, других инструментов, государство будет поддерживать все формы творческого поиска – современное и традиционное искусство, реализм и авангард, классику и новаторство [13].

1 января 2022 г. – точка отсчета для старта нового Единого реестра социально ориентированных НКО. В Реестре социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированном в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 июля 2021 г. № 1290, по состоянию на 15 марта 2023 г. насчитывалось 47 587 НКО [14].

Два новых критерия необходимы для включения в него НКО региональными властями: имущественная поддержка (передача помещения НКО по договору или соглашению на постоянной основе). Региональные власти также могут включить в Реестр успешно работающие НКО, которые никогда не обращались за государственной поддержкой и не попадают ни под один из уже установленных критериев вхождения в реестр.

Утверждение этих критериев – прерогатива высших органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Как следствие такой мотивации регионов, стало возможным проведение рейтинговых оценок регионов по девяти направлениям: по экономической значимости и устойчивости существования НКО, по активности, в том числе медиа-активности, по критерию поддержки региональной властью НКО, по онлайн-доступности поддержки, по результатам экспертного опроса, по социальной значимости и значимости ресурсных центров. Эту работу, поддержанную Администрацией Президента РФ, проводит Рейтинговое агентство RAEX совместно с Общественной палатой РФ.

Сравнительный анализ в региональном разрезе показал лидерство пяти российских регионов: Ханты-Мансийского АО – Югры, Ямало-Ненецкого АО, Красноярского края, Челябинской и Ленинградской областей [15]. Так, в Югре к оказанию социальных услуг подключили негосударственных поставщиков, появились стимулирующие нормы для развития услуг в секторе НКО.

В 2022 г. прошел специальный конкурс, по итогам которого 121 из 493 поддержанных проектов будет реализовываться непосредственно на территориях Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей.

Таким образом, в этот процесс постепенно вовлекаются регионы, в первую очередь регионы-доноры, но и в остальных регионах ведется планомерный поиск оптимальных практик.

Масштаб происходящих изменений требует усиленного внимания к сектору НКО со стороны государства, применения мер административного надзора и финансового контроля.

В настоящее время прекратил действие мораторий на проверки некоммерческих организаций Минюстом России и его территориальными управлениями, введено обязательное соблюдение досудебного порядка обжалований решений проверяющего органа.

Налоговые преференции установлены для поощрения волонтерской деятельности, волонтерам (их семьям) установлены компенсация за счет средств федерального бюджета, если причинен вред их жизни или здоровью, возможность перечисления денежных средств в бюджет без детализации в разрезе налогов, которые подлежат уплате налогоплательщиком путем перечисления налогов на автоматически открытый единый налоговый счет в Казначействе; новая пониженная ставка страховых взносов в 7,6% будет распространяться на благотворительные организации, применяющие УСН, а также НКО, фактически осуществляющие деятельность по социальному обслуживанию граждан; проводящие научные исследования и разработки; работающие в сфере образования, здравоохранения; культуры и искусства, массового спорта. Есть и ограничения, связанные с финансовыми источниками, их происхождением.

Основные результаты и выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что сектор некоммерческих организаций – это площадка для развития надлежущего диалога между государством, НКО и бизнес-структурами, заинтересованными в укреплении Российского государства, совершенствования его функций.

Развитие социально ориентированных НКО – это существенный ресурс для укрепления социального государства, для построения новых социальных лифтов, для развития волонтерской и благотворительной деятельности, для формирования плеяды управленцев, способных работать наводчиками мостов благополучия между государством и гражданским обществом.

Пристатейный библиографический список

1. Ромодина А. М., Черепанова Л. Б. Взаимодействие НКО и государства в сфере оказания социальных услуг в РФ // Управление в современных системах. 2022. № 4.

2. Лунегова А. А., Болотин А. В. К теории влияния деятельности некоммерческих организаций на комплексные показатели качества жизни народонаселения // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2020. № 4.

3. Вишнева К. В. Институционализация социально ориентированных некоммерческих организаций: особенности дальневосточных регионов. Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12 (102). Ч. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-sotsialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizatsiy-osobennosti-dalnevostochnyh-regionov?ysclid=ifc9elpgfp260079288/> (дата обращения: 17.02.2023).

4. Наумов А. О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» // Государственное управление. 2018. № 71. URL: http://http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__71._dekabr_2018_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/naumov.pdf?ysclid=lfcak81z1733122585 (дата обращения: 10.02.2023).

5. Путин В. В. отметил важность деятельности НКО. URL: <https://цси-ко.пф/tpost/kht3b5s1d1-putin-otmetil-vazhnost-deyatelnosti-nko> (дата обращения: 15.02.2023).

6. Закон Республики Казахстан от 16 января 2001 г. № 142-II «О некоммерческих организациях». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021519 (дата обращения: 15.02.2023).

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь. URL: https://kodeksy-by.com/grazhdanskij_kodeks_rb/46.htm (дата обращения: 15.02.2023).

8. Nelson P. The Varied and Conditional Integration of NGOs in the Aid System: NGOs and the World Bank // Journal of International Development. 2006. Vol. 18 (5). URL: https://www.researchgate.net/publication/23992472_The_varied_and_conditional_integration_of_NGOs_in_the_aid_system_NGOs_and_the_World_Bank (дата обращения: 16.02.2023).

9. Malena C. A Practical Guide to Operational Collaboration Between World Bank and Non-Governmental Organization. Operations Policy Department, World Bank. March 1995.

10. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 15.02.2023).

11. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/>

document/cons_doc_LAW_156558/74904aa9da889bc975b93f13c4f7bca4570aaa8e/ (дата обращения 14.02.2023).

12. Указ Президента РФ от 30 января 2019 г. № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/b4rRgscgyKf6PH3SrAnGxMNHBaOd1zkJ.pdf> (дата обращения: 15.02.2023).

13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 15.02.2023).

14. Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/all> (дата обращения: 15.02.2023).

15. Рэнкинг: Региональный рейтинг третьего сектора «Регион-НКО» (2022 г.). URL: <https://raex-rr.com/pro/NKO/Region-nko/Region-nko/2022/?ysclid=lfaxfrj35o42172404> (дата обращения: 15.02.2023).

References

1. Romodina A. M., Cherepanova L. B. Interaction of NGOs and the State in the Provision of Social Services in the Russian Federation. *Management in Modern Systems*, 2022, no. 4. (In Russ.)

2. Lunegova A. A., Bolotin A. V. On the Theory of the Influence of the Activities of Non-Profit Organizations on Complex Indicators of the Quality of Life of the Population. *Bulletin of PNRPU. Socio-Economic Sciences*, 2020, no. 4. (In Russ.)

3. Vishneva K. V. Institutionalization of Socially-Oriented Non-Profit Organizations: Features of the Far Eastern Regions. *International Scientific Research Journal*, 2020, no. 12 (102), part 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-sotsialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizatsiy-osobennosti-dalnevostochnyh-regionov?ysclid=lf9elpgfp260079288/> (date of the application: 17.02.2023). (In Russ.)

4. Naumov A. O. The Role of Non-Governmental Organizations in the “Color Revolutions”. *Public Administration*, 2018, no. 71. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__71._dekabr_2018_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/nau-mov.pdf?ysclid=lfcak81z1733122585 (date of the application: 10.02.2023). (In Russ.)

5. V. V. Putin noted the importance of the activities of NGOs. URL: <https://t.me/psk-ko/tpost/kht3b5s1d1-putin-otmetil-vazhnost-deyatelnosti-nko> (date of the application: 15.02.2023). (In Russ.)

6. Law of the Republic of Kazakhstan of 16 January 2001 No. 142-II “On Non-Profit Organizations”. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021519 (date of the application: 15.02.2023). (In Russ.)

7. Civil Code of the Republic of Belarus. URL: https://kodeksy-by.com/grazhdanskij_kodeks_rb/46.htm (date of the application: 15.02.2023). (In Russ.)

8. Nelson P. The Varied and Conditional Integration of NGOs in the Aid System: NGOs and the World Bank. *Journal of International Development*. 2006. Vol. 18 (5). URL: <http://www.blackwell-sydney.com/doi/abs/10.1080/09646560600541811>

https://www.researchgate.net/publication/23992472_The_varied_and_conditional_integration_of_NGOs_in_the_aid_system_NGOs_and_the_World_Bank (date of the application: 16.02.2023).

9. Malena C. A Practical Guide to Operational Collaboration Between World Bank and Non-Governmental Organization. Operations Policy Department, World Bank. March 1995.

10. Federal Law of 12 January 1996 No. 7-FZ "On Non-Profit Organizations". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (date of the application: 15.02.2023). (In Russ.)

11. Federal Law of 28 December 2013 No. 442-FZ "On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/74904aa9da889bc975b93f13c4f7bca4570aaa8e/ (date of the application: 14.02.2023). (In Russ.)

12. Decree of the President of the Russian Federation of 30 January 2019 No. 30 "On Grants from the President of the Russian Federation Provided for the Development of Civil Society". URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/b4rRgscgyKf6PH3-SrAnGxMNHBaOd1zkJ.pdf> (date of the application: 15.02.2023). (In Russ.)

13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (date of the application: 15.02.2023). (In Russ.)

14. Register of Socially Oriented Non-Profit Organizations, Formed in Accordance with the Decree of the Government of the Russian Federation of 30 July 2021 No. 1290. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/all> (date of the application: 15.02.2023). (In Russ.)

15. Ranking: Regional Rating of the Third Sector "Region-NPO" (2022). URL: <https://raex-rr.com/pro/NKO/Region-nko/Region-nko/2022/?ysclid=lfaxfrj35o42172404> (date of the application: 15.02.2023). (In Russ.)

Сведения об авторах:

З. М. Казачкова – доктор юридических наук, профессор.

В. А. Казачков – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов.

Information about the authors:

Z. M. Kazachkova – Doctor of Law, Professor.

V. A. Kazachkov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Finance.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 22.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 17.02.2023; approved after reviewing 21.03.2023; accepted for publication 22.03.2023.

Научная статья
УДК 340
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-49-54>

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ЧАСТНОГО НОТАРИАТА В ВОЗЗРЕНИЯХ А. И. ТИХЕНКО

Екатерина Васильевна Кирсанова

Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва,
ул. Азовская, д. 2, корп. 1
caple@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные идеи частного нотариата, предложенные А. И. Тихенко, которые легли в основу закона о нотариате. Основная цель исследования – проанализировать предложения первого частного нотариуса. При подготовке и написании статьи использовались как общетеоретические, так и практические методы. А. И. Тихенко отстаивал необходимость введения частного нотариата, основанного на принципах латинского типа. А. И. Тихенко заложил прочный фундамент для построения современного нотариата, правозащитного и правоохранительного института, действующего от имени государства, занимающего достойное место в системе юстиции.

Ключевые слова: нотариат; частный нотариат; Российская Федерация; А. И. Тихенко; нотариат латинского типа.

Для цитирования: *Кирсанова Е. В.* Основные идеи частного нотариата в воззрениях А. И. Тихенко // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 49–54. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-49-54>

Research Article

THE MAIN IDEAS OF THE FREE NOTARY IN THE VIEWS OF A. I. TIKHENKO

Ekaterina V. Kirsanova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
caple@mail.ru

Abstract

The article discusses the main ideas of a private notary, proposed by A. I. Tikhenko, which formed the basis of the law on notaries. The main purpose of the study is to analyze the proposals of the first private notary. During the preparation and writing of the article, both general theoretical and practical methods were used. A. I. Tikhenko defended the need for the introduction of a private notary based on the principles of the Latin type. The ideas of A. I. Tikhenko laid a solid foundation for building a modern notary, a human rights and law enforcement institution acting on behalf of the state, occupying a worthy place in the justice system.

Keywords: free, private, non-budgetary notary; Anatoly Ivanovich Tikhenko; Latin type notary; law enforcement and human rights institute.

For citation: *Kirsanova E. V. The Main Ideas of the Free Notary in the Views of A. I. Tikhenko. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 49–54. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-49-54>

Введение

Уже более 20 лет прошло с момента смерти Анатолия Ивановича Тихенко. А. И. Тихенко – человек, который оказал значительное влияние на развитие современного частного нотариата.

Анатолий Иванович Тихенко родился 21 марта 1959 г. в г. Сумы на Украине. В 1981 г. окончил Казанский государственный университет. В начале 1990-х гг. Анатолий Иванович являлся главным специалистом отдела нотариата Министерства юстиции РФ и принимал участие в разработке проекта закона о свободном частном нотариате. Заметим, что Основы законодательства о нотариате [1], принятые еще в 1993 г., действуют и в настоящее время. Став государственным нотариусом нотариальной конторы в г. Москве, он «быстро понял, что существующая система государственного нотариата так же далека от потребностей общества, как и от своего истинного предназначения»[2].

Тихенко обозначил в качестве цели своей деятельности развитие нотариата по новому типу. В своих воззрениях он опирался на построение нотариата латинского типа, свободного, частного, небюджетного. Анатолий Иванович первым в России получил лицензию на ведение частной нотариальной практики и стал нотариусом № 1. В 1996 г. был избран президентом Федеральной нотариальной палаты.

А. И. Тихенко верил в потенциал нотариата и видел необходимость его развития как ответственного публичного института защиты прав граждан и законных интересов собственника [3], настаивал на ликвидации государственного нотариата, утверждал, что именно нотариат является институтом, который может защитить имущественные права граждан. Основные передовые идеи А. И. Тихенко легли в основу развития нового российского нотариата.

1. История развития отечественного нотариата

Нотариат всегда был под пристальным вниманием руководителей государства и выдающихся юристов. Много общего у нотариусов и площадных подъячих, деятельность которых приобрела публичный характер благодаря Указу царя Федора Иоанновича от 15 февраля 1597 г. А начиная с 1649 г. акты, составленные ими, признавались бесспорными и заносились в Поместные, Земские, Холопы приказы.

В период проведения Судебной реформы 1864 г. и вплоть до 30-х гг. XX столетия нотариат представлял собой правозащитный и правоохранительный институт, тесно связанный с судебной системой. Назначение на должность нотариуса и освобождение от должности осуществлялось окружным судом, а регистрация сделок с недвижимостью – старшим нотариусом, который был служащим суда.

После провозглашения советской власти руководство нотариатом в стране перешло к органам юстиции. Это, по мнению А. И. Тихенко, «послужило причиной превращения нотариата в бюрократический государственный орган исполнительной власти» [4]. Нотариусы стали техническими сотрудниками, функции которых сводились к свидетельствованию подлинности подписей и верности копий документов. Они были своего рода «начальниками гербовой печати», и не более того [4].

Экономические реформы и развитие гражданского оборота в постсоветской России поставили перед нотариусами новые задачи. Возникновение частной собственности способствовало увеличению сделок с ней и расширению круга нотариусов. Однако это не повлияло на качество их деятельности, нотариусы по-прежнему были не заинтересованы в своей работе. Техническое оснащение нотариальных контор оставалось достаточно скудным.

Примером успешного решения данной проблемы могло служить реформирование нотариата в бывшей Германской Демократической Республике и других странах Восточной Европы. Главным элементом реформы стало возрождение нотариата латинского типа. В России законодатель пошел по мягкому прогрессивному пути: не отвергая государственный нотариат, он ввел новый, основанный на принципах латинского нотариата. По мнению А. И. Тихенко, «частнопрактикующий нотариат показал свое бесспорное преимущество... это единственный публично-правовой институт в нашей стране, действующий на беззатратной основе» [4]. Именно нотариальное удостоверение договоров, являющееся своего рода кон-

вертируемым правовым явлением, признавалось и принималось всеми, не нуждаясь в дополнительных доказательствах. Основы о нотариате в Российской Федерации учредили новое профессиональное сообщество – нотариальные палаты для объединения частнопрактикующих нотариусов и контроля за исполнением нотариусами профессиональных обязанностей. Эти проблемы нашли отражение в работе А. В. Маренина «Становление частного нотариата в Российской Федерации» [7, с. 147–149].

Таким образом, в России был создан институт предупредительного правосудия, защищающий основные права и свободы граждан в сфере бесспорной юрисдикции.

2. Предложения А. И. Тихенко по реформированию нотариата

Опасаясь, что нововведения в области нотариата могут превратиться в краткосрочный социальный эксперимент, А. И. Тихенко предложил внести ряд изменений в законодательство. В первую очередь Тихенко считал важным переход нотариата под юрисдикцию судебной системы с тем, чтобы все кадровые вопросы в нем решались на уровне республиканских, краевых и областных судов. Он был уверен, что надзор за нотариатом должен осуществлять исключительно суд. С принятием Основ законодательства о нотариате суд уже осуществлял контроль за правильностью совершения нотариальных действий. Тихенко же предлагал расширить полномочия судов по освобождению нотариусов от должности на основании рассмотрения исковых дел, подтверждающих наличие противоправных действий со стороны нотариуса.

А. И. Тихенко считал, что при Судебном департаменте необходимо создать страховой фонд коллективной ответственности нотариального сообщества. Надеясь, что будет создана Академия правосудия под патронажем Верховного Суда РФ и Федеральной нотариальной палаты.

Понимая опасность резких изменений в области нотариата, Анатолий Иванович предлагал эволюционный путь преобразований. Так, на первых порах он предлагал ввести смешанный контроль за деятельностью нотариусов со стороны суда и органов юстиции.

А. И. Тихенко предлагал установить более жесткие требования к получению статуса нотариуса и расширить основания для освобождения от должности, коллективной ответственности за деятельность каждого нотариуса.

В Гражданский кодекс предлагалось внести нормы, восстанавливающие статус и функции нотариата, а также усиливающие регулятивные функции государства в имущественных отношениях. Эта регулятивная функция должна была отражаться в Федеральном законе «Об акционерных обществах», в котором следовало предусмотреть обязательное участие нотариуса как независимого и беспристрастно-го представителя государства в собрании акционеров и ведении им протокола.

Анатолий Иванович предлагал осуществлять добровольный раздел имущества супругов в случае развода при отсутствии детей.

Государственные фискальные функции нотариата предлагалось отразить в Налоговом кодексе. Изменения в Уголовный кодекс должны были отражать более точный состав правонарушений и усиление мер ответственности нотариуса.

Предлагалось внести также ряд изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и другие процессуальные законы. Кроме того, предполагалось привлечение нотариата к активному участию в создании системы учета недвижимости и сделок с ней.

Закрепление положений, способствующих эффективному развитию нотариата, должно было иметь системный и последовательный характер, дабы избежать противоречий в системе законодательства, снизить возможность возникновения проблем в правоприменительной практике.

Заключение

Тихенко искренне верил в свое дело. Нотариат был миссией для Анатолия Ивановича [2].

Коллеги А. И. Тихенко отмечают его высокий профессионализм. О нем говорят как о харизматичном лидере, который обладал даром убеждения и был искренне предан своему делу [3].

Афоризм Артура Шопенгауэра, который как нельзя кстати описывает личность Анатолия Ивановича Тихенко, гласит: «Преодоление трудностей – вот истинное наслаждение человеческого бытия: будут ли эти трудности материального свойства, как в практической жизни, или духовного, как при изучении и исследовании, – борьба с ними и победа приносит счастье... Опасен при досуге покой» [5, с. 394].

По поводу обаяния А. И. Тихенко ходят легенды в нотариальном сообществе. Он не владел иностранными языками, но легко мог найти общий язык с иностранными коллегами. Когда его спрашивали, как он это делает, Анатолий Иванович отвечал просто: «Их глаза мне обо всем говорят» [2].

Еще один удивительный факт. Анатолий Иванович Тихенко не имел ученой степени, но признавался научным мировым сообществом как выдающийся профессионал. Звание «Лучшего юриста России» и статуэтку Фемиды Анатолий Тихенко получил за достижения в области реформирования нотариальной системы. Высшую награду Латинского нотариата, присвоенную ему беспспорным единогласным голосованием Международного Совета, получили родственники после гибели А. И. Тихенко.

Непродолжительная жизнь Анатолия Ивановича Тихенко оказалась счастливой, представляя собой симбиоз любимой семьи и работы.

Наиболее достойные нотариусы, которые внесли важный вклад в развитие отечественного нотариата, отличающиеся высокими морально-этическими нормами поведения и принципиальностью, с 2003 г. отмечаются Федеральной нотариальной палатой золотой медалью им. А. И. Тихенко.

В настоящее время российский нотариат представляет собой сплоченный институт из высокопрофессиональных лиц, цель которых – защита прав и основных свобод человека и гражданина, а не извлечение прибыли. Все это, безусловно, заслуга Анатолия Ивановича Тихенко.

«День памяти Анатолия Ивановича – это каждый раз точка отсчета нового нотариального года. Именно в этот день наш нотариат начинает очередной виток в истории, оживает, расцветает, вдохновляясь единством сердец и душ, которые помнят...» [6].

Пристатейный библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. 1993. 13 марта. № 49.
2. Избранные. Анатолий Тихенко... URL: <http://not-palata-sk.ru/novosti-notariata/izbrannye-anatolij-tihenko.html> (дата обращения: 02.11.2022).
3. Памяти Анатолия Тихенко. URL: <http://not-palata-sk.ru/novosti-notariata/izbrannye-anatolij-tihenko.html> (дата обращения: 02.11.2022).
4. *Тихенко А. И.* Все усилия нотариусов – на службу праву // Нотариальный вестник. 1998. № 7/8.
5. Полное собрание сочинений Артура Шопенгауэра в переводе и под редакцией Ю. И. Айхенвальда. Т. 3. М., 1903.
6. Ибо Тихенко – с нами!.. URL: <http://not-palata-sk.ru/novosti-notariata/ibo-tihenko-s-nami.html> (дата обращения: 02.11.2022).
7. *Маренин А. В.* Становление частного нотариата в Российской Федерации // Меридиан. 2020. № 18 (52).

References

1. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries, Approved by the Supreme Council of the Russian Federation. *Rossiiskaia Gazeta*, 13 March 1993, no. 49. (In Russ.)
2. Favorites. Anatoly Tikhenko... URL: <http://not-palata-sk.ru/novosti-notariata/izbrannye-anatolij-tihenko.html> (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)
3. In memory of Anatoly Tikhenko. URL: <http://not-palata-sk.ru/novosti-notariata/izbrannye-anatolij-tihenko.html> (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)
4. *Tikhenko A. I.* All Efforts of Notaries Are at the Service of Law. *Notary Bulletin*, 1998, no. 7/8. (In Russ.)
5. The Complete Works of Arthur Schopenhauer. Vol. 3. Moscow, 1903. (In Russ.)
6. Because Tikhenko Is with Us!.. URL: <http://not-palata-sk.ru/novosti-notariata/ibo-tihenko-s-nami.html> (date of the application: 02.11.2022). (In Russ.)
7. *Marenin A. V.* Formation of a Private Notary in the Russian Federation. *Meridian*, 2020, no. 18 (52). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. В. Кирсанова – старший научный сотрудник.

Information about the author:

E. V. Kirsanova – Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted to the editorial office 16.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Научная статья
УДК 342.2
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-55-64>

МОНИТОРИНГ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МИНЮСТА РОССИИ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Родион Викторович Бушманов^{1,2}

¹ Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, Соборный переулок, д. 26

² Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области, 344082, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Береговая, д. 11/1
rodionbush@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы деятельности государственных судебно-экспертных учреждений Минюста России. Проводится анализ актуальных аспектов развития новых направлений судебно-экспертной деятельности в Южном федеральном округе. Исследуются преимущества по определению рыночной стоимости (оценки) объекта в системе государственных судебно-экспертных учреждений Минюста России перед деятельностью оценщика. Рассматривается законодательное разрешение вопроса в части оплаты экспертиз.

Ключевые слова: судебно-экспертные учреждения Минюста России; законодательство; цифровое изображение; дебиторская задолженность; экспертные исследования.

Для цитирования: Бушманов Р. В. Мониторинг деятельности государственных судебно-экспертных учреждений Минюста России в Южном федеральном округе // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 55–64. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-55-64>

Research Article

MONITORING THE ACTIVITIES OF STATE FORENSIC INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

Rodion V. Bushmanov^{1,2}

¹ Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 26 Soborny Lane, Rostov-on-Don, 344002, Russia

² The Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Rostov Region, 11/1 Beregovaia St., Rostov-on-Don, 344082, Russia
rodionbush@mail.ru

Abstract

The article deals with the issues of the activities of state forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia. The analysis of topical aspects of the development of new areas of forensic activity in the Southern Federal District is carried out. The advantages of determining the market value (valuation) of an object in the system of state forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia over the activities of an appraiser are investigated. The legislative resolution of the issue regarding the payment of examinations is being considered.

Keywords: forensic institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation; legislation; digital image; accounts receivable; expert research.

For citation: *Bushmanov R. V. Monitoring the Activities of State Forensic Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation in the Southern Federal District. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 55–64. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-55-64>

Введение

Министерством юстиции РФ осуществляется нормативно-правовое регулирование деятельности государственных судебно-экспертных учреждений Минюста России (далее – СЭУ Минюста России), организационное и методическое руководство их деятельностью, устанавливаются территориальные сферы экспертного обслуживания СЭУ, а также курируемые федеральным центром судебной экспертизы региональные центры судебной экспертизы и лаборатории судебной экспертизы (приказ Минюста России от 30 августа 2021 г. № 151) [1].

Перечень родов (видов) выполняемых судебных экспертиз и экспертных специальностей, по которым экспертам представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в СЭУ Минюста России, определен приказом Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 [2].

Для реализации Стратегических приоритетов в сфере государственной программы Российской Федерации «Юстиция» Минюстом России принято решение о создании в 2022 г. 23 филиалов СЭУ.

С целью создания современной, высокотехнологичной и эффективной государственной судебно-экспертной системы Минюста России и обеспечения потребностей современного судопроизводства основное внимание всеми СЭУ Минюста России сосредоточено на разрешении следующих вопросов:

- кадровое обеспечение;
- сокращение сроков производства судебных экспертиз;
- принятие необходимого комплекса мер, направленных на выполнение государственного задания по производству судебных экспертиз и экспертных исследований;
- развитие новых направлений судебно-экспертной деятельности;
- увеличение объемов финансового обеспечения учреждений за счет приносящей доход деятельности от производства платных судебных экспертиз и экспертных исследований, включая сокращение дебиторской задолженности за выполненные без оплаты судебные экспертизы.

Вопросы кадрового обеспечения позволяют сохранить имеющиеся направления СЭУ по выполнению тех либо иных родов (видов) судебных экспертиз, а также обеспечить выполнение установленного государственного задания, сократить сроки производства экспертиз и развивать новые направления судебно-экспертной деятельности.

1. Кадровое обеспечение

Требования, предъявляемые к государственному судебному эксперту, установлены Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ [3], которым помимо наличия высшего образования предусмотрено получение экспертом дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности и его аттестация на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертно-квалификационными комиссиями каждые пять лет.

Процесс подготовки государственных судебных экспертов, установленный в СЭУ Минюста России, предусматривает длительный период их обучения (в среднем 12–16 месяцев), поэтому в случае увольнения эксперта сложно своевременно принять на работу нового сотрудника.

Сегодня Минюстом России взят на контроль и прорабатывается вопрос корректировки системы подготовки и аттестации работников СЭУ Минюста России, а также обеспечения «круглогодичного» приема работников на обучение по дополнительным программам профессиональной переподготовки.

2. Сроки производства судебных экспертиз

Сокращение сроков производства судебных экспертиз также напрямую зависит от кадрового обеспечения СЭУ – наличия нескольких экспертов, аттестованных по одной специальности, а также увеличения штатной численности.

СЭУ Минюста России являются федеральными бюджетными учреждениями, которым устанавливается государственное задание по основному виду деятельности – производству судебных экспертиз по уголовным, гражданским, арбитражным делам и по делам об административных правонарушениях (в случаях, когда в соответствии с законодательством Российской Федерации расходы возмещаются (отнесены) за счет средств федерального бюджета), а также судебных экспертиз и экспертных исследований при проверке сообщения о преступлении (в порядке ст. 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

Устанавливаемое для СЭУ государственное задание формируется и утверждается Минюстом России.

С 1 января 2022 г. расчет государственного задания по производству экспертиз осуществляется из расчета минимальной штатной численности экспертов (работников, аттестованных на право самостоятельного производства судебных экспертиз) – 70 % и 49 ед. госзадания на 1 ед. эксперта.

Выполнение установленного государственного задания по производству экспертиз является одной из приоритетных задач деятельности СЭУ Минюста России.

На фоне увеличившегося объема государственного задания необходим постоянный мониторинг количества поступающих в СЭУ заданий на производство судебных экспертиз, анализ их выполнения по соответствующим родам (видам) экспертиз, а также взаимодействие с органами дознания, предварительного следствия и судами по вопросам их назначения.

В настоящее время актуальным для всех СЭУ Минюста России является развитие строительно-технических и землеустроительных экспертиз по определению рыночной стоимости объектов недвижимого имущества и объектов землеустройства в рамках оспаривания или установления их кадастровой стоимости.

Данные виды экспертиз включены в перечень, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р [4], об утверждении перечня видов экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями.

Минюстом России всем СЭУ поставлена задача обеспечить выполнение судебных экспертиз в рамках реализации данного распоряжения Правительства РФ.

В рамках выполнения Перечня поручений Министра юстиции РФ К. А. Чуйченко по данному вопросу был проработан следующий комплекс мероприятий:

– разработан проект «дорожной карты» по подготовке государственных судебных экспертов по новым экспертным специальностям (16.2 «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, с целью определения их рыночной и иной стоимости» и 27.2 «Исследование объектов землеустройства с целью определения их рыночной и иной стоимости»);

– разработаны и утверждены методические рекомендации по решению экспертных вопросов, связанных с определением рыночной стоимости строительных объектов и земельных участков;

– всеми СЭУ проведены соответствующие мероприятия по установлению взаимодействия с органами государственной власти субъектов по вопросу организации производства данных экспертиз.

По результатам проведенных мероприятий планируется рост производства данных экспертиз в Краснодарской ЛСЭ, а также начало их производства в Крымской и Севастопольской ЛСЭ.

С 2023 г. изменится механизм досудебного оспаривания кадастровой стоимости земельных участков, а затем и объектов недвижимости. Вводится административный механизм установления кадастровой стоимости объекта в Государственном бюджетном учреждении с упрощением процедуры исправления «ошибок» и прежде всего установлением ответственности учреждения за принимаемые решения.

С учетом этого возможен спад количества подобных судебных дел, что позволит всем СЭУ Минюста России обеспечить производство экспертиз по разным рассматриваемым судом делам данной категории.

Финансовое обеспечение СЭУ Минюста России осуществляется за счет средств федерального бюджета (субсидия, выделяемая на выполнение государственного задания) и приносящей доход деятельности (производство платных судебных экспертиз и экспертных исследований).

3. Дебиторская задолженность

Ситуация с финансовым обеспечением СЭУ Минюста России за счет приносящей доход деятельности от производства платных судебных экспертиз и исследований неоднозначна.

В основном это связано с наличием долга от имеющейся дебиторской задолженности за выполнение без оплаты судебных экспертиз по гражданским делам, что обусловлено имеющимися в гражданском процессуальном законодательстве противоречиями в сфере оплаты судебных экспертиз, назначенных по инициативе сторон судебного процесса.

На основании ст. 96 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [5], если ходатайство о производстве экспертизы заявлено стороной по делу, денежные средства, подлежащие выплате экспертам, признанные судом необходимыми, предварительно вносятся на счет, открытый в соответствующем суде, в порядке, установленном бюджетным законодательством РФ.

Статьей 85 ГПК РФ предусмотрено, что СЭУ не вправе отказываться от проведения порученной ему экспертизы, мотивируя это отказом стороны произвести оплату экспертизы до ее проведения.

Как правило, судьи при разрешении вопроса о назначении судебной экспертизы следуют исключительно положениям ст. 85 ГПК РФ без учета взаимосвязанных положений ст. 96 ГПК РФ, которыми предусмотрено внесение денежных сумм на счет суда.

Такой законодательный подход не позволяет мотивировать стороны на предварительную оплату назначаемых по их ходатайствам судебных экспертиз.

Вопрос оплаты экспертизы ставится в зависимость от добросовестности сторон процесса.

В результате СЭУ, выполнив судебную экспертизу по гражданскому делу, не получает оплату за ее производство и вынуждено в дальнейшем самостоятельно вести работу по взысканию подлежащих выплате сумм задолженности, в связи с чем несет дополнительные расходы. Также СЭУ обязано произвести исчисление и уплату налогов (НДС и налог на прибыль) в бюджет в том отчетном квартале, в котором была выполнена экспертиза, вне зависимости от фактического поступления денежных средств.

Получение СЭУ исполнительного листа на взыскание денежных средств с должника не гарантирует их возмещения в будущем при уплаченных за выполненную экспертизу налогах.

Судебные экспертизы по арбитражным делам назначаются судом одновременно с разрешением вопроса о внесении денежных средств за экспертизу на депозитный счет суда. В данном случае судебно-экспертное учреждение имеет гарантию получения денежных средств за выполненную экспертизу.

Несмотря на это, СЭУ зачастую не получает оплату за экспертизу по итогу выполнения своих обязанностей.

Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 [6] судам даны разъяснения о том, что судебный акт, на основании которого финансовой службой суда производится перечисление денежных средств СЭУ с депозитного счета суда, выносится судом по окончании судебного заседания, в котором исследовалось заключение эксперта.

На практике решение о перечислении СЭУ денежных средств за выполненную экспертизу принимается судом по окончании рассмотрения дела и принятии решения по делу.

При включении данного вопроса в итоговое решение по делу перечисление денежных средств СЭУ будет произведено только по вступлении принятого судом решения в законную силу. С учетом подаваемых сторонами апелляционных и кассационных жалоб перечисление СЭУ денежных средств за выполненную экспертизу растягивается в некоторых случаях на годы.

В настоящее время перед СЭУ стоит выбор расширения приносящей доход деятельности за счет производства судебных экспертиз без оплаты, что, соответственно, приводит к росту дебиторской задолженности, либо ее снижения за счет отказа (различными способами) от производства экспертиз при их неоплате или проблематичности взыскания оплаты в будущем.

25 июля 2022 г. вступил в силу Федеральный закон № 318-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [7], основной целью которого является совершенствование правового регулирования механизма оплаты судебных экспертиз, назначаемых по инициативе сторон, и обеспечение права на вознаграждение эксперта за выполненную работу.

Уточнение положений ГПК РФ в части оплаты экспертиз безусловно позволит решить данный вопрос, поскольку предварительное внесение сторонами денежных средств на соответствующий счет будет служить гарантией их получения СЭУ по выполнении экспертизы.

Расширение приносящей доход деятельности без возникновения дебиторской задолженности может быть достигнуто путем увеличения количества выполняемых экспертных исследований для граждан.

Этому может способствовать организация проведения экспертных исследований по обращениям граждан для нотариата в рамках наследственных дел.

4. Новые направления судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации

В Ростовской области совместно с Нотариальной палатой Ростовской области в 2022 г. проводится реализация пилотного (тестового) проекта по проведению экспертных исследований по определению стоимости (оценки) транспортного средства, маломерного судна и оружия в рамках наследственных дел в дистанционном формате.

Даная работа проводилась с несколькими нотариусами г. Ростова-на-Дону и была построена по следующему принципу.

Нотариусам были направлены бланки заявлений на проведение экспертных исследований, заполнение которых предусматривает указание в них только Ф.И.О. заявителя, номера наследственного дела и его подписание заявителем.

Цифровые изображения заполненных и подписанных заявлений и необходимых документов (их количество минимально: свидетельство о смерти собственника; свидетельство о регистрации и паспорт транспортного средства либо судовой билет маломерного судна; документ, подтверждающий право собственника оружия на его приобретение, хранение и ношение и сам паспорт оружия, а при его отсутствии – сведения о сроке эксплуатации оружия) направлялись нотариусами на отдельную электронную почту, созданную Южным региональным центром судебной экспертизы Минюста России для взаимодействия при проведении подобных исследований.

Поступившие заявления регистрировались и принимались к производству со сроком выполнения до пяти рабочих дней с момента подтверждения оплаты исследования заявителем.

Выполненный акт экспертного исследования направлялся на электронную почту нотариуса (с которой поступило заявление) в виде электронного документа, подписанного квалифицированной электронной подписью руководителя Южного РЦСЭ, и открепленного файла для проверки данной подписи.

Результаты проведенной работы показали отсутствие технических сложностей и иных проблем, которые бы препятствовали развитию сотрудничества в данном направлении.

Преимущества подобного взаимодействия очевидны и заключаются в следующем:

- у нотариусов отсутствует необходимость проверки компетентности лиц, проводящих оценку, поскольку исследования проводятся государственными экспертами;
- у нотариусов, территориально расположенных за пределами г. Ростова-на-Дону, появляется возможность получения результатов экспертных исследований, выполненных государственными экспертами;

– срок получения итоговых документов минимален, учитывая дистанционный формат взаимодействия;

– у заявителей отсутствует необходимость поиска учреждений (организаций), проводящих подобную оценку, их посещения, как первичного, так и последующего, для получения итогового документа, его дальнейшей передачи нотариусу (что особо затруднительно для граждан пенсионного возраста и лиц с ограниченными возможностями);

– стоимость подобного исследования в СЭУ Минюста России существенно ниже стоимости оценки, выполняемой иными лицами, что особенно актуально для малообеспеченных граждан в реалиях сегодняшнего времени.

Результаты подобного взаимодействия должны быть положительно восприняты нотариусами, для которых подобные исследования ранее никогда не выполнялись.

Все СЭУ Минюста России также смогут обеспечить выполнение подобных исследований для нотариусов на территории их обслуживания, поскольку обладают необходимой кадровой, материально-технической и информационной базой для выполнения данных исследований, проведение которых не требует значительных временных затрат.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что при производстве исследования по определению рыночной стоимости (оценки) объекта для органов нотариата государственный судебный эксперт пользуется своими специальными знаниями и методиками, используемыми в системе государственных судебно-экспертных учреждений Минюста России, и не является субъектом оценочной деятельности. Деятельность оценщика является субъектом оценочной деятельности, регулируется Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135 «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», предусматривающим использование федеральных стандартов оценки и проведение следующих обязательных процедур:

– анализ рынка объекта оценки и рынка товаров, работ, услуг, производимых с его использованием, а также других внешних факторов, влияющих на его стоимость;

– анализ состояния экономического положения в стране, отрасли и регионе, а также иных факторов, влияющих на рынок объекта оценки и рынка продукции, производимой и реализуемой с использованием объекта оценки;

– идентификация объекта оценки, включая права, привилегии, иные экономические выгоды, связанные с объектом оценки;

– анализ текущего использования, прогнозных показателей производства и реализации продукции с использованием объекта оценки.

Данные процедуры, а также обязательность использования оценщиком при проведении оценки всех подходов, а при невозможности их использования при ведении необоснованного отказа, значительно увеличивают временные затраты на проведение оценки объекта и его стоимость.

По результатам проведенного исследования государственным судебным экспертом составляется акт экспертного исследования (оценки), а оценщиком отчет об оценке, требования к составлению которого установлены законодательством,

требующим больших временных затрат, в отличие от составления акта экспертного исследования (оценки).

Сегодня в законодательстве не урегулированы требования к учреждениям, осуществляющим судебные экспертизы. Создание единого реестра судебных экспертов также позволит отстаивать интересы экспертного сообщества и оказывать поддержку населению.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Минюста России от 30 августа 2021 г. № 151 «Об установлении территориальных сфер экспертного обслуживания федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России и утверждении Перечня курируемых федеральным бюджетным учреждением Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте России и федеральными бюджетными учреждениями региональными центрами судебной экспертизы Минюста России федеральных бюджетных учреждений лабораторий судебной экспертизы Минюста России». URL: <http://www.sudexpert.ru/files/pr151.pdf> (дата обращения: 02.12.2022).

2. Приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 02.12.2022).

3. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2022).

4. Распоряжение Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями». URL: <https://legalacts.ru/doc> (дата обращения: 02.12.2022).

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 02.12.2022).

6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155 (дата обращения: 02.12.2022).

7. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (ч. 3). Ст. 5285.

References

1. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 30 August 2021 No. 151 "On the Establishment of Territorial Areas of Expert Services of Federal Budget Foren-

sic Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation and Approval of the List of Federal Budget Institutions Supervised by the Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation and Federal Budget Institutions Regional Centers of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russian Federation of Federal Budget Institutions of forensic Laboratories of the Ministry of Justice of the Russian Federation". URL: <http://www.sudexpert.ru/files/pr151.pdf> (date of the application: 02.12.2022). (In Russ.)

2. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 27 December 2012 No. 237 "On Approval of the List of Genera (Types) of Forensic Examinations Performed in Federal Budgetary Forensic Expert Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation, and the List of Expert Specialties for Which the Right to Independently Conduct Forensic Examinations in Federal Budgetary Forensic Expert Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation Is Presented". URL: <https://docs.cntd.ru> (date of the application: 02.12.2022). (In Russ.)

3. Federal Law of 31 May 2001 No. 73-FZ "On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation". URL: <http://pravo.gov.ru> (date of the application: 02.12.2022). (In Russ.)

4. Decree of the Government of the Russian Federation of 16 November 2021 No. 3214-r "On the List of Types of Forensic Examinations Conducted Exclusively by State Forensic Expert Organizations". URL: <https://legalacts.ru/doc> (date of the application: 02.12.2022). (In Russ.)

5. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14 November 2002 No. 138-FZ. URL: <https://docs.cntd.ru/> (date of the application: 02.12.2022). (In Russ.)

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 4 April 2014 No. 23 "On Some Issues of the Practice of Application by Arbitration Courts of Legislation on Expertise". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155 (date of the application: 02.12.2022). (In Russ.)

7. Federal Law of 14 July 2022 No. 318-FZ "On Amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation, 2022, no. 29 (part 3), art. 5285.* (In Russ.)

Сведения об авторе:

Р. В. Бушманов – советник юстиции 1-го класса, помощник начальника Главного управления Минюста России по Ростовской области.

Information about the author:

R. V. Bushmanov – Adviser of Justice of the 1st Class, Assistant to the Head, Main Department of the Ministry of Justice of Russia for the Rostov Region.

Статья поступила в редакцию 28.12.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted to the editorial office 28.12.2022; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 17.02.2023.

Научная статья
УДК 342.7
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-65-83>

ОСОБЕННОСТИ НОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ

Владимир Иванович Красиков

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
KrasVladlv@gmail.com

Аннотация

Актуальность предлагаемой статьи состоит в анализе мотивирующих социальных обстоятельств и аргументов в выдвижении новых, так называемых нейроправ человека, связанных со стремительным прогрессом нейротехнологий. Мы поставили себе задачей исследовать эти новые предлагаемые права на предмет их необходимости в современной ситуации и в отношении к уже имеющимся. Для этого нам понадобилась методология категориально-критериального анализа и критического дискурса-анализа. Это позволило рассмотреть предлагаемые «нейроправа» – как в контексте современности, так и в сопоставлении с наличными правовыми обстоятельствами, что и составляет новизну предлагаемой статьи. Исходя из проведенного анализа, мы полагаем, что предлагаемые «нейроправа» являются отчасти контекстными конкретизациями или вариациями уже существующих прав человека, но вместе с тем некоторые из них представляют собой перспективную тему для дальнейшего продуктивного обсуждения.

Ключевые слова: нейротехнологии; «нейроправа человека»; право на психическую конфиденциальность; право на личную идентичность; право на равный доступ к умственным аугментациям; право на защиту от алгоритмической предвзятости; право на свободу воли.

Для цитирования: Красиков В. И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 65–83. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-65-83>

Research Article

FEATURES OF NEW HUMAN RIGHTS IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF MODERN NEUROTECHNOLOGIES

Vladimir I. Krasikov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia
KrasVladlv@gmail.com

Abstract

In the proposed article, we analyze the motivating social circumstances and arguments in the promotion of new, so-called “human neuro-rights” associated with the rapid progress of neurotechnologies. We have set ourselves the task of examining these new proposed rights in terms of their necessity in the current situation and in relation to those already available. To do this, we used the methodology of categorical-criteria analysis and critical discourse analysis. We have considered the proposed “neuro-rights” both in the context of modernity and in comparison with existing legal circumstances. We believe that the proposed “neuro-rights” are, in part, contextual concretizations or variations of already existing human rights, but at the same time, some of them represent a promising topic for further productive discussion.

Keywords: neurotechnologies; “human neuro-rights”; right to mental privacy; right to personal identity; right to equal access to mental augmentations; right to be protected from algorithmic bias; right to free will.

For citation: *Krasikov V. I. Features of New Human Rights in the Conditions of Development of Modern Neurotechnologies. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 65–83. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-65-83>

Введение

Долгое время именно разум являлся последним прибежищем личной свободы и самоопределения. В то время как тело может быть легко подчинено господству и контролю со стороны других, наш разум, наряду с нашими мыслями, верованиями и убеждениями, в значительной степени находился за пределами внешних ограничений. Тем не менее благодаря последним достижениям в области нейронной инженерии, нейровизуализации и широко распространенных нейротехнологий разум может перестать быть такой неприступной крепостью.

Наше самопознание радикально расширяется. Нейровизуализация дает возможности понимания реального функционирования человеческого мозга, обна-

ружения нейронных коррелятов психических состояний и поведения. Клинические применения визуализации мозга, а также других нейротехнологий значительно улучшают самочувствие пациентов, страдающих неврологическими расстройствами, предлагая новые профилактические, диагностические и терапевтические инструменты¹. За пределами клиник широко распространенные коммерческие приложения быстро предоставляют новые возможности для самоанализа, улучшения когнитивных функций, персонализированного общения и развлечений для обычных пользователей.

И хотя эти достижения могут быть очень полезными для отдельных людей и общества, ими также можно злоупотреблять, создавать беспрецедентные угрозы свободе разума, способности людей свободно управлять своим поведением.

В отечественной этико-правовой исследовательской литературе тема нейротехнологий в самое последнее время уже не является редкостью, хотя и далека от изобилия [1; 2; 3].

Но вот идея нейроправ, новых фундаментальных прав человека, следующих из проблем столкновения нейротехнологий с человеческой психикой и мозгом, лишь относительно недавно привлекла внимание юристов, специалистов по этике, политиков и прессы.

Публичная история всего этого началась, похоже, с объявленной в 2013 г. президентом Б. Обамой инициативы «*BRAIN*» (исследование мозга через продвижение инновационных нейротехнологий), призванной разработать динамическое понимание человеческого мозга². Программа была спланирована до 2025 г., продолжается и по сей день [4]. В ней участвуют десятки крупнейших научных подразделений США и ряда других стран, крутятся многомиллиардные бюджеты.

Однако история с новыми правами человека как неизбежными следствиями радикальных технологических и социальных изменений имеет своего отдельного актора, весьма инициативного и энергичного. Речь идет о профессоре биологии Колумбийского университета Рафаэле Юсте, который хотя и не значится в списках главных персон проекта «*BRAIN*», но позиционирует себя как одного из духовных отцов инициативы. Как бы то ни было, но он действительно создал в 2017 г. общественные структуры, такие как Международная инициатива по изучению мозга (*IBI*) и *Morningside Group*, «глобальный консорциум междисциплинарных экспертов, выступающих за этическое использование нейротехнологий и искусственного интеллекта». В том же году он, во главе многочисленного коллектива соавторов, опубликовал в авторитетном «*Nature*» статью о необходимости дополнения фундаментальных прав человека новыми «нейроправами» [5], чем, естественно, привлек большое внимание.

¹ Методы функциональной магнитно-резонансной томографии применяются для различных целей, включая предоперационную оценку риска и функциональное картирование областей мозга для выявления аномалий или для наблюдения за восстановлением после инсульта или после операции, а также эффекты фармакологической и поведенческой терапии.

² Другие международные научные проекты, направленные на исследования в области нейронных связей человеческого мозга: *BIOS*, *Blue Brain Project*, *Human Brain Project* и т.д. Также и в России в 2021 г. В. В. Путиным было дано поручение Минобрнауке разработать новую федеральную программу «Мозг, здоровье, интеллект, инновации на 2021–2029 гг.» [6].

Он же создал веб-сайт «Фонд нейроправ» (*NRF*), где сформулировал задачи внедрения в общественное сознание, а затем и в международную (и национальную) правовую практику этих самых «нейроправ» [7].

И он не остался неуслышанным. В декабре 2020 г. сенат Чили единогласно одобрил законопроект о внесении поправки в Конституцию, направленной на защиту «нейроправ»¹ [8]. Это впечатлило, в свою очередь, Международный комитет ЮНЕСКО по биоэтике, который в январе 2021 г. предложил рекомендации по усилению внимания к обсуждению и тщательной проработке проблемы обозначенных прав [9].

И хотя многие еще с большим скепсисом относятся к предлагаемым новым правам, актуальность их междисциплинарного обсуждения становится все более и более очевидной. Однако это скорее напоминает стадии принятия нового в известном анекдоте: сначала все говорят что «это (нечто новое) – чепуха», затем отмечают, что «в этом что-то есть», и, наконец, «это всем известно и банально».

Значит, пока еще не поздно, обратимся к обозначенной теме. Делаются первые подступы к ней и в нашей философско-правовой литературе. Говорят, правда, более о «цифровых правах»: праве на доступ к информации; праве на персональные данные; праве на забвение; цифровых финансовых активах как возможном компоненте имущественных прав; праве на тайну геномной информации; правах систем искусственного интеллекта, роботов и киборгов [10; 11].

1. Предлагаемые права

Как уже отмечалось выше, концептуализированы и манифестированы новые права довольно-таки небольшой группой ученых и юристов. Вместе с тем их взгляды не следует считать маргинальными, учитывая произведенный недавно резонанс (Конституция Чили и рекомендации комитета по этике ЮНЕСКО) и первые реакции научного сообщества [12; 13].

Содержание предлагаемых новых нейроправ представлено:

– в статье в «*Nature*» – описания четыре проблемных областей человеческой жизни, порождаемых внедрением нейротехнологий [5];

– в статье журнала «Нейроэтика» – как «Рекомендации по ответственному развитию и применению нейротехнологий» [14];

– на сайте *NRF* в разделе «Миссия» – в виде манифеста пяти «нейроправ» [15].

Обсудим их представленные версии и реакции на них.

Несомненно, предлагаемое понимание содержания нейроправ претерпело известную эволюцию, даже чисто формально: от четырех проблемных областей – до имеющих более категоричный характер пяти тезисов. Обратимся же к их анализу.

Право на психическую конфиденциальность (и (или) неприкосновенность) (The Right to Mental Privacy)

Сегодняшняя инфосфера более навязчива, чем когда-либо в истории. Веб-сайты регулярно используют файлы *cookie* для записи информации о посетителях ма-

¹ Он содержит такие аспекты как: защита нейроданных; определение ограничений на нейротехнологии чтения и письма в мозге; выработка основ распределения и доступа к ним; правовые ограничения на разработку нейроалгоритмов.

газина, об их действиях в Интернете, предпочтениях, личных данных, посещенных страницах, паролях, номерах кредитных карт и т.д. Большие и малые корпорации собирают огромные объемы данных о пользователях, большая часть которых относится к повседневной деятельности: что было куплено, когда, где и сколько было заплачено. Учетные записи электронной почты забиты рекламой и нежелательными предложениями. Телефонные номера и личные адреса фиксируются в базах данных, продаются как корпорациям, так и «инициативным личностям». Кроме того, видеонаблюдение, технологии распознавания лиц, шпионское ПО открывают повседневную деятельность людей для всеобщего обозрения.

Таким образом, из «цифровых следов» людей (в Интернете, социальных сетях) может быть получен экстраординарный уровень личной информации о большинстве из нас, кто участвует в современной медийной среде. Многие в этом уже убедились, столкнувшись с таргетингом рекламы, которая уже рассчитана именно на вас и создана на основе ваших прошлых запросов в поисковиках, представляя собой персонализированную информацию, которая используется без вашего на то согласия. Мы круглые сутки подключены через наши смартфоны к Интернету, что открывает возможность для отдельных лиц или организаций (хакеров, корпораций или правительственных учреждений) отслеживать или даже манипулировать нашим ментальным опытом. Вполне резонно предложить, что граждане должны иметь возможность и право сохранять конфиденциальность своих личных данных, которые в последнее время дополняются и данными человеческого разума или же нейроданными.

Речь идет о нейромаркетинговых исследованиях мозга для медицинских и коммерческих целей¹, которые проводятся многими компаниями [16], равно как и о большом интересе последних к данным медучреждений.

Нейронные данные в сочетании с огромным количеством не-нейронных данных – из интернет-поиска, фитнес-мониторов и т.д. – можно использовать для получения довольно-таки интересных выводов о людях, которыми бы те предпочитали не делиться с окружающими. Чтобы решить эту проблему, необходимо строго регулировать продажу, коммерческую передачу и использование нейронных данных. Также следует ограничить возможности добровольной передачи людьми своих нейронных данных за финансовое вознаграждение, к примеру по аналогии с недавно принятыми отечественными законодательными актами, регулирующими порядок трансплантации органов и (или) тканей человека [17].

Вместе с тем следует указать на уже нарабатанный международный потенциал в области прав человека в ответ на схожие вызовы, связанные с генетическими технологиями. С конца 1990-х гг. международное сообщество предприняло значительные усилия для решения самых разных проблем, возникающих в результа-

¹ Речь идет о восьми видах биометрии, которые используются для сканирования и измерения параметров эмоциональной активности людей. В него входят: кожно-гальваническая реакция, частота дыхания, пульс, направление центрального зрения, мимика, электромиография или анализ движения мышц лица, электрическая активность мозга, функциональная магнитно-резонансная томография. Ряд специализированных нейромаркетинговых компаний, включая *EmSense*, *Neurosence*, *MindLab International* и *Nielsen*, регулярно применяют методы нейровизуализации для изучения, анализа и прогнозирования поведения потребителей.

те расширения доступа к генетическим данным человека. В 1997 г. была принята Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека для предотвращения сбора и использования генетической информации способами, несовместимыми с соблюдением прав человека, а также для защиты генома человека от неправомерных манипуляций, которые могут нанести вред будущим поколениям [18]. Принципы, содержащиеся в этом документе, получили дальнейшее развитие в Международной декларации о генетических данных человека (2003), в которой излагались более конкретные правила сбора биологических образцов и генетических данных человека [19].

Наконец, в 2016 г. Европейским Парламентом и Советом Европейского Союза был принят «Общий регламент о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных». В нем есть особая категория конфиденциальных данных, включая генетические данные и данные о здоровье (ст. 9) [20]. Однако к последней категории данных вполне можно отнести и сведения о головном мозге, полученные в результате его медицинских обследований («нейроданные»). Обработка таких данных запрещена, за перечисленными исключениями. И если некоторые формы нейроданных не относимы прямо к здоровью, но должны быть охвачены, то, может, имеет смысл прямо добавить «нейроданные» в ст. 9, рядом с «генетическими данными». Тогда и не потребуются разработки отдельных положений и актов. Впрочем, понятно, что это вопрос, открытый для дальнейших обсуждений.

Право на психическую преемственность (и (или) личную идентичность) (The Right to Personal Identity)

Неадекватное использование новых нейротехнологий помимо возможных нарушений психической неприкосновенности может привести и к нарушениям восприятия людьми собственной идентичности.

Нейронные устройства можно использовать не только для мониторинга сигналов мозга, но и для стимуляции или модуляции функций мозга. Например, устройства транскраниальной стимуляции вызывают изменения в функциях мозга, которые потенциально полезны для пациентов. Его глубокая стимуляция открывают возможности еще более существенного вмешательства в работу мозга. Учитывая их возрастающую терапевтическую эффективность, а также быстрое развитие технологий, устройства для стимуляции мозга, вероятно, будут распространяться на более широкие психиатрические группы, и, скорее всего, на все население в целом [21].

Однако изменения в работе мозга, вызванные стимуляцией мозга, также могут вызывать непреднамеренные изменения психических состояний, критически важных для личности, и тем самым влиять на личную идентичность человека. В частности, было замечено, что стимуляция мозга может влиять на психическую преемственность личности, т.е. на важнейшее требование личной идентичности, состоящее в том, чтобы ощущать себя сохраняющимся во времени как один и тот же человек. Изредка могут возникать изменения, такие как повышенная импульсивность и агрессивность или изменения в сексуальном поведении. Могут возникать чувства странности и незнакомости с собой после операции [22]. Параллельно с этим, технологии инженерии памяти могут влиять на личность человека,

выборочно удаляя, изменяя, добавляя или заменяя отдельные воспоминания, которые имеют отношение к чувству его самотождественности.

Таким образом, право на психическую преемственность направлено, в конечном счете, на сохранение личной идентичности и ее защиту от воздействий со стороны недружественного окружения. Оно защищает преемственность привычных мыслей, предпочтений и выбора человека, защищая лежащие в их основе нейронные функции. Мы воспринимаем себя как личностные единства, как субъекты и источник установок до тех пор, пока эти установки имеют минимальный уровень внутренней согласованности. Соответственно, серьезное отсутствие связности делает невозможным понимание себя [23].

Право на психическую преемственность тесно связано с правом на психическую неприкосновенность и может фактически пересекаться с ним. Оба права защищают людей от оскорбительных и несанкционированных изменений их психики. Однако они отличаются тем, что право на психическую преемственность также применяется к возникающим сценариям, которые не связаны непосредственно с нервным или психическим повреждением. Напротив, наличие вреда является необходимым условием для того, чтобы действие квалифицировалось как оскорбление психической неприкосновенности человека.

Чтобы оценить эту разницу, важно учитывать, что психической непрерывности может угрожать не только неправильное использование стимуляции мозга, но и менее инвазивные, даже незаметные вмешательства. Хорошим примером является бессознательная нейронная реклама с помощью нейромаркетинга. Так компании, занимающиеся нейромаркетингом, тестируют методы внедрения подсознательных стимулов с целью вызвать реакции, которые люди не могут сознательно зарегистрировать [24].

Потенциальные угрозы, которые можно предотвратить с помощью права на психологическую преемственность, также включают новые формы «промыывания мозгов». Так, получило большой резонанс исследование группы добровольцев (38 человек), в котором использовали транскраниальную магнитную стимуляцию для нейромодуляции областей мозга, ответственных за социальные предрассудки, политические и религиозные убеждения. Их результаты показали, что, временно отключив заднюю медиальную лобную кору с помощью ТМС, можно было сделать участников более позитивными в отношении критики в адрес их страны, чем у участников, чей мозг не подвергся воздействию. Используя ту же технику, они могли усилить веру участников в загробную жизнь. Хотя их эксперимент был разработан для картирования точных нейронных механизмов установок и убеждений высокого уровня, их результаты показывают, что один и тот же метод можно использовать для запуска широкого спектра изменений установок и убеждений человека [25].

Соответственно, легко себе представить, что нейромодуляция может быть использована для осуществления злонамеренных форм контроля над разумом. К ним потенциально относятся религиозные лидеры экстремистских толков и координаторы религиозно вдохновленных террористических групп, которые хотят добиться эффективной идеологической обработки и вербовки молодежи, а также и секретные службы.

Итак, имеет ли смысл говорить о новом праве человека? Скорее всего право на психическую преемственность можно рассматривать как особый вариант проявления права на идентичность. Последнее, по сути, было разработано Европейским судом по правам человека исходя из права на частную жизнь, включенного в ст. 8 Европейской конвенции о правах человека [26]. Эта статья защищает от нежелательного вторжения и обеспечивает уважение личного пространства человека. Вместе с тем ясно, что следует различать конфиденциальность и личную идентичность. Право на психическую преемственность призвано предотвратить бесконтрольный доступ к мозговой информации и индуцированное изменение функционирования нервной системы.

Всеобщая декларация прав человека также обращает внимание на личностный аспект. Ее ст. 22 гласит: «Каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав», а в ст. 29 (п. 1) мы можем прочитать: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности» [27]. Права личности и можно определить как права, выражающие квинтэссенцию человеческой личности, его «душу». Однако сомнительно, хорошо ли эти, довольно абстрактно сформулированные права подходят для решения проблемы изменений личности, вызванных нейростимуляцией. Таким образом, и это проблемное поле остается открытым для дальнейшего обсуждения.

Право на равный доступ к умственным аугментациям (The Right to Equal Access to Mental Augmentation)

Важным проявлением развития нейротехнологий являются так называемые когнитивные усилители или применение различных средств: психологических (к примеру, техник гипноза и самогипноза) и медицинских (фармакологических) средств – для улучшения человеческой ментальности. Речь идет о повышении мощности интеллекта, активизации ключевых свойств сознания – через совершенствование и увеличение скоростей обработки информации.

Перечень подобных методов и технологий, приводящих к эффектам когнитивного усовершенствования, довольно широк. Однако пока, как правило, термин «умственные аугментации» подразумевает использование прежде всего фармацевтических средств – в целях улучшения когнитивных функций у человека со среднестатистическими способностями. В общественном сознании расцветают мифы о чудо-таблетках, неимоверно усиливающих ментальные способности: повышающих концентрацию внимания, обеспечивающих интенсивный и продолжительный умственный труд – с соответствующими впечатляющими результатами¹. При

¹ Наиболее впечатляющими художественными иллюстрациями подобных социальных мифов являются «Цветы для Элджернона», научно-фантастический рассказ Дэниела Киза и триллер Н. Бергера «Области тьмы» (2011). В фильме писатель, находящийся в творческом кризисе начинает принимать засекреченный препарат NZT, который включает его мозг на эволюционный максимум, превращая его в гения во всех возможных аспектах, и, соответственно, в мультимиллионера. Но расплата наступает также быстро – в виде побочных эффектов.

том современная медицина еще отнюдь не убеждена в эффективности и безопасности подобных средств [28].

Так вот, *The NeuroRights Foundation* предлагает установить принципы, регулирующие разработку и применение нейротехнологий умственного развития, которые должны быть справедливыми, гарантировать всем равный доступ к ним [15].

Однако помимо того, что просто нет еще таких «чудо-таблеток» и нет необходимости, вероятно, еще довольно долго устанавливать справедливые права на их распределение, уже существуют правила использования активных психотропных веществ. Их использование в значительной степени регулируется тремя международными договорами, за соблюдением которых наблюдают несколько международных агентств с офисами во многих странах. Это Единая конвенция ООН о наркотических средствах [29], Конвенция о психотропных веществах (Венская конвенция 1971 г.) [30], Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [31]. Реальный вопрос скорее в другом, а именно следует ли и в каких направлениях эти правила можно реформировать.

Право на защиту от алгоритмической предвзятости (The Right to Protection from Algorithmic Bias)

Все происходящее с нами сейчас находится под наблюдением искусственных новообразований. И вряд ли пока стоит говорить о каком-то действительно автономном и самодостаточном искусственном интеллекте человеческого уровня и выше («сильном»), или «Скайнете» [32]. Время «восстания машин», по-видимому, пока еще не пришло. То, что сейчас называется «искусственным интеллектом», – это «слабый ИИ», скорее набор методов, которыми алгоритмы определяют и формулируют предположительные рекомендации и могут осуществлять тот или иной выбор, если это предусмотрено программой. Эти рекомендации и выборы основываются на мгновенном переборе и анализе «больших данных» (*Big Data*). И это порождает большие качественные изменения в различных сферах жизни.

Алгоритмы, или пошаговые процедуры решения проблем, и были призваны нейтральным образом профилировать и прогнозировать поведение людей. Ясно, однако, что их пишут люди-программисты и они вполне могут быть «инфицированы» нашими неявными (или явными) предубеждениями, всерьез влиять на общественную жизнь, приводить к тем или иным формам дискриминации.

Интернет представляет собой необъятный резервуар общедоступной информации, созданный и создаваемый ежеминутно миллионами людей. Основная проблема в достоверности или качестве данных, мере и масштабах их возможных искажений. Последние и влияют на алгоритмы машинного обучения, разработанные для оптимизации взаимодействия с пользователем. И далее эта проблема усложняется предвзятостью, которая, заметим, вовсе не всегда является производной от «ограниченной субъективности» разработчика. Ярчайший и нашумевший пример предвзятости произошел в 2015 г., когда сервис *Google Photo* маркировал фото двух афроамериканцев тегом «гориллы» [33]. В данном случае речь шла скорее о технологических недоработках сервисов в восприятии и классификации пола, лиц и цвета кожи. Однако помимо технических сложностей существует, так сказать,

«объективная предвзятость» – как «слепок» с существующей реальной социальной предвзятости: практик дискриминации в социуме. Обработывая, к примеру, большие данные рекрутинговых и брачных агентств, динамики выдачи и возврата кредитов банков или рекламных объявлений о сдаче жилья, алгоритмы, настроенные на самообучение в соответствии с ними (общественными реалиями), усваивают именно как «объективную данность» – характерные запросы и потребности работодателей, искателей семейного счастья, финансистов и собственников жилья, строя затем на их основе соответствующие схемы.

И дело приобретает неприятный оборот, когда возникают дискриминации в принятии решений по поводу найма жилья, поиска брачного партнера, трудоустройства или кредитования – в отношении социально уязвимых групп населения: семей с низкими доходами, мигрантов, пожилых людей, лиц с ограниченными физическими возможностями, бездомных, этнических меньшинств и т.п. Но ведь таково общество, в котором мы живем, алгоритмы же только их воспроизводят, и это следует учитывать.

В сфере развлечений, цифровом маркетинге, биомедицинской индустрии, новостных лентах и пр., алгоритмическая предвзятость проявляется в функционировании так называемых «рекомендательных технологий», призванных на основе информации о профиле пользователя предложить ему соответствующие продукты и услуги или же определенным образом отформатированные новости [34].

Проблема алгоритмической предвзятости, таким образом, вполне актуальна. Ясно, что даже у самых лучших алгоритмов нет здравого смысла, способности самостоятельного обобщения – для постоянных корректировок меняющихся ситуаций, как то заведено у людей.

И нельзя сказать, что разработчики соответствующих технологий не принимают необходимых мер для возможных форм купирования этих проблем. Однако их решение только в техническом модусе не будет достаточным. Ведется серьезная разработка этических принципов, устанавливающих справедливые форматы в использовании ИИ для принятия решений в разных социальных сферах.

Так, в рамках Глобальной инициативы *IEEE* по этике автономных и интеллектуальных систем недавно была разработана программа сертификации этики для автономных и интеллектуальных систем (*ECPAIS*), направленная на создание спецификаций для процессов сертификации и маркировки, которые повышают прозрачность, подотчетность и уменьшают алгоритмическую предвзятость в автономных и интеллектуальных системах [35]. Также уже принята «Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях» [36].

Мы тоже движемся в данном направлении, Россия в январе 2021 г. приняла ряд Национальных стандартов систем искусственного интеллекта в некоторых отраслях (клиническая медицина, сельское хозяйство, образование и т.д.) [37].

Таким образом, для преодоления предвзятости алгоритмов ИИ важна прежде всего нормативная регламентация этического принципа справедливости (честности) применительно к функционированию этих систем. И, как мы видим, она последовательно осуществляется. Нужно ли особо выделяемое «право человека» именно в отношении алгоритмической предвзятости?

Можно предположить, что в предстоящей перспективе стремительное развитие ИИ вызовет целый ряд проблем с правами человека, помимо лишь предвзятости. На горизонте маячит целая их когорта: право на полную информированность в отношении развития ИИ (как «слабого», так и, особенно, «сильного»); право на надежные формы человеческого контроля и управления системами ИИ; право на защиту от несанкционированного использования ИИ; право людей на рабочие места; право на использование ИИ для всех или, наоборот, право на нецифровую жизнь и мн. др. И это все следует обсудить, прежде чем принимать скоропалительные решения.

Право на свободу воли (The Right to Free-Will)

Вероятно, это самое экзотическое и дискуссионное из пяти нейроправ, предложенных *The NeuroRights Foundation*: «люди должны иметь полный контроль над принятием собственных решений, без неизвестных манипуляций со стороны внешних нейротехнологий» [15]. Оно скорее праздник для философов, но отнюдь не для судов. Концепция свободы воли – независимо от того, существует ли ее субстрат, – обсуждается на протяжении столетий, причем сложились три основных подхода: индетерминизм (либертарианизм), детерминизм и компатибилизм [38]. Можно лишь задать вопрос, какие из множественных вариаций интерпретаций свободы воли в этих трех основных подходах должны иметь отношение к закону, или же закон должен разработать какое-то консенсуальное минимальное определение свободы воли? Так или иначе, в отечественной правовой литературе это понятие не обойдено интересом [39; 40; 41; 42].

Что касается сути дела, то утверждение о «полном контроле над принятием собственных решений» вызовет, как минимум, лишь недоумение. Ведь это-то (полный контроль) и является камнем преткновения большинства исторических дебатов о свободе воли. Люди никогда не обладают окончательным контролем, поскольку каждое решение можно либо проследить до длинной цепочки детерминистически вызванных событий, простирающихся за пределы нашего существования, либо в какой-то момент неизбежно возникает столь же неконтролируемая неопределенность.

Более подходящая характеристика роли свободы воли в праве состоит в том, что первая является предпосылкой второй, по крайней мере в отношении ответственности. Действительно, в некоторых случаях правовые системы не в полной мере защищают фактические условия ответственности. Поэтому, закон может – как предполагает рассматриваемое пятое предложение – предусматривать право против манипулирования [43]. Но обратите внимание, что интерес против манипулирования признается рядом правовых норм, вращающихся вокруг таких идей, как неправомерное влияние. Тем не менее правовая защита от манипуляций может быть бессистемной и иметь лазейки. Таким образом, возможно, стоит систематически проанализировать и, возможно, пересматривать правовые доктрины о манипулировании [44].

Итак, подытожим, широкое право на свободу воли по сути своей неясно, его принятие пока несвоевременно.

2. Актуальность новых прав человека и проблема их инфляции

Для правового сообщества призыв к включению не менее пяти новых прав в международные списки может показаться радикальным. Права человека являются наиболее фундаментальными, абстрактными и универсальными правовыми гарантиями. Существующие права вращаются вокруг экзистенциальных вопросов, таких как жизнь и свобода, равное обращение, доступ к минимальным ресурсам. Хотя списки прав неуклонно росли за последние 70 лет, их все еще мало и по уважительным причинам. Основное беспокойство вызывает инфляция прав и их возможная девальвация. Права человека – это мощные инструменты, они меняют правовой ландшафт, являются своего рода «твердой валютой» в политической борьбе. Если каждый важный интерес или законная забота станет вопросом прав человека, они могут потерять свое отличие, значение и эффективность, чего многие опасаются [45].

Права человека фиксируют базисные начала общечеловеческой морали, вместе с тем зачастую те или иные социальные группы начинают борьбу за признание правами человека своих частных интересов. Существующие права человека утвердились в результате многолетних тщательных размышлений (и часто политической борьбы), и большинство из них все еще ждут полной реализации. Постоянно расширяя списки прав человека, их исключительный статус, мы можем ослабить их требовательность и категорический приоритет их выполнения, они рискуют превратиться в символы и пустую риторику.

На протяжении многих лет в этой области ведутся дискуссии о том, какие интересы заслуживают доступа к пантеону прав человека. Широко распространенная позиция состоит в том, что перечень прав человека должен ограничиваться наиболее важными фундаментальными и общеприменимыми ценностями.

В дополнение к рассмотренному, сейчас обсуждают такие новые поколения и классификации прав человека, как цифровые права, коммуникативные права, экологические права, репродуктивные права, соматические права, информационные права, образовательные права и пр. Многие из них существовали ранее в качестве одного базисного права, но потом стали исходником складывания новых поколений прав человека и вследствие этого нуждаются в теоретическом фундаменте, правовой фиксации и типологическом регламентировании.

Это, в свою очередь, привело к спорам о критериях качества новых прав человека. Подходящие кандидаты должны, среди прочего, манифестировать некие фундаментально важные ценности; быть значимыми для самых разных систем культурных норм; коррелировать с имеющимся сводом законов о правах человека, а не вариативно дублировать его; обладать большим консенсусным ресурсом для повсеместного международного признания; иметь потенциал четкой узнаваемости и маркировки, достаточный для формулировки идентифицируемых прав и обязанностей [46]. Вместе с тем трудно оспаривать и то, что предложенные права заслуживают более глубокого рассмотрения.

Вместо заключения. Когнитивная нейробиология и право

Когнитивная нейробиология и право пересекаются на многих уровнях и по разным вопросам. И это неудивительно. В то время как нейробиология изучает

мозговые процессы, лежащие в основе человеческого поведения, правовые системы занимаются его регулированием. Поэтому разумно утверждать, что обеим дисциплинам суждено стать естественными партнерами. Основная идея новой области под названием «нейроправо» как раз и состоит в том, что лучшее знание мозга приведет к более продуманным законам и более справедливым юридическим процедурам. Примеры потенциально юридически значимых применений нейротехнологии многочисленны. Некоторые записи (снимки) мозга могут использоваться в качестве уникального биометрического идентификатора, аналогично отпечаткам пальцев или ДНК. Методы визуализации мозга, например, могут способствовать принятию более обоснованных решений в уголовном правосудии, от расследования и оценки уголовной ответственности до наказания, реабилитации правонарушителей и оценки их риска рецидивизма. Инструменты, предлагаемые нейронаукой, потенциально могут также играть роль в гражданско-правовых процедурах, например, при оценке способности человека заключать контракты или «масштабах страданий» истца в требованиях о компенсации. Новые и более надежные технологии обнаружения лжи, основанные на наших знаниях о функционировании мозга, могут помочь оценить надежность свидетелей. Стирание памяти преступников-рецидивистов и жертв особо травмирующих преступлений (например, сексуального насилия) также можно упомянуть в качестве возможности, открываемой нашими новыми знаниями о мозге [1].

И, собственно, начало использования достижений нейронаук в правоохранительной деятельности уже положено. Так, в п. 1.5.2 «Дорожной карты Национальной технологической инициативы «Нейронет»», принятой в 2021 г., предусмотрено «поэтапное совершенствование нормативной правовой базы в целях устранения барьеров для использования передовых технологических решений и создания системы стимулов для их внедрения» [47].

Итак, в последние десятилетия когнитивная нейробиология совершила, можно сказать, «коперниканский переворот» в исследованиях человеческого мозга, сделав его доступным для почти «прочтения» и научного изучения. В предстоящие десятилетия они станут всепроникающими и внедряемыми во многие аспекты нашей жизни, все более эффективными в моделировании нейронных коррелятов нашей психологии и поведения. Соответственно, следует заранее, в упреждающей манере, рассмотреть этические и юридические последствия этой революции в области нейротехнологий. Правовая система должна быть адекватно подготовлена к этим новым вызовам, в частности и в контексте прав человека.

Пристатейный библиографический список

1. *Филипова И. А.* Нейротехнологии в праве и правоприменении : прошлое, настоящее и будущее // *Правоприменение.* 2022. Т. 6. № 2.
2. *Хиллута В. В.* Нейробиология и свобода воли в уголовном праве // *Актуальные проблемы российского права.* 2022. Т. 17. № 5.
3. *Филипова И. А.* Нейротехнологии : развитие, применение на практике и правовое регулирование // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2021. № 3.

4. The Brain Initiative. URL: <https://braininitiative.nih.gov/about/overview> (дата обращения: 24.12.2022).

5. *Yuste R., Goering S., Arcas B.* et al. Four Ethical Priorities for Neurotechnologies and AI // *Nature*. 2017. No. 551. URL: <https://doi.org/10.1038/551159a> (дата обращения: 24.12.2022).

6. *Данельян А. А., Гуляева Е. Е.* Нейробезопасность как новое направление в международном праве. URL: http://inter-legal.ru/nejrobezopasnost-kak-novoe-napravlenie-v-mezhdunarodnom-prave#_ftnref19 (дата обращения: 24.12.2022).

7. The NeuroRights Foundation. URL: <https://neurorightsfoundation.org/> (дата обращения: 24.12.2022).

8. Чили : на шаг впереди в деле защиты «нейроправ». URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/chili-na-shag-vperedi-v-dele-zaschity-neyroprav> (дата обращения: 24.12.2022).

9. UNESCO's International Bioethics Committee: Recommendations. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/unescos-international-bioethics-committee-recommendations> (дата обращения: 24.12.2022).

10. *Довгань Е. Ф.* Права человека в эпоху информационных технологий // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 5 (45).

11. *Камалова Г. Г.* Теоретико-правовые аспекты эволюции прав человека в условиях цифровизации и внедрения технологии искусственного интеллекта // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. Вып. 4.

12. *Yuste R., Genser J., Herrmann S.* It's Time for Neuro-Rights // *Horizons*. 2021. No. 18.

13. *Bublitz J. C.* Novel Neurorights: From Nonsense to Substance // *Neuroethics*. 2022. No. 15. URL: <https://doi.org/10.1007/s12152-022-09481-3> (дата обращения: 24.12.2022).

14. *Goering S., Klein E., Specker Sullivan L.* et al. Recommendations for Responsible Development and Application of Neurotechnologies // *Neuroethics*. 2021. No. 14. URL: <https://doi.org/10.1007/s12152-021-09468-6> (дата обращения: 24.12.2022).

15. The Five NeuroRights. URL: <https://neurorightsfoundation.org/mission> (дата обращения: 24.12.2022).

16. *Митина Э. А.* Нейроэтика : выявление этических проблем при проведении нейромаркетинговых исследований // Научный вестник : Финансы, банки, инвестиции. 2022. № 2.

17. Федеральный закон от 1 мая 2022 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416188/ (дата обращения: 24.12.2022).

18. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 24.12.2022).

19. Международная декларация о генетических данных человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 24.12.2022).

20. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Об-

щий Регламент о защите персональных данных/General Data Protection Regulation/GDPR). URL: <https://base.garant.ru/71936226/#friends> (дата обращения: 24.12.2022).

21. *Цукарзи Э. Э.* Современные методы стимуляции мозга : достижения и перспективы применения // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. Т. 23. № 1.

22. *Лихачев С. А., Ващилин В. В., Буняк А. Г., Алексеевец В. В., Заброец Г. В.* Глубокая стимуляция мозга у пациентов с болезнью Паркинсона : показания, порядок отбора, результаты лечения // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2018. Т. 17. № 1.

23. *Соловьева С. Л.* Идентичность как ресурс выживания // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1.

24. *Митина Э. А.* Нейроэтика : выявление этических проблем при проведении нейромаркетинговых исследований // Научный вестник : Финансы, банки, инвестиции. 2022. № 2.

25. *Holbrook C. et al.* Neuromodulation of Group Prejudice and Religious Belief. URL: http://colinholbrook.com/Holbrook_Neuromodulating_Ideology_SCAN_2015.pdf (дата обращения: 24.12.2022).

26. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 24.12.2022).

27. Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 24.12.2022).

28. *Попова О. В.* Биотехнологическое улучшение человека и современная нейроэтика : философские и религиозные проблемы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Вып. 4.

29. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900371> (дата обращения: 24.12.2022).

30. Конвенция о психотропных веществах. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901829> (дата обращения: 24.12.2022).

31. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900535> (дата обращения: 24.12.2022).

32. *Пройдаков Э. М.* Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования. 2018.

33. Google поместил фотографию двух афроамериканцев тегом «гориллы». URL: <https://m.pln24.ru/news/209077.html> (дата обращения: 24.12.2022).

34. *Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф.* Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта : вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53.

35. Рекомендации для этически обоснованного проектирования. Концепция взаимодействия людей с искусственным интеллектом и автономными системами с приоритетом человеческих ценностей. Глобальная инициатива IEEE. URL: https://standards.ieee.org/wp-content/uploads/import/documents/other/ead_executive_summary_russian_v1.pdf (дата обращения: 24.12.2022).

36. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. URL: <https://rm.coe.int/ru->

ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4 (дата обращения: 24.12.2022).

37. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200177292> (дата обращения: 24.12.2022).

38. Еникеев А. А., Станишевский А. И. Свобода воли в философии и юриспруденции : анализ, сравнение, проблематика // Философия права. 2018. № 2 (85).

39. Кибальник А. Г. Современное понимание свободы воли в российской уголовно-правовой доктрине // Общество и право. 2017. № 1 (59).

40. Хилюта В. В. Нейробиология и свобода воли в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5.

41. Лихтер П. Л. Нейромаркетинг и свобода воли в гражданском праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3.

42. Лазарева О. В. Понятие и структура воли : правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129).

43. Шевелева С. В., Шатанкова Е. Н. О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве : к постановке проблемы // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2 (1).

44. Куликов М. А. Технологии манипулирования целями в правовом регулировании : актуальные вопросы теории и практики // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 9.

45. Кудряшов К. В., Понеделков А. В. и др. Девальвация прав человека в современных странах Запада // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 8.

46. Глушкова С. И., Мартынов К. Э. Современный дискурс прав человека : основные проблемы и противоречия // Дискурс-Пи. 2019. № 2 (35). Т. 16.

47. План мероприятий («дорожная карта») Национальной технологической инициативы Нейронет. URL: <https://nti2035.ru/markets/mneuronet> (дата обращения: 24.12.2022).

References

1. Filipova I. A. Neurotechnologies in Law and Law Enforcement: Past, Present and Future. *Law Enforcement*, 2022, vol. 6, no. 2. (In Russ.)

2. Khiliuta V. V. Neurobiology and Free Will in Criminal Law. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 5. (In Russ.)

3. Filipova I.A. Neurotechnologies: Development, Application in Practice and Legal Regulation. *Bulletin of St. Petersburg University. Law*, 2021, no. 3. (In Russ.)

4. The Brain Initiative. URL: <https://braininitiative.nih.gov/about/overview> (date of the application: 24.12.2022).

5. Yuste R., Goering S., Arcas B. et al. Four Ethical Priorities for Neurotechnologies and AI. *Nature*, 2017, no. 551.

6. Danelian A.A., Guliaeva E.E. Neurosecurity as a New Trend in International Law. URL: http://ftr-legal.ru/nejrobezopasnost-kak-novoe-napravlenie-v-mezhdunarodnom-prave#_ftnref19 (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

7. The NeuroRights Foundation. URL: <https://neurorightsfoundation.org/> (date of the application: 24.12.2022).

8. Chile: One Step Ahead in the Defense of Neuro Rights. URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/chili-na-shag-v-peredi-v-dele-zaschity-neyroprav> (date of the application: 24.12.2022).

9. UNESCO's International Bioethics Committee: Recommendations. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/unescos-international-bioethics-committee-recommendations> (date of the application: 24.12.2022).

10. *Dovgan E. F.* Human Rights in the Era of Information Technology. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 5 (45). (In Russ.)

11. *Kamalova G. G.* Theoretical and Legal Aspects of the Evolution of Human Rights in the Context of Digitalization and the Introduction of Artificial Intelligence Technology. *Bulletin of Udmurt University*, 2021, vol. 31, no. 4. (In Russ.)

12. *Yuste R., Genser J., Herrmann S.* It's Time for Neuro-Rights. *Horizons*, 2021, no. 18.

13. *Bublitz J. C.* Novel Neurorights: From Nonsense to Substance. *Neuroethics*, 2022, no. 15.

14. *Goering S., Klein E., Specker Sullivan L.* et al. Recommendations for Responsible Development and Application of Neurotechnologies. *Neuroethics*, 2021.

15. The Five NeuroRights. URL: <https://neurorightsfoundation.org/mission> (date of the application: 24.12.2022).

16. *Mitina E. A.* Neuroethics: Identifying Ethical Issues in Neuromarketing Research. *Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*, 2022, no. 2. (In Russ.)

17. Federal Law of 1 May 2022 No. 129-FZ "On Amending the Law of the Russian Federation 'On Transplantation of Human Organs and (or) Tissues' and the Federal Law 'On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation'". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416188/ (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

18. Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

19. International Declaration on Human Genetic Data. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

20. Regulation of the European Parliament and of the Council of the European Union 2016/679 of 27 April 2016 on the Protection of Individuals with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Circulation of such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation/General Data Protection Regulation/GDPR). URL: <https://base.garant.ru/71936226/#friends> (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

21. *Tsukarzi E. E.* Modern Methods of Brain Stimulation: Achievements and Prospects for Application. *Social and Clinical Psychiatry*, 2013, vol. 23, no. 1.

22. *Likhachev S. A., Vashchilin V. V., Buniak A. G., Alekseevets V. V., Zabrodets G. V.* Deep Brain Stimulation in Patients with Parkinson's Disease: Indications, Procedures for Selection, Treatment Results. *Bulletin of the Smolensk State Medical Academy*, 2018, vol. 17, no. 1. (In Russ.)

23. Solovieva S. L. Identity as a Resource for Survival. *Medical Psychology in Russia*, 2018, vol. 10, no. 1. (In Russ.)

24. Mitina E. A. Neuroethics: Identifying Ethical Issues in Neuromarketing Research. *Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*, 2022, no. 2. (In Russ.)

25. Holbrook C. et al. Neuromodulation of Group Prejudice and Religious Belief. URL: http://colinholbrook.com/Holbrook_Neuromodulating_Ideology_SCAN_2015.pdf (date of the application: 24.12.2022).

26. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

27. Universal Declaration of Human Rights. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

28. Popova O. V. Biotechnological Improvement of a Person and Modern Neuroethics: Philosophical and Religious Problems. *Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 2018, vol. 19, iss. 4. (In Russ.)

29. Joint Convention on Narcotic Drugs, 1961. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900371> (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

30. Convention on Psychotropic Substances. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901829> (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

31. United Nations Convention Against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900535> (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

32. Proidakov E.M. The Current State of Artificial Intelligence. *Scientific Research*, 2018. (In Russ.)

33. Google Tagged a Photo of Two African Americans with the Tag "Gorilla". URL: <https://m.pln24.ru/news/209077.html> (date of the application: 24.12.2022).

34. Kharitonova Iu. S., Savina V. S., Pagnini F. Bias in Artificial Intelligence Algorithms: Questions of Ethics and Law. *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*, 2021, iss. 53. (In Russ.)

35. Recommendations for Ethically Sound Design. The Concept of Human Interaction with Artificial Intelligence and Autonomous Systems with the Priority of Human Values. IEEE Global Initiative. URL: https://standards.ieee.org/wp-content/uploads/import/documents/other/ead_executive_summary_russian_v1.pdf (date of the application: 24.12.2022).

36. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Surrounding Realities. URL: <https://rm.coe.int/en-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (date of the application: 24.12.2022).

37. Artificial Intelligence Systems. Classification of Artificial Intelligence Systems. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200177292> (date of the application: 24.12.2022).

38. Enikeev A. A., Stanishevskii A. I. Free Will in Philosophy and Jurisprudence: Analysis, Comparison, Problems. *Philosophy of Law*, 2018, no. 2 (85). (In Russ.)

39. Kibalnik A. G. Modern Understanding of Free Will in the Russian Criminal Law Doctrine. *Society and Law*, 2017, no. 1 (59). (In Russ.)

40. Khiliuta V. V. Neurobiology and Free Will in Criminal Law. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 5. (In Russ.)

41. *Likhter P. L.* Neuromarketing and Free Will in Civil Law. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 2020, vol. 24, no. 3. (In Russ.)

42. *Lazareva O. V.* Concept and Structure of Will: Legal Aspect. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2019, no. 4 (129). (In Russ.)

43. *Sheveleva S. V., Shatankova E. N.* About Free Will, Coercion, Manipulation in Philosophy, Psychology and Law: to the Formulation of the Problem. *Russian Deviantological Journal*, 2022, no. 2 (1). (In Russ.)

44. *Kulikov M. A.* Techniques for Manipulating Goals in Legal Regulation: Topical Issues in Theory and Practice. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 9. (In Russ.)

45. *Kudriashov K. V., Ponedelkov A. V.* et al. Devaluation of Human Rights in Modern Western Countries. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 2020, no. 8. (In Russ.)

46. *Glushkova S. I., Martynov K. E.* Modern Human Rights Discourse: Main Problems and Contradictions. *Discourse-Pi*, 2019, no. 2 (35), vol. 16. (In Russ.)

47. Action Plan ("Road Map") of the National Technology Initiative Neuronet. URL: <https://nti2035.ru/markets/mneuronet> (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. И. Красиков – доктор философских наук, профессор.

Information about the author:

V. I. Krasikov – Doctor of Philosophy, Professor.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 11.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-84-94>

НЕКОТОРЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ПОНИМАНИЮ ЗАКОННОСТИ

Ирина Борисовна Ломакина¹

Глеб Николаевич Глуздак²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры РФ, 191014, Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 44

¹ lomakina7311@gmail.com

² g.gluzdak.mail@gmail.com

Аннотация

В работе поднимается проблема отсутствия единого подхода к пониманию законности в юридической науке. Отмечается, что выработка такого подхода способствует развитию правосознания и правовой культуры граждан, преодолению правового нигилизма. Рассматриваются генезис понятия «законность» и эволюция представлений об этой категории в отечественной юридической науке в дореволюционный, советский и современный российский периоды, констатируется их связь с типами правопонимания. Дается характеристика представлений о законности в западной юридической мысли. Выявляются основные противоречия в приведенных теоретических подходах. Поднимается проблема обеспечения законности в правоприменительной деятельности, рассматриваются точки зрения сторонников позитивизма и юснатурализма. Отмечается, что противоречия между ними отчасти способна сгладить концепция естественно-позитивного права. Рассматриваются теоретические подходы к понятию «законность» с точки зрения современных концепций правопонимания. Констатируется, что реальную значимость сохраняет практическая деятельность субъектов права, прямо направленная на обеспечение законности.

Ключевые слова: законность; правозаконность; правопонимание; позитивизм; юснатурализм; постклассическая теория права; правовая культура; правовой нигилизм.

Для цитирования: Ломакина И. Б., Глуздак Г. Н. Некоторые противоречия в теоретических подходах к пониманию законности // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 84–94. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-84-94>

Research Article

SOME CONTRADICTIONS IN THEORETICAL APPROACHES TO UNDERSTANDING LEGALITY

Irina B. Lomakina¹

Gleb N. Gluzdak²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 44 Liteynyi Ave., Saint Petersburg, 191014, Russia

¹ lomakina7311@gmail.com

² g.gluzdak.mail@gmail.com

Abstract

This study raises the problem of the lack of a unified approach to the understanding of legality in legal science. It is noted that the development of such an approach contributes to the development of legal consciousness and legal culture of citizens, overcoming legal nihilism. A genesis of the concept "legality" and evolution of ideas of this category in a domestic juridical science in pre-revolutionary, Soviet and modern Russian periods are considered, their connection with types of legal understanding is stated. Description of the notions of legality in Western legal thought is given. The main contradictions in the given theoretical approaches are revealed. The problem of ensuring legality in law enforcement activity is raised, the points of view of positivism and natural law theory supporters are considered. It is noted that the contradictions between them can partially smooth out the concept of natural positive law. Theoretical approaches to the concept of "legality" from the point of view of modern concepts of legal understanding are considered. It is stated that practical activities of the subjects of law, directly aimed at ensuring legality, retain real importance.

Keywords: legality; legal understanding; legal positivism; natural law theory; post-classical theory of law; legal culture; legal nihilism.

For citation: Lomakina I. B., Gluzdak G. N. Some Contradictions in Theoretical Approaches to Understanding Legality. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 1, pp. 84–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-84-94>

Введение

Практически любому гражданину известно понятие «законность», однако мало кто на обыденном уровне может дать определение этому феномену. Чаще всего законность интерпретируется как соблюдение законов. При этом сразу возникает

вопрос: может ли столь многогранное явление сводиться к выполнению формальных предписаний нормативных правовых актов?

Категория законности находит отражение в российском законодательстве в формах внешнего выражения материального¹ и процессуального² права. Отсутствие единого понимания в рамках существующего законодательства порождает противоречия³, которые требуют изучения и осмысления как в рамках отраслевой юридической науки, так и в границах предмета теоретической юриспруденции в целом. В этих условиях задача выработать единую дефиницию законности «ложится на плечи» всего юридического научного сообщества и прежде всего, конечно, теоретиков права. При этом не следует забывать об ориентации науки на практику, что, в свою очередь, актуализирует практическую значимость законности как доминанты правовой культуры. Известно, что одним из аспектов правовой культуры является правосознание. Оно, впрочем, может быть подвержено деформации, одной из форм такой деформации выступает правовой нигилизм [1, с. 122]. Наибольшую опасность данное явление представляет для правоприменителя. Правовой нигилизм является антиподом, т.е. полной противоположностью, позитивной правовой культуры. В условиях деформированной правовой культуры законность как принцип правовой жизни подменяется неправовым принципом, а, именно, целесообразностью [2, с. 7–8]. Избежать подобной подмены понятий позволит выработка единого теоретического подхода к пониманию законности.

1. Эволюция категории «законность» в дискурсивных практиках

Исследуя понятие законности, необходимо проследить становление данной категории, а также ее эволюцию в отечественной и зарубежной юридической доктрине. А. Б. Лисюткин констатирует, что определить точное время возникновения идеи законности в историческом аспекте затруднительно. Поскольку становление этой идеи начинается одновременно с правогенезом, то, судя по всему, уже в родовом обществе эта идея отражалась в религиозно-мифологических памятниках [3].

Первые упоминания о законности встречаются в античной культуре. Принцип власти закона нашел отражение в учениях Платона и Аристотеля [4, с. 33; 5, с. 77]. Античные философы отождествляли законность и справедливость, считая данные понятия практически эквивалентными. «Что законно, – по выражению Сократа, – то справедливо» [6, с. 134]. Следует отметить теоцентричность таких взглядов. По

¹ В формах материального права законность находит отражение, например, в ст. 3 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), согласно которой под принципом законности понимается установление преступности и наказуемости деяния, иных уголовно-правовых последствий только УК РФ, недопустимость применения уголовного закона по аналогии.

² В формах процессуального права законность находит отражение, например, в ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), в соответствии с которой правоприменителю запрещается применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ.

³ Противоречие встречается, например, в вопросах допустимости применения закона по аналогии: если в уголовном праве применение закона по аналогии не допускается, то в гражданско-правовых отношениях аналогия права и аналогия закона являются допустимыми способами устранения пробелов в правовом регулировании.

воззрению Сократа законы могут быть дифференцированы на писанные, легитимированные полисом, и неписанные, данные богами [6, с. 284]. И те, и другие в равной мере могли рассматриваться как отвечающие идеалам справедливости. Очевидно, что такой подход исключал критику законодательства¹. Поэтому любая критика рассматривалась общественным сознанием афинян как проявление морального нигилизма и богохульства. Правовая мысль Древнего Рима, в основном, разделяет древнегреческие представления о законности. Здесь также находит отражение максима «право, как справедливость»: широко известно латинское изречение, в котором право называется «искусством добра и справедливости» (лат. *jus est ars boni et aequi*). При этом господствует догматическая методология: «закон суров, но это закон» (лат. *dura lex, sed lex*). Законность как принцип правовой жизни прошла длительный путь в своем развитии, но в качестве современной доминанты правовой жизни сформировалась только, как отмечает Н. П. Герасимова, в XVII–XVIII вв. [5, с. 77]. И причины этого, в целом, понятны. Развитие капитализма требовало единообразия применения закона, принцип формального равенства должен был сформировать конкурентную среду, а формальная определенность – закрепить четкие правила игры, не предполагающие широкого плюрализма в применении закона.

При рассмотрении подходов к пониманию законности в отечественной юридической науке видится обоснованным ввести периодизацию: выделить дореволюционный, советский и современный российский этапы.

Необходимо отметить, что российское общество неоднозначно восприняло идеи законности. Критически высказывались по этому поводу П. Я. Чаадаев и А. И. Герцен [4, с. 33]. В то же время для дореволюционного этапа характерна дискуссия по вопросу содержания понятия законности. Одни авторы понимали под ним следование формальным предписаниям власти. Так, Н. М. Коркунов писал, что «каждый закон имеет обязательную силу, независимо от его содержания» [7, с. 301], при этом, однако, отмечая необходимость отделения законодательства от управления [8, с. 628]. Другие рассматривали законность с точки зрения естественных прав человека, включали в это понятие критику действующих законов. Так, Б. А. Кистяковский отмечал, что «законность предполагает строгий контроль и полную свободу критики всех действий власти, а для этого необходимо признание за личностью и обществом их неотъемлемых прав» [9, с. 478]. Таким образом, в этот период очевидна полемика между сторонниками юридического позитивизма и сторонниками юснатурализма в вопросе понимания законности.

Октябрьская революция оказала значительное влияние на развитие представлений о рассматриваемом феномене в отечественной юридической науке. Интересно, что если первоначально В. И. Ленин говорит о законности как об идеале «подлых оппортунистов» [10, с. 101], то позднее он указывает на необходимость установления единой законности [11, с. 449]. В период становления советского государства формируется доктрина «революционной законности». Идею «революционной за-

¹ В этом смысле понятие «законодательство» не сводится к нормативным правовым актам и используется в более широком смысле, под ним понимаются все формы внешнего выражения права, в том числе религиозные нормы и обычаи.

конности» развивали такие ученые как П. И. Стучка, Н. В. Крыленко, Д. И. Курский, Е. Б. Пашуканис и другие. Необходимость обоснования нового социального мироустройства в лице Советской России побудила идеологов нового строя связать «революционную законность» с целесообразностью. Так, например, В. П. Антонов-Саратовский, А. А. Сольц поддержали идею господства целесообразности над формой права [12, с. 60]. Целесообразность же, как известно, чаще всего подменяет идею права, хотя и не всегда.

В процессе государственного строительства термин «революционная законность» уходит с авансцены советских дискурсивных юридических практик и его место занимает «социалистическая законность»¹, под которой понимается точное и неуклонное исполнение законов и основанных на них других правовых актов социалистического государства. А. А. Чечулина видит в таком превращении законности отход от «духовной сути права» [13, с. 20]. Стоит отметить, что если в период с 1930-х по 1960-е гг. «социалистическая законность» рассматривалась преимущественно в позитивистском ключе, то к концу 1970-х – 1980-м гг. данный термин обрел более широкое значение, хотя полностью не мог освободиться от своей классовой сущности и жесткой привязки к аппарату принуждения. В работах С. С. Алексева, М. И. Байтина, Н. В. Витрука, В. Н. Кудрявцева, М. Н. Марченко, Л. И. Спиридонова, Р. О. Халфиной, В. Е. Чиркина, Л. С. Явича и других законность рассматривается с различных позиций. Поэтому у одних исследователей данного периода законность выступает как принцип деятельности субъектов права, у вторых – как принцип права, у третьих – как соответствие правовой деятельности закону, у четвертых – как правовой режим, пятые же начинают усматривать состояние правомерности человеческой деятельности, шестые – как конституционную обязанность [14, с. 33].

В целом же, характеризуя советский правовой дискурс, стоит отметить, что право сводилось к совокупности норм, закрепленных в формах внешнего выражения права. При этом практически не обсуждался вопрос о том, каким по своему содержанию должны быть нормативные предписания – достаточно лишь того, чтобы они введены в действие в установленном порядке. В этом обнаруживается противоречие позитивистской концепции идее «законности как справедливости». Рассматриваемый подход к пониманию законности является государствоцентристским, но у него есть значительное достоинство: он содержит в себе критерий формальной определенности. Перед правоприменителем, впрочем, как и перед любым другим субъектом права, не стоит задача определять, является ли тот или иной нормативный акт «правовым» в конкретной ситуации. Законность в этом случае выступает в качестве системы четких, недвусмысленных требований, которые надлежит исполнять.

Для позднесоветского периода характерной чертой стало отступление от юридического позитивизма. Пересматривая свои первоначальные взгляды, С. С. Алексеев обращается к понятию «законность», наполняя его уже другим содержанием, а именно демократическим, без привязки к классовой сущности [15, с. 116]. Чуть

¹ Следует отметить, что в советской юридической науке (в учебной и научной литературе, в словарях) понятие «законность» не мыслилось без прилагательного «социалистическая».

позже на либерально-демократической почве расцветают демократические концепции законности. К законности начинают предъявляться требования. Все чаще и чаще появляются идеи о соблюдении лишь «правового» закона, общественно полезного, уважающего права человека и общеправовые принципы, отвечающего идеалам справедливости и нравственности. Соблюдение «неправового» закона, не отвечающего данным критериям, не может рассматриваться как законное поведение. Данные идеи понимания законности может и выглядели прогрессивно, но проблема заключалась в том, что перечисленные категории являются оценочными. Поэтому возникал вопрос: кто будет рассматривать соответствие той или иной нормы условию ее «правового» характера? Если относить данную деятельность к компетенции правоприменителя, то неизбежно нарушение принципа единства законности. Кроме того, в некоторых случаях компетентность правоприменителя может вызывать сомнения. Законодатель также не может рассматривать вопрос о соответствии нормы критерию ее «правового» характера: возникает конфликт интересов, ведь он же ее и устанавливает. Следовательно, такой подход к пониманию законности является трудно применимым на практике.

Юснатурализм, воплощенный в либертарную теорию¹, акцентирует внимание на «правовой законности» или «правозаконности», т.е. неукоснительного соблюдения и исполнения положений только правовых законов. В основу юридического либертаризма были положены естественно-правовые представления о правовом законе и правовом государстве. Западные конструкты «*rule of law*» и «*Rechtsstaat*» нашли самое активное воплощение в либертарных концепциях права начала 1990-х гг. Кроме того, в западной юридической мысли законность обретает смысл через конструкт «*legality*». В работе, имеющей одноименное название, С. Шапиро формулирует правовую теорию планирования, при этом отмечая особую социальную ценность законности [16]. Стоит отметить, что исследователь не считает обоснованным рассматривать мораль в качестве критерия законности [17, с. 326]. Впрочем, данный подход не безупречен в силу ряда причин и прежде всего из-за его чрезмерной идеологичности.

2. Синтез позитивистского и естественно-правового подхода

Вместе с тем стоит отметить, что невозможно отделить «позитивную законность» от «естественно-правовой законности», равно как она не может быть «казанская или казанская» [11, с. 449]: как уже было отмечено, должен соблюдаться принцип единства законности. В известной мере преодолеть противоречия двух концепций позволяет естественно-позитивная теория права, в рамках которой, по В. М. Шафирову, право является возведенной в закон волей большинства людей, провозглашающей права и свободы человека как высшую ценность [18, с. 94]. Естественно-позитивный закон общеобязателен и должен беспрекословно соблюдаться лишь постольку, поскольку наполнен демократическим содержанием, идеями справедливости и другими критериями «правового» закона. Такая теория является по своей сути идеалистической, ведь существование «неправовых» законов можно рассматривать в качестве

¹ Хотя сторонники либертарной теории права отрицают связь своей концепции с юснатурализмом.

объективной реальности [19, с. 20]. Нет ничего плохого в законности как в идеале, на достижение которого должны быть направлена не только научная дискуссия, но и правотворческая деятельность. Но что делать правоприменителю? Остается руководствоваться позитивным законом, при этом в каждом конкретном случае оценивая его с точки зрения соответствия не только нормам высшей юридической силы, но и конституционным, а также общеправовым принципам, в которых заложены «правовые» ценности, «дух права». Здесь велика роль конституционной юстиции: так, механизм проверки конституционности норм позитивного права Конституционным Судом РФ делает возможной их критическую оценку.

Со сходных позиций трактует законность В. В. Лазарев. Развивая интегральную теорию права, ученый в большей степени придерживается социолого-правовых воззрений и поэтому вполне обоснованно ставит проблему о соотношении нормативно-правовых актов соответствию интересам общества [20, с. 268].

3. Постклассический подход понимания законности

Весьма интересный ракурс понимания законности представлен в постклассических теориях права, среди которых наибольший интерес представляет диалогическая концепция И. Л. Честнова. Рассматривая право в контексте его реально-го существования, профессор приходит к следующим выводам:

во-первых, правовое явление имеет разные формы существования «в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа, включая индивидуальные, групповые и коллективные (социальные, общественные) формы проявления», причем все они непрерывно взаимодействуют друг с другом;

во-вторых, правовое явление – это всегда итог накопленной данным обществом практики;

в-третьих, правовое явление по определению не может выступать в качестве окончательно завершённого факта, оно непрерывно трансформируется, приспосабливаясь к новой практической данности [21, с. 492–493].

Поэтому в рамках представленной концепции законность следует рассматривать как процесс, в котором закон воплощается в реальность, начиная от его фиксации в общественной потребности и до его практического применения уполномоченным на то органом. При этом закон – это не догма, а правило, которое корректируется социальными практиками, исходя из реальных потребностей общества. Подобный способ создания правовой нормы, по мнению авторов, является наиболее эффективным способом гарантии соблюдения режима законности, который не может поддерживаться исключительно мерами репрессивного характера. В то же время необходимо учитывать, что предложенная схема является в определенной степени идеалом, так как все последствия введения в действие той или иной нормы права предусмотреть невозможно. Однако с этих позиций законность выступает как требовательный партнер правопорядка [22, с. 34].

Можно констатировать, что в современных дискурсивных правовых практиках продолжается дискуссия о понимании законности. Нередко законность рассматривается в рамках отдельных юридических дисциплин – в частности, уголовного и гражданского процесса, прокурорского надзора. Чаще всего для них она высту-

пает в качестве одного из принципов и изучается именно как принцип. В отраслевых подходах к пониманию законности нередко встречаются противоречия: здесь можно вернуться к уже поднятому вопросу о допустимости применения аналогии права и аналогии закона. Можно говорить о том, что каждая отраслевая юридическая теория наполняет понятие законности собственным, часто различным, содержанием. При этом отраслевые подходы зачастую не соотносимы друг с другом или с общеправовым пониманием рассматриваемого феномена.

Отметим, что особую важность представляет обеспечение законности в процессе реализации права, т.е. в правоприменительной деятельности. И здесь возникает главное противоречие: если, соглашаясь с позицией О. П. Сауляка, рассматривать законность в аспекте соответствия правореализационной деятельности требованиям правовых предписаний, установленных государством [23, с. 9], то законно ли применение неправового, дефектного закона? Ведь, как констатируют С. В. Бирюков, Т. А. Бирюкова, «проблемные» законы встречаются и в российской действительности [19, с. 20]. Сторонники различных подходов к пониманию права отвечают на затронутый вопрос по-разному.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что законность относится к числу базовых категорий юриспруденции. Исследованию данного феномена посвящено большое количество научных работ как в области теории права, так и в отдельных отраслевых юридических науках. Однако вопрос содержания понятия «законность» до сих пор остается дискуссионным. В основном, это обусловлено множественностью концепций правопонимания. Противоречия между юридическим позитивизмом и юснатурализмом в некоторой мере способна сгладить естественно-позитивная теория права.

Появление постклассического подхода можно считать новой вехой в осмыслении рассматриваемого феномена, так как он предлагает разрабатывать модель воплощения закона в реальность, начиная от фиксации общественной потребности в нем и до практической реализации в правоприменении, что предполагает возможность корректировки содержания, исходя из изменений в указанной потребности. Подобный способ создания правовой нормы является наиболее эффективным способом гарантии соблюдения режима законности, который не может поддерживаться исключительно мерами репрессивного характера, о чем говорилось выше. И все же в условиях продолжающейся дискуссии реальную значимость сохраняет практическая деятельность субъектов права, прямо направленная на обеспечение законности. И ведущая роль среди них, исходя из уровня полномочий, значимости нормативных предписаний, организационных возможностей, продолжает принадлежать органам государственной власти.

Представляется очевидной необходимость дальнейшего изучения проблем, связанных с интерпретацией исследуемого феномена, выработки определения законности, которое бы отвечало потребностям современной российской правовой системы. Выработка единого подхода к пониманию законности способствует укреплению представления о данной категории как о доминанте правовой культуры общества.

Пристатейный библиографический список

1. *Подольский В. В.* Правовой нигилизм как особая форма деформации правосознания в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 1 (194).
2. *Старин Б. С.* Правовая культура, законность и правосознание в условиях становления правового государства // Закон. Право. Государство. 2018. № 3 (19).
3. *Лисюткин А. Б.* К понятию законности // Правоведение. 1993. № 5.
4. *Кожевников С. Н.* Теоретические аспекты и правовые подходы к определению законности // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4.
5. *Герасимова Н. П.* Правовой закон – основа правовой законности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2018. Т. 18. № 2.
6. *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе. М. : Наука, 1993.
7. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1904.
8. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 2 : Часть особенная. 6-е изд. СПб., 1909.
9. *Кистяковский Б. А.* Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 85.
10. *Ленин В. И.* О задачах III Интернационала / *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 39. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1970.
11. *Ленин В. И.* О двойном подчинении и законности // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 17.
12. *Рыбаков В. А.* Революционная законность : теоретический аспект // Право и государство : теория и практика. 2017. № 12 (156).
13. *Чечулина А. А.* Правовая законность: общетеоретический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004.
14. *Вопленко Н. Н.* Понятие и основные черты законности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. 2006. № 8.
15. *Алексеев С. С.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010.
16. *Shapiro S.* Legality. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2011.
17. *Shapiro S.* Was Inclusive Legal Positivism Founded on a Mistake? // Ratio Juris. 2009. Vol. 22. No. 3.
18. *Шафиров В. М.* Естественно-позитивное право : Введение в теорию. Красноярск : ИЦ КрасГУ, 2004.
19. *Бирюков С. В., Бирюкова Т. А.* Неправовой закон: проблемы его установления и применения (теоретический аспект) // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 4.
20. *Лазарев В. В.* Общая теория права. М. : Юрист, 2001.
21. *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права : монография. СПб. : Алф-Пресс, 2012.
22. *Ломакина И. Б.* Содержание правопорядка в его эволюционном развитии // Правопорядок и его институциональные основы : сборник трудов международной конференции (Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 года). Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019.

23. Сауляк О. П. Законность в правоприменительной деятельности : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2001.

References

1. Podolskii V. V. Legal Nihilism as Special Form of Deformation of Sense of Justice in Modern Russia. *Bulletin of the Adyge State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*, 2017, no. 1 (194). (In Russ.)
2. Starin B. S. Legal Culture, Legality and Legal Consciousness in the Formation of a Legal State. *Law. Right. State*, 2018, no. 3(19). (In Russ.)
3. Lisiutkin A. B. To the Notion of Legality. *Jurisprudence*, 1993, no. 5. (In Russ.)
4. Kozhevnikov S. N. Theoretical Aspects and Legal Approaches to Determination of Legality. *Gaps in the Russian Legislation*, 2015, no. 4. (In Russ.)
5. Gerasimova N. P. Legal Law – The Basis of the Rule of Law. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2018, vol. 18, no. 2. (In Russ.)
6. Ksenofont. Memorable Things of Socrates. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ.)
7. Korkunov N. M. Lectures on General Theory of Law. Saint Petersburg, 1904. (In Russ.)
8. Korkunov N. M. Russian State Law. Vol. 2. 6th ed. Saint Petersburg, 1909. (In Russ.)
9. Kistiakovskii B. A. The State of Law and the Socialist State. *Questions of Philosophy and Psychology*, 1906, book 85. (In Russ.)
10. Lenin V. I. About Tasks of the 3rd International. In *Lenin V. I. Full Collection of Works*. Vol. 39. 5th ed. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1970. (In Russ.)
11. Lenin V. I. On Dual Subordination and Legality. *Weekly of Soviet Justice*, 1925, no. 17. (In Russ.)
12. Rybakov V. A. Revolutionary Legality: The Theoretical Aspect. *Law and State: Theory and Practice*, 2017, no. 12 (156). (In Russ.)
13. Chechulina A. A. Legal Legality: General Theoretical Analysis: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Ufa, 2004. (In Russ.)
14. Voplenko N. N. Concept and Main Lines of Legality. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*, 2006, no. 8. (In Russ.)
15. Alekseev S. S. Essay Collection. In 10 vols. Vol. 3: Legal Theory Problems: A Course of Lectures. Moscow: Statut, 2010. (In Russ.)
16. Shapiro S. Legality. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.
17. Shapiro S. Was Inclusive Legal Positivism Founded on a Mistake? *Ratio Juris*, 2009, vol. 22, no. 3.
18. Shafirov V. M. Naturally Positive Law: Introduction to Theory. Krasnoyarsk: Publishing House of KrasSU, 2004. (In Russ.)
19. Biriukov S. V., Biriukova T. A. Non-Legal Rules: Problems of Their Determination and Enforcement (Theoretical Aspect). *Law Enforcement*, 2018, vol. 2, no. 4. (In Russ.)
20. Lazarev V. V. General Theory of Law. Moscow: Iurist, 2001. (In Russ.)
21. Chestnov I. L. Post-Classical Theory of Law. Saint Petersburg: Alef-Press, 2012. (In Russ.)
22. Lomakina I. B. The Content of the Rule of Law in its Evolutionary Development. In *Law and Order and its Institutional Foundations: Proceedings of the International Conference (Voronezh, 31 May – 1 June 2019)*. Voronezh: Nauka-Lunipress, 2019. (In Russ.)

23. *Sauliak O. P.* The Legality in Law Enforcement: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2001. (In Russ.)

Сведения об авторах:

И. Б. Ломакина – доктор юридических наук, профессор.

Г. Н. Глуздак – студент.

Information about the authors:

I. B. Lomakina – Doctor of Law, Professor.

G. N. Gluzdak – Student.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 15.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-95-105>

СУДЕБНЫЕ СИСТЕМЫ И МОДЕЛИ ПРАВОСУДИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Анатолий Сергеевич Слабоспицкий^{1,2}

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Московский университет им. С. Ю. Витте (МУИВ), 115432, Россия, г. Москва, 2-й Кожуховский пр-д, д. 12, стр. 1

slabospitskyas@gmail.com

Аннотация

Судебные системы как ветви государственной власти, действующие в рамках определенных моделей правосудия, часто становятся объектом исследования. Анализ сходных и отличительных черт судебных систем, выделение их преимуществ и недостатков помогает определить пути возможного развития отечественной правовой системы, особенно в современном мире в рамках цифровизации и глобализации. Предметом исследования являются особенности судебных систем и моделей правосудия в современном мире. Целью работы выступает анализ особенностей судебных систем и моделей правосудия в современном мире. Методология проведенного исследования включает формально-юридический, сравнительный правовой, а также общенаучные методы познания. Автором проанализированы романо-германская, англосаксонская или общая, социалистическая и религиозно-правовая модели правосудия, выделены их отличительные черты, а также особенности судебных систем в рамках данных правовых семей. Выделены структурные особенности судебных систем. Определены возможные пути развития судебных систем в условиях цифровизации.

Ключевые слова: правовая система; модель правосудия; судебная система; цифровизация; гласность; транспарентность.

Для цитирования: Слабоспицкий А. С. Судебные системы и модели правосудия в современном мире // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 95–105. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-95-105>

Research Article

JUDICIAL SYSTEMS AND MODELS OF JUSTICE IN THE MODERN WORLD

Anatoly S. Slabospitsky^{1,2}

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

² S. Iu. Witte Moscow University (MUIV), 2, Bldg. 1 2nd Kozhukhov Passage, Moscow, 115432, Russia
slabospitskyas@gmail.com

Abstract

Judicial systems as branches of state power, operating within certain models of justice, often become the object of research. Analysis of similar and distinctive features of judicial systems, highlighting their advantages and disadvantages helps to determine the ways of possible development of the domestic legal system, especially in the modern world in the framework of digitalization and globalization. The subject of the study is the features of judicial systems and models of justice in the modern world. The aim of the work is to analyze the features of judicial systems and models of justice in the modern world. The methodology of the conducted research includes: formal-legal, comparative legal, as well as general scientific methods of cognition. The author analyzes the Romano-Germanic, Anglo-Saxon or general, socialist and religious-legal models of justice, highlights their distinctive features, as well as the features of judicial systems within these legal families. Structural features of judicial systems are highlighted. Possible ways for the development of judicial systems in the context of digitalization are identified.

Keywords: legal system; model of justice; judicial system; digitalization; publicity; transparency.

For citation: Slabospitsky A. S. Judicial Systems and Models of Justice in the Modern World. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 1, pp. 95–105. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-95-105>

Введение

Под судебной системой понимается самостоятельная ветвь власти в целой системе ветвей власти, где кроме судебной власти представлены законодательная и исполнительная власть. Судебные системы в современном мире в основном

сформировались в рамках двух правовых семей: англосаксонской и романо-германской. Ключевым отличием данных правовых семей являются способы закрепления моделей правосудия в источниках права. Традиционно модели правосудия выделяют исходя из моделей сформировавшихся правовых семей [1].

1. Романо-германская модель

В романо-германскую правовую семью входят те страны, в которых юридическая наука развивалась на основе римского гражданского права. Здесь нормы права понимаются как правила поведения, тесно связанные с идеями справедливости и морали. Установление и формулирование этих правил возлагается главным образом на ученых-юристов, которые, поглощенные этой задачей изложения доктрины по какому-либо аспекту права, несколько меньше заинтересованы в его фактическом и практическом применении. Эти вопросы находятся в ведении администрации и практикующих юристов. Другой особенностью этой правовой семьи является то, что право развивалось, прежде всего по историческим причинам, по существу как частное право, как средство регулирования частных отношений между отдельными гражданами; другие отрасли права были разработаны позже, но менее совершенны, в соответствии с принципами гражданского права, которое сегодня все еще остается основной отраслью юридической науки. Начиная с девятнадцатого века, отличительной чертой вышеуказанной семьи является тот факт, что различные ее страны-члены придают особое значение принятому в форме кодексов законодательству [2].

Романо-германская система законов возникла в Европе. Благодаря колонизации европейскими народами романо-германская семья завоевала обширные территории, где правовые системы либо принадлежат этой семье, либо связаны с ней. Феномен добровольного принятия данной правовой системы привел к тому же результату в других странах, которые не были колонизированы, но где потребность в модернизации привела к проникновению европейских идей.

2. Континентальная модель

Континентальная модель судебной системы, сформированная в рамках романо-германской модели правосудия, распространена во многих странах. Основные характеристики континентальной модели судебной системы представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Основные характеристики континентальной модели судебной системы [3]

3. Англосаксонская модель

Правовая семья общего права или англосаксонская имеет характеристики модели правосудия, совершенно отличные от романо-германской семьи. Данные характеристики формировались в основном судьями, которые должны были разрешать конкретные споры. Правовая норма общего права направлена на обеспечение решения судебного разбирательства, а не на формулирование общего правила поведения на будущее. Правовые нормы в рамках данной модели правосудия менее абстрактны, чем характерные для романо-германской семьи. Вопросы, касающиеся отправления правосудия, процедуры, доказательств и исполнения судебных решений, имеют для юристов общего права значение, равное или даже превосходящее материально-правовые нормы, поскольку исторически их непосредственным занятием было восстановление мира, а не формулирование моральной основы общественного порядка.

И, как в случае с романо-германской семьей, общее право пережило значительное распространение по всему миру по тем же причинам: колонизация или добровольный прием. В то же время необходимо провести различие между общим правом в Европе (Англия и Ирландия) и правом за пределами Европы. В некоторых не европейских странах общее право могло быть воспринято лишь час-

точно, как, например, в некоторых мусульманских странах или Индии, и там, где оно было принято, необходимо уделить внимание его преобразованию или принятию по причине его сосуществования с традицией предыдущих цивилизаций. В любом случае другая культурно-историческая среда привела к различиям между общим правом стран, в которых она возникла, и правом тех которыми она была заимствована [4].

Основные характеристики англосаксонской модели судебной системы представлены на рисунке 2.

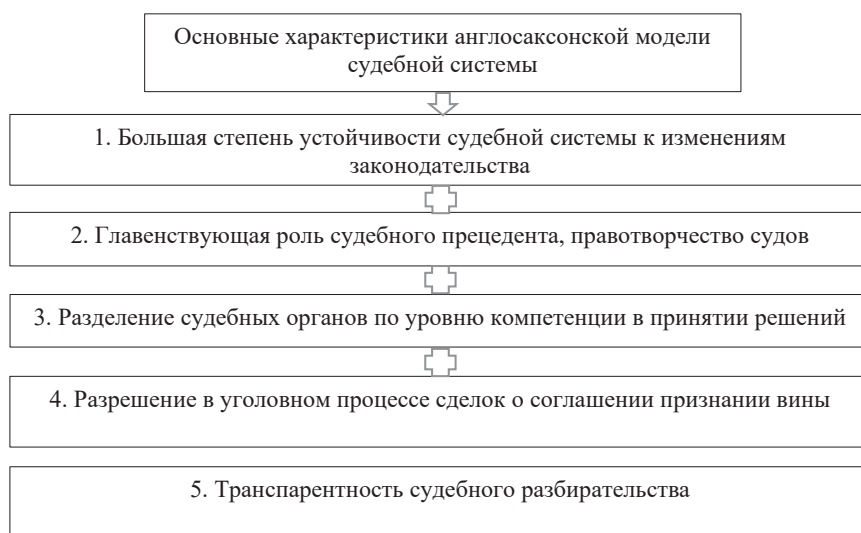

Рис. 2. Основные характеристики англосаксонской модели судебной системы

На протяжении веков существовали многочисленные контакты между странами романо-германской семьи и странами англосаксонского права, и две модели правосудия имели тенденцию, особенно в последние годы, сближаться. В обоих случаях закон находился под влиянием христианской морали, а начиная с эпохи Возрождения философские учения придавали большое значение индивидуализму, либерализму и правам личности. Общее право, безусловно, сохраняет свою собственную особую структуру, сильно отличающуюся от романо-германской системы, но методы, используемые в каждой из них, не совсем различны. Прежде всего формулировка правовой нормы все больше и больше воспринимается в странах общего права, как это происходит в странах романо-германской семьи. Что касается существа закона, то общее видение правосудия часто приводило к очень схожим ответам на общие проблемы правосудия [5].

4. Социалистическая модель

Социалистическая правовая система образует третью модель правосудия, отличную от первых двух. На сегодняшний день членами социалистического лагеря являются те страны, которые ранее принадлежали к романо-германской семье, и сохранили некоторые особенности романо-германского права. Таким образом, правовая норма по-прежнему понимается в форме общего правила поведения; и подразделения права и юридическая терминология также в значительной степени остались продуктом юридической науки, построенной на основе римского права европейскими университетами.

Но помимо точек сходства существуют такие различия, что представляется уместным рассматривать социалистические законы как отделенные от романо-германской семьи – социалистические юристы, безусловно, так и делают, и как составляющие отдельную правовую семью, по крайней мере в настоящее время. Оригинальность социалистического права особенно очевидна из-за его революционной природы; в противовес несколько статичному характеру романо-германских законов провозглашенная цель социалистических юристов состоит в том, чтобы перевернуть общество и создать условия для нового социального порядка, при котором исчезнут сами понятия государства и права. Таким образом, единственный источник социалистических правовых норм находится в революционной работе законодательной власти, которая выражает народную волю, строго направляемую Коммунистической партией. Однако юридическая наука, как таковая, принципиально не рассчитана на создание нового порядка: право в соответствии с марксизмом-ленинизмом – научной истиной – строго подчинено задаче создания новой экономической структуры. Во исполнение этого учения все средства производства были коллективизированы. В результате поле возможных частнопроводных отношений между гражданами чрезвычайно ограничено по сравнению с домарксистским периодом; частное право утратило свое превосходство – все право теперь стало публичным правом. Эта новая концепция выводит из самой сферы права целый ряд норм, которые юристы буржуазных стран сочли бы правовыми нормами [6].

Семейство социалистических законов возникло в Союзе Советских Социалистических Республик, где эти идеи преобладали, и после революции 1917 г. был разработан новый закон. Однако законы социалистических или народных республик Европы и Азии должны быть отнесены к группам, отличным от советского законодательства. Эти законы принадлежат к социалистической семье. Но в тех, кто относится к первой группе, обнаруживается большее сохранение характеристик, присущих собственно романо-германским, в то время как во второй полезно выяснить, как эти новые концепции согласуются на практике с принципами дальневосточной цивилизации, которые управляли такими обществами до социалистической эры.

В настоящее время большинство правовых систем, некогда входивших в социалистическую правовую семью, в результате определенных преобразований вошли в правовую семью романо-германского права или же имеют смешанную модель правосудия.

В рамках социалистической модели правосудия судебная система имела свои особенности, заключающиеся в таких характеристиках законодательства как:

- низкий уровень или полное отсутствие состязательности сторон в процессе;
- высокий уровень полномочий прокурора и органов следствия;
- практическое отсутствие в законодательстве положений, поддерживающих презумпцию невиновности;
- ориентация уголовного законодательства не на защиту основного закона государства, а на защиту верховенства органов власти.

Рассмотренные модели правосудия, каждая из которых представляет собой многочисленные варианты, несомненно, являются тремя основными семьями права, существующими в современном мире. Строго говоря, сегодня в мире нет закона, который не заимствовал бы определенные свои элементы из этих семей.

5. Религиозно-правовая модель

К данной модели правосудия относятся мусульманская, индуистская и еврейская правовые семьи.

Отношение мусульманской, индуистской и еврейской общин к закону основано на концепции «естественного закона», но включает ряд исходных предпосылок других моделей правосудия. В мусульманских странах больше внимания уделяется типовому закону, связанному с исламской религией, чем местным обычаям (рассматриваемым как факт) или законам и указам суверена (рассматриваемым как просто административные меры), и ни один из них не считается обладающим полным достоинством закона. То же самое можно сказать о еврейском праве и в совершенно ином контексте об индуистском праве [7].

6. Обсуждение

Таким образом, закон независимо от того связан ли он с религией или соответствует определенному образу мышления об общественном устройстве, не всегда обязательно соблюдается частными лицами или применяется судами. Тем не менее это может оказать значительное влияние на то, как «праведные» люди могут пытаться управлять своей собственной жизнью в соответствии с тем, что они считают истинным законом. Изучающий западные общества вполне может в позитивистском восприятии сосредоточить внимание на правилах, принятых законодательными органами и применяемых судом, или, альтернативно, с социологической точки зрения, классифицировать как закон только те правила, которые действительно соблюдаются на практике. Это различие в подходе не является источником каких-либо реальных неудобств, потому что в западных обществах существует большая степень эквивалентности между справедливостью, позитивным правом и социальными манерами. Однако то же самое нельзя сказать о не западных обществах, где нормы права (в западном смысле) остаются неорганизованными, фрагментарными и нестабильными, и где обычно считается, что истинный закон следует искать где-то еще, кроме законодательства, обычаев или судебных решений. Не принимая чью-либо сторону в дебатах между позитивистами и сторонниками естественного права, мусульманское и индуистское право, следовательно, долж-

ны быть включены в основные современные правовые системы. Еврейский закон, несмотря на его исторический и философский интерес, должен быть опущен, потому что его сфера влияния несравнимо меньше, чем у двух других.

Наряду с отличительными особенностями судебных систем по закреплению норм в источниках права в рамках различных моделей правосудия, можно классифицировать судебные системы и по различиям в структуре (рис. 3).

Рис. 3. Типология судебных систем в зависимости от особенностей структуры судебных органов

7. Результаты

Наиболее распространенной судебной системой в мире в рамках всех моделей правосудия в настоящее время является смешанная система.

Глобализация и цифровизация усиливают взаимное проникновение норм правовых семей, требуют модернизацию организации действия судебных систем. Технологии играют неоспоримо центральную роль в современной жизни, и в судебной работе также прослеживается влияние. Наряду с огромными преимуществами это влечет за собой существенные новые проблемы, которые все больше влияют на суды, стороны тяжбы, свидетелей и т.д. Такие проблемы, как онлайн-протоколы судебных заседаний и конфиденциальность, электронное общение, непреднамеренные проекты решений, отправленные по электронной почте, и проблема независимости судебной системы, создаваемая государственными и управляемыми судебными серверами, возникают все чаще. Эти проблемы побудили суды пересмотреть традиционное построение фундаментальных концепций, таких как раскрытие информации, подотчетность и тонкий баланс между основополагающими ценностями, такими как прозрачность и конфиденциальность [8].

Развитие цифровизации судебного процесса невозможно без развития гласности и прозрачности правосудия. Принцип прозрачности судебного разбирательства является гарантией реализации другого важного принципа справедливого правосудия – принципа независимости и беспристрастности судей, рассматривающих дело, от какого-либо влияния со стороны других лиц и подчинение их только закону [9].

В настоящее время требования гласности и транспарентности правосудия широко реализованы на практике. Например, в США нормы права предусматривают право доступа к правительственной информации, если в конечном счете разглашение этой информации не противоречит общественным интересам. Можно запросить доступ к судам для поиска сторон по разбирательству (список дел) или записи разбирательств (файлы дел). Также можно получить доступ к информации через Министерство юстиции и генерального прокурора данной страны. Как федеральное правительство, так и правительство штата определяют публичный доступ к правительственным файлам, таким как судебные протоколы. На федеральном уровне закон о свободе информации в целом защищает право любого лица запрашивать доступ к записям или информации. Существует несколько исключений и специальных исключений для правоохранительных органов, таких как информация о национальной безопасности или коммерческая тайна. Законы штатов, касающиеся свободы информации, различаются.

Благодаря свободе информации и доступа, граждане получают доступ к судебной системе и другим государственным учреждениям. Общественное мнение и интересы могут иногда влиять на конфиденциальность и беспристрастность судебных разбирательств и судебных протоколов. С другой стороны, публичный доступ к записям и судебным разбирательствам делает суды подотчетными, обеспечивая полную прозрачность любых ошибок, упущений и несправедливостей [10].

В Новой Зеландии доступ к судебным документам в Верховном суде, Апелляционном суде и Высоком суде регулируется высшими судами (доступ к судебным документам). Правила 2017 г. применяются к любому документу, пока он находится на хранении и контроле суда, как по гражданским, так и по уголовным делам.

В российской практике гласность при судопроизводстве ограничена низким уровнем информатизации основных процессов в деятельности судебной системы. Публикация судебных решений проводится в ограниченном объеме и на нерегулярной основе. Кроме того, в недостаточной степени осуществляется контроль за соблюдением законодательно установленного перечня категорий дел, подлежащих публикации в открытых источниках. Также отечественные суды, на наш взгляд, не в должной степени на практике реализуют возможности аналитической работы по результатам полученного обобщения судебной статистики с точки зрения, например, автоматического выявления тех дел, из одной категории, по которому принято выбивающиеся из общего «потока» решение. На территории СНГ, а именно в Республике Казахстан уже внедрен аналог отечественной системы анализа статистических данных и на данном этапе система автоматически анализирует результат работы суда по более чем пятистам параметрам, однако такая форма «посмертного» учета хоть и является инновационной, но все-таки позволяет контролировать не работу суда, а ее результат [11].

Заключение

В целом для модернизации судебной системы Российской Федерации в рамках цифровизации судебного процесса требуется реализация таких мероприятий, как:

1) реформирование законодательства в данной сфере с целью решения вопросов безопасности, быстроты доступа к информации, принятие регламентирующих процесс получения информации по судебному спору нормативных правовых актов ведомственного характера (суды общей юрисдикции, арбитражные суды и т.д.);

2) транспарентность судебной власти в целом, так как именно единое информационное пространство по судебной системе РФ позволит обеспечить реализацию права на доступ к правовой и судебной информации;

3) дальнейшая автоматизация основных процессов в области документационного и информационно-аналитического обеспечения деятельности отечественных судов позволит повысить эффективность судебной системы в полном объеме.

Показательно, что воплощение информационных технологий в процессе судопроизводства далеко не всегда требует выделения значительных дополнительных бюджетных средств ввиду наличия возможности расширенного функционального использования уже эксплуатируемого оборудования. Кроме того, одна из перспектив внедрения информационно-коммуникационных технологий представляет собой снижение роли как человеческого фактора, так и бюрократизации в судебном процессе и, что не менее важно, создание условий для более эффективного использования высвобожденного рабочего времени у самого ценного элемента судебной системы – судьи и сотрудников суда.

Пристатейный библиографический список

1. *Слабоспицкий А. С.* Организация судебной деятельности в экономической сфере (опыт теории и практики в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

2. *Яковлев А. Ю., Яковлев П. Ю.* Индийская модель правосудия // Азия и Африка сегодня. 2019. № 5.

3. *Дзюбак А. А.* Юридический анализ особенностей современных судебных систем // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36.

4. *Винокуров М. А., Лошкарев А. В.* Судебная система Российской Федерации // Modern Science. 2020. № 7-1.

5. *Слабоспицкий А. С.* Рассмотрение цивилистических споров в период пандемии : опыт Англии и Уэльса // Российское правосудие. 2021. № 6.

6. *Шендеров В. И., Забайкин Ю. В., Богачев М. Ю.* Третьейское правосудие в модели судопроизводства // Legal Bulletin. 2020. Т. 5. № 4.

7. *Подгорнова Л. А.* Понятие и принципы организации судебной системы // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 32.

8. *Слабоспицкий А. С.* Дистанционное рассмотрение гражданских и экономических споров в период пандемии (опыт Австралии и Китая) // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 2.

9. *Гуреев В. А., Слабоспицкий А. С.* Отдельные вопросы внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность судов в контексте зарубежного опыта // Законы России : опыт, анализ, практика. 2019. № 10.

10. *Даминев И. И.* Особенности судебной системы США // Вопросы науки и образования. 2021. № 10 (135).

11. Слабоспицкий А. С. Судебная система Сингапура (опыт работы в пандемию 2020 года) // Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая. 2021. Т. 97. № 1.

References

1. *Slabospitsky A. S. Organization of Judicial Activity in the Economic Sphere (Experience of Theory and Practice in the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan): Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2019. (In Russ.)*
2. *Iakovlev A. Iu., Iakovlev P. Iu. Indian Model of Justice. Asia and Africa Today, 2019, no. 5. (In Russ.)*
3. *Dziubak A. A. Legal Analysis of the Features of Modern Judicial Systems. Innovation. The Science. Education, 2021, no. 36. (In Russ.)*
4. *Vinokurov M. A., Loshkarev A. V. The Judicial System of the Russian Federation. Modern Science, 2020, no. 7-1. (In Russ.)*
5. *Slabospitsky A. S. Consideration of Civil Disputes During the Pandemic: The Experience of England and Wales. Russian Justice, 2021, no. 6. (In Russ.)*
6. *Shenderov V. I., Zabaikin Iu. V., Bogachev M. Iu. Arbitration Justice in the Model of Legal Proceedings. Legal Bulletin, 2020, vol. 5, no. 4. (In Russ.)*
7. *Podgornova L. A. The Concept and Principles of the Organization of the Judicial System. Innovation. The Science. Education, 2021, no. 32. (In Russ.)*
8. *Slabospitsky A. S. Remote Consideration of Civil and Economic Disputes During the Pandemic (the Experience of Australia and China). Herald of the Russian Legal Academy, 2021, no. 2. (In Russ.)*
9. *Gureev V. A., Slabospitsky A. S. Some Issues of the Introduction of Information and Communication Technologies in the Activities of Courts in the Context of Foreign Experience. Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice, 2019, no. 10. (In Russ.)*
10. *Daminev I. I. Features of the Judicial System of the USA. Questions of Science and Education, 2021, no. 10 (135). (In Russ.)*
11. *Slabospitsky A. S. The Judicial System of Singapore (Experience in the Pandemic of 2020). Bulletin of Kazakh National University. Series: Law, 2021, Vol. 97, no. 1. (In Russ.)*

Сведения об авторе:

А. С. Слабоспицкий – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A. S. Slabospitsky – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.10.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 24.10.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья

УДК 349.2

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-106-115>

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ВЗАИМОСВЯЗИ НОРМ ТРУДОВОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Юлия Александровна Лютаревич-Гефтер

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

gefter.84@list.ru

Аннотация

Незаконная трудовая деятельность иностранных граждан является существенной проблемой для нашей страны ввиду большого числа таких лиц. Ученые провели значительное количество исследований, посвященных правовому регулированию противодействия незаконному труду иностранцев. Однако работы, рассматривающие соотношение норм трудового и административного права в контексте указанного противодействия, практически отсутствуют, что обуславливает актуальность проведенного исследования. Цель работы заключается в установлении содержания незаконной трудовой деятельности по нормам трудового права, а также выявлении возможных пробелов и коллизий в нормах трудового и административного права применительно к ответственности за незаконный труд иностранных граждан. Исследование проводилось на основе методов системного анализа и синтеза, структурно-функционального анализа, формально-логического анализа. Научная новизна работы заключается в сформулированных предложениях по совершенствованию действующего законодательства с целью устранения конкуренции ч. 3 ст. 5.27 и ч. 1, 2 ст. 18.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях. В частности, предлагается скорректировать нормы КоАП РФ с тем, чтобы при фактическом допуске иностранного гражданина к трудовой деятельности ответственность наступала не за нарушение трудового права, а за нарушение в сфере обеспечения режима пребывания иностранных граждан. Также утверждается, что при фактическом допуске к работе иностранного гражданина неуполномоченным на то лицом ответственность должна возлагаться и на работодателя, а не только на виновного работника, как это сейчас закреплено в нормах трудового права.

Ключевые слова: незаконная трудовая деятельность; трудовой договор; иностранный работник; форма договора; фактический допуск к работе.

Для цитирования: *Лютаревич-Гефтер Ю. А.* Проблемы привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности на основе взаимосвязи норм трудового и административного законодательства Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 106–115. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-106-115>

Research Article

PROBLEMS OF INVOLVING FOREIGN CITIZENS TO WORK ON THE BASIS OF INTERRELATION OF LABOR AND ADMINISTRATIVE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yulia A. Lyutarevich-Gefter

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
gefter.84@list.ru

Abstract

Illegal labor activity of foreign citizens is a significant problem for our country due to the large number of such persons. Scientists have conducted a significant amount of research on the legal regulation of combating the illegal labor of foreigners. However, there are practically no works that consider the relationship between labor and administrative law in the context of this opposition, which determines the relevance of the study. The purpose of the work is to establish the content of illegal labor activity according to the norms of labor law, as well as to identify possible gaps and conflicts in the norms of labor and administrative law in relation to liability for illegal labor of foreign citizens. The study was carried out on the basis of the methods of system analysis and synthesis, structural-functional analysis, formal-logical analysis. The scientific novelty of the work lies in the formulated proposals for improving the current legislation in order to eliminate competition, Part 3 of Art. 5.27 and Part 1, 2 Art. 18.15 Administrative Code of the Russian Federation. In particular, it is proposed to amend the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation so that when a foreign citizen is actually admitted to work, liability does not arise for violation of labor law, but for a violation in the sphere of ensuring the regime of stay of foreign citizens. It is also argued that when a foreign citizen is actually admitted to work by an unauthorized person, responsibility should also be placed on the employer, and not only on the guilty employee, as is now enshrined in labor law.

Keywords: illegal labor activity; employment contract; foreign worker; form of contract; actual admission to work.

For citation: *Lutarevich-Gefter Yu. A. Problems of Involving Foreign Citizens to Work on the Basis of Interrelation of Labor and Administrative Legislation of the Russian Federation. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 106–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-106-115>*

Введение

На международном уровне закреплён термин «неформальная экономика». Так, согласно рекомендации МОТ № 204 «О переходе от неформальной к формальной экономике» под ним понимается вся экономическая деятельность работников и работодателей, которые в силу законодательства или на практике полностью или частично не охватываются формальными отношениями, исключая, однако, незаконную деятельность, как то, например, отмывание денег или торговля людьми.

Однако в отечественном трудовом праве не закреплён термин, который характеризовал бы незаконную трудовую деятельность, вследствие чего доктринальные толкования указанного понятия различаются. В этой связи справедливо замечание К. С. Раманкулова, который указывает, что в российской правовой системе «не легализованы базовые понятия о неформальной занятости» [1, с. 298].

Вместе с тем выявление содержания незаконной трудовой деятельности чрезвычайно важно, особенно в контексте правового регулирования труда иностранных граждан¹. По данным МВД России в последние годы число незаконно находящихся в нашей стране иностранцев варьировалось от 800 тыс. до 2 млн человек [2; 3; 4]. Очевидно, что указанные лица не только незаконно находятся в нашей стране, но и нелегально работают. Однако неформальная занятость иностранных граждан, как правило, исследуется в рамках административного или конституционного права. Комплексные работы, анализирующие незаконную трудовую деятельность, в том числе с участием иностранных граждан, в рамках отрасли трудового права практически отсутствуют. В связи с изложенным актуальным становится вопрос определения содержания незаконной трудовой деятельности иностранных граждан применительно к нормам трудового права. Научная новизна проведенного исследования заключается в установлении содержания незаконной трудовой деятельности иностранных граждан, выявлении связанных с этим правовых проблем и формулировании предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Следует отметить, что в последние годы было проведено несколько диссертационных исследований, касающихся различных аспектов правового регулирования борьбы с незаконной миграцией. Соответствующие работы подготовили, например, К. Ю. Архипова [5], Н. И. Орешкина [6], Т. Б. Смышникова [7] и другие ученые. Однако вопросам соотношения норм трудового и административного права в кон-

¹ В настоящей статье термин «иностраннный гражданин» распространяется и на лиц без гражданства.

тексте ответственности за незаконное привлечение иностранных граждан к трудовой деятельности не было уделено практически никакого внимания. Изложенное доказывает научную новизну проведенного исследования.

1. Признание трудовых отношений незаконными применительно к нормам трудового права

Согласно ч. 1 ст. 15 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) под термином «трудовые отношения» понимаются отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных актами, содержащими нормы трудового права. Таким образом, сутью трудового отношения является выполнение трудовой функции, т.е. трудовая деятельность. Следовательно, для ответа на вопрос о содержании незаконной трудовой деятельности по нормам трудового права необходимо выяснить, когда незаконным признается трудовое отношение.

В этой связи следует упомянуть, что трудовое законодательство в первую очередь направлено на защиту прав работников, как более слабой стороны соответствующих правоотношений. Поэтому трудовое отношение, если оно существует, нельзя признать недействительным, а значит, далеко не всякое нарушение в сфере труда делает трудовое отношение незаконным.

Формально-логический анализ норм ТК РФ, посвященных прекращению трудового договора и особенностям регулирования труда работников без российского гражданства, позволяет прийти к выводу о том, что незаконность трудового отношения следует рассматривать через закрепленную в ТК РФ обязанность прекратить трудовой договор. Иными словами, трудовое отношение незаконно, если стороны заключили трудовой договор в нарушение соответствующего запрета, либо не прекратили трудовой договор, хотя по закону обязаны были это сделать.

Таким образом, для признания трудового отношения незаконным необходимо два условия. Первое – трудовая деятельность осуществляется в нарушение законодательного запрета. Второе – нарушение признается настолько серьезным, что влечет невозможность сохранения трудовых отношений.

Случаи, когда трудовой договор должен быть прекращен в связи с нарушением правил его заключения, перечислены в ч. 1 ст. 84 ТК РФ. Однако закрепленный в данной статье перечень не является исчерпывающим, отсылая и к иным случаям, установленным федеральными законами. Кроме того, в ст. 83 Трудового кодекса РФ перечислены случаи, когда трудовой договор должен быть прекращен по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон. К таким обстоятельствам относятся, например, применение к работнику уголовного или административного наказания, исключающего возможность продолжения работы (п. 4, 8 ч. 1 ст. 83 ТК РФ).

Применительно к работникам с иностранным гражданством ст. 83, 84 ТК не устанавливают специальных оснований прекращения трудового договора, однако таковые содержатся в ст. 327.6 ТК РФ. Указанная норма обязывает стороны прекратить трудовой договор, если истек срок действия либо аннулирован разре-

шительный или иной специальный документ, необходимый для работы иностранного гражданина, либо если при чрезвычайных обстоятельствах невозможно перевести его на другую работу или предоставить прежнюю должность по окончании срока такого перевода. Кроме того, ст. 14 Федерального закона от 22 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской» (далее – Закон № 115-ФЗ) предусматривает существенные ограничения на занятие иностранными гражданами отдельными видами деятельности. Следовательно, если у иностранного гражданина и работодателя есть необходимые документы, но иностранец назначен на запрещенную для него должность, трудовое отношение будет незаконным.

Вышеизложенное позволяет заключить, что трудовое отношение с иностранным гражданином незаконно в следующих случаях:

- иностранный гражданин начал выполнять трудовую функцию при отсутствии обязательного для любой из сторон трудового договора документа;
- стороны не прекратили трудовой договор в установленный срок после того, как обязательный для работы документ был аннулирован или истек срок его действия;
- стороны не прекратили трудовой договор после того, как иностранного гражданина привлекли к ответственности, исключающей продолжение прежней работы;
- стороны не прекратили трудовой договор, хотя из-за чрезвычайного обстоятельства иностранного гражданина надо было перевести на работу, не указанную в разрешении на работу или патенте, но перевести на данную работу не представлялось возможным, либо по окончании срока такого перевода нельзя было предоставить иностранному гражданину прежнюю работу.
- трудовой договор предусматривает выполнение запрещенной для иностранных граждан работы.

2. Законность трудовых правоотношений при фактическом допуске к работе иностранного гражданина с ведома или по поручению работодателя

Также необходимо проанализировать законность трудового отношения с иностранным гражданином в контексте соблюдения сторонами формы договора. Последний должен заключаться в письменной форме и, как правило, вступает в силу со дня подписания (ч. 1 ст. 67, ч. 1 ст. 61 ТК РФ). При наличии электронного кадрового документооборота в организации трудовой договор может быть оформлен в виде электронного документа с соблюдением правил, установленных ч. 1, 4 ст. 22.3 ТК РФ. Несоблюдение установленной формы трудового договора не влечет его недействительность. Фактически никакие негативные последствия для работника не наступают вовсе, не считая вероятных сложностей по доказыванию факта наличия трудовых отношений в суде, если работодатель и в дальнейшем будет отказываться оформлять трудовой договор письменно. Данный вывод следует из ч. 1 ст. 61 ТК РФ, согласно которой трудовой договор признается заключенным и вступившим в силу со дня фактического допуска работника к работе с ведома или поручению работодателя либо его уполномоченного представителя. Как указано в ч. 4 ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее –

КоАП РФ), ответственность за несоблюдение письменной формы трудового договора возлагается исключительно на работодателя и его должностных лиц. Кроме того, по мнению Верховного Суда РФ, оформление трудового договора в устной форме является злоупотреблением правом со стороны работодателя [8].

Относительно фактического допуска к работе иностранного гражданина следует указать, что трудовое отношение будет законным, если у обеих сторон есть необходимые документы, а выполняемая работа не является запрещенной для иностранцев. В рассматриваемой ситуации трудовое отношение незаконно, если хотя бы одно из двух перечисленных выше условий не соблюдено.

3. Ответственность за фактический допуск иностранного гражданина к работе неуполномоченным лицом и проблемы правоприменения

Иностранца может допустить к работе и лицо, которое не имеет права принимать сотрудников на работу. Такое действие признается нарушением трудового законодательства и влечет ответственность, в том числе, по ч. 3 ст. 5.27 КоАП РФ. Если в такой ситуации работодатель отказывается признать наличие трудовых отношений, он обязан оплатить физическому лицу отработанное им время (ч. 1 ст. 67.1 ТК РФ). Таким образом, при фактическом допуске к работе неуполномоченным на то лицом работа выполняется в отсутствие трудового правоотношения. Данный случай является, пожалуй, единственным, когда трудовую деятельность и трудовое отношение нельзя отождествлять, поскольку первая существует в отсутствие второго.

К сожалению, на практике распространена ситуация, когда иностранные граждане выполняют трудовую функцию без письменного трудового договора. К тому же нередко их допускают к работе лица, не являющиеся уполномоченными представителями работодателя. В итоге иностранные граждане оказываются уязвимы с правовой точки зрения, ведь они не станут обращаться в надзорные органы или суды для установления факта наличия трудовых отношений и понуждения работодателя к надлежащему оформлению трудового договора, опасаясь, что сами могут стать субъектами административной ответственности за незаконный труд.

Кроме того, при допуске иностранца к работе без оформления письменного трудового договора крайне сложно установить работодателя. Такая ситуация часто возникает, например, на строительных площадках или в бизнес-центрах, когда на одной территории трудятся сотрудники разных организаций и индивидуальных предпринимателей, в итоге при отсутствии кадровых документов определить, кто именно является работодателем данного иностранного гражданина, весьма непросто.

В связи с изложенным важность применения мер ответственности к работодателям и иным лицам, привлекающим иностранцев к работе без оформления документов, сложно переоценить. Следует отметить, что нормы трудового и административного законодательства, направленные на наказание лиц, допустивших граждан РФ к труду без соответствующего полномочий, хорошо согласованы. В силу ч. 2 ст. 67.1 ТК РФ виновный работник может быть привлечен, в том числе, к административной ответственности по ч. 3 ст. 5.27 КоАП РФ. Санкция данной нор-

мы предусматривает возложение ответственности на граждан и должностных лиц, но не на юридическое лицо, поскольку в рассматриваемой ситуации работодатель (организация) не заключал трудовой договор и не давал такое поручение, а значит, требования законодательства не нарушил.

При фактическом допуске к работе иностранца объектом противоправного посягательства выступают не только трудовые отношения, но также отношения в сфере миграционного контроля и обеспечения реализации единой государственной политики привлечения иностранной рабочей силы. Ответственность за незаконное привлечение иностранных работников установлена ст. 18.15 КоАП РФ. При этом, в силу примечания 1 к указанной статье под привлечением к работе понимается допуск к выполнению работ или оказанию услуг в любой форме, а не только заключение трудового или гражданско-правового договора. Однако исходя из положений ст. 67.1 ТК РФ трудовой договор при фактическом допуске к работе неуполномоченным на то лицом не считается заключенным. Часть 3 ст. 18.15 КоАП РФ предусматривает ответственность в том числе за неуведомление органа МВД России о заключении трудового договора с иностранцем, субъектом такой ответственности может стать и работодатель – юридическое лицо. Однако ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ сформулирована таким образом, что привлечь работодателя – юридическое лицо к ответственности за неуведомление органа МВД России о фактическом допуске иностранного гражданина к работе неуполномоченным на то лицом невозможно. Ведь в силу п. 8 ст. 13 Закона № 115-ФЗ такая обязанность возлагается лишь на работодателей и заказчиков работ или услуг, коим неуполномоченное лицо признать нельзя.

Кроме того, следует отметить, что иные статьи КоАП РФ, в частности ст. 18.10, 18.16–18.20, хотя и закрепляют различные составы правонарушений, связанных с несоблюдением отдельных правил, касающихся трудовой деятельности иностранных граждан в РФ, но тем не менее не позволяют разрешить проблему привлечения работодателя и виновного работника к административной ответственности при фактическом допуске иностранного гражданина к работе неуполномоченным на то лицом. В связи с изложенным представляется, что нормы административного законодательства нуждаются в совершенствовании в целях обеспечения возможности привлечения к ответственности работников, которые, не обладая полномочиями по заключению трудовых договоров, фактически допустили иностранцев к работе.

Заключение

Таким образом, предлагается, во-первых, скорректировать ч. 3 ст. 5.27 КоАП РФ, закрепив, что ответственность по ней наступает только при фактическом допуске гражданина в РФ к работе лицом, не уполномоченным на это работодателем, в случае, если работодатель или его уполномоченный на это представитель отказывается признать отношения, возникшие между лицом, фактически допущенным к работе, и данным работодателем, трудовыми отношениями.

Во-вторых, следует зафиксировать в актах Роструда, что в случае выявления фактически допущенных к работе неуполномоченными лицами иностранных гражд-

дан инспекторы Государственной инспекции труда не должны привлекать виновных к ответственности по ч. 3 ст. 5.27 КоАП РФ, а обязаны информировать орган МВД России для незамедлительного проведения мероприятий по соблюдению миграционного законодательства.

В-третьих, следует дополнить ст. 18.15 КоАП РФ ч. 3.1, в которой закрепить ответственность за фактический допуск иностранца к работе лицом, не уполномоченным на это работодателем, в случае, если работодатель или его уполномоченный на это представитель отказывается признать отношения, возникшие между лицом, фактически допущенным к работе, и данным работодателем, трудовыми отношениями. Представляется, что в данном случае ответственность для граждан и должностных лиц должна быть такой же, как и при совершении иных правонарушений, предусмотренных ст. 18.15 КоАП РФ.

Еще одной актуальной проблемой является возложение ответственности на работодателя – юридическое лицо при фактическом допуске иностранца к работе неуполномоченным работником. Как уже указывалось, в настоящее время ответственности подлежит только виновное физическое лицо, а не работодатель – юридическое лицо (ч. 2 ст. 67.1 ТК РФ, ч. 3 ст. 5.27 КоАП РФ). В связи с этим возникает обоснованный вопрос о необходимости привлечения к ответственности и работодателя – юридического лица, если фактически допущенный к работе иностранец выполняет работу в его пользу или в его интересах.

На первый взгляд логичным было бы установить, что при фактическом допуске иностранного гражданина к работе неуполномоченным на то лицом, ответственность несет только виновный работник. Однако с практической точки зрения освобождение юридического лица от административной ответственности при фактическом допуске иностранного гражданина к работе неуполномоченным на то работником нецелесообразно. В противном случае работодатели всегда утверждали бы, что не допускали иностранца к работе, перекладывая ответственность на своего работника. Последний брал бы вину на себя, ведь штраф для граждан в сотни раз ниже, чем для юридических лиц, и его сумму работодатель впоследствии мог бы компенсировать работнику, например, выплачивая премию. В итоге могла бы сформироваться практика, при которой привлечь юридическое лицо к ответственности по ст. 18.15 КоАП РФ было бы практически невозможно, поскольку всегда находились бы якобы виновные работники, утверждающие, что это они фактически привлекли иностранного гражданина к работе, а работодатель ничего не знал.

В этой связи необходимо учитывать, что работодатель вправе требовать от работников соблюдения дисциплины труда, а значит, должен контролировать трудовой процесс и принимать иные меры, необходимые для соблюдения работниками дисциплины труда (абз. 4, 5 ч. 1 ст. 22, ч. 4 ст. 91, ч. 1, 2 ст. 189 ТК РФ и др.). Вследствие изложенного допуск к работе иностранного гражданина без ведома работодателя свидетельствует о неисполнении последним своих обязанностей по контролю за работниками и территорией организации. То есть усматривается неосторожная форма вины работодателя, что может стать основанием для привлечения юридического лица к административной ответственности. Таким образом, ответственность за фактический допуск иностранного гражданина к работе не-

уполномоченным лицом должно нести и юридическое лицо, являющееся работодателем работника, совершившего указанное деяние.

Пристатейный библиографический список

1. *Раманкулов К. С.* Неформальная занятость : концепции измерения и проблемы правового регулирования в странах ЕАЭС // Материалы международной научно-практической конференции «Стратегия правовых преобразований в сфере труда и социального обеспечения : перспективы десятилетия». Шестые Гусовские чтения. М. : Проспект, 2021.

2. *Петров И. В.* МВД назвали число нелегальных мигрантов в России. URL: <https://rg.ru/2018/12/21/v-mvd-nazvali-chislo-nelegalnyh-migrantov-v-rossii.html> (дата обращения: 20.12.2022).

3. *Абрамов Н. В.* МВД раскрыли количество нелегальных мигрантов из стран СНГ в России. URL: https://lenta.ru/news/2021/08/05/mvd_nelegaly/ (дата обращения: 20.12.2022).

4. *Тарасенко П.* МВД оценило число нелегальных мигрантов из СНГ в 800 тыс. человек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5079414> (дата обращения: 20.12.2022).

5. *Архипова К. Ю.* Административная ответственность за незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Хабаровск, 2012.

6. *Орешкина Н. И.* Административно-правовое регулирование противодействия незаконной миграции в зарубежных странах : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2010.

7. *Смашникова Т. Б.* Административно-правовое противодействие незаконной миграции в Российской Федерации и Республике Беларусь : сравнительно-правовой анализ : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

8. Определение Верховного Суда РФ от 15 апреля 2019 г. № 81-КГ19-1 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Ramankulov K. S.* Informal Employment: Concepts of Measurement and Problems of Legal Regulation in the EAEU Countries. In Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Strategy of Legal Transformations in the Sphere of Labor and Social Security: Perspectives of the Decade". Sixth Gusovskie Readings. Moscow: Prospekt, 2021. (In Russ.)

2. *Petrov I. V.* The Ministry of Internal Affairs named the number of illegal migrants in Russia. URL: <https://rg.ru/2018/12/21/v-mvd-nazvali-chislo-nelegalnyh-migrantov-v-rossii.html> (date of the application: 20.12.2022). (In Russ.)

3. *Abramov N. V.* The Ministry of Internal Affairs revealed the number of illegal migrants from the CIS countries in Russia. URL: https://lenta.ru/news/2021/08/05/mvd_nelegaly/ (date of the application: 20.12.2022). (In Russ.)

4. *Tarasenko P.* The Ministry of Internal Affairs estimated the number of illegal migrants from the CIS at 800 thousand people. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5079414> (date of the application: 20.12.2022). (In Russ.)

5. *Arkhipova K. Iu.* Administrative Responsibility for Illegal Employment of Foreign Citizens and Stateless Persons: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Khabarovsk, 2012. (In Russ.)

6. *Oreshkina N. I.* Administrative and Legal Regulation of Combating Illegal Migration in Foreign Countries: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2010. (In Russ.)

7. *Smashnikova T. B.* Administrative and Legal Counteraction to Illegal Migration in the Russian Federation and the Republic of Belarus: A Comparative Legal Analysis: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Chelyabinsk, 2012. (In Russ.)

8. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 15 April 2019 No. 81-KG19-1 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ю. А. Люutareвич-Гефтер – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Yu. A. Lyutarevich-Gefter – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 12.01.2022; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья
УДК 34.03; 342.9
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-116-126>

СОБЛЮДЕНИЕ ТУРИСТАМИ СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКА НАРУШЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Рустам Заурбекович Абдулгизиев¹

Сергей Анатольевич Кудаев²

Людмила Михайловна Щербакова³

¹ Филиал ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет» в г. Ставрополе, 355035, Россия, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, д. 8

² Центр по противодействию экстремизму Главного управления МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу, 357500, Россия, г. Пятигорск, Лермонтовский разъезд, д. 3

³ Юридический институт ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1А

¹ Abdulov126@mail.ru

² upd_mirea26@mail.ru

³ l.scherbakova@list.ru

Аннотация

В работе рассматриваются социально-этические нормы поведения и организационные особенности туристических поездок в Северо-Кавказском федеральном округе. Актуальность исследуемых в статье вопросов подтверждается неоднократными инцидентами, вызывающими нарастание напряженности в межнациональных и межконфессиональных взаимоотношениях приезжих лиц и местного населения в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Цели работы: привлечение внимания к проблеме; обобщение сведений о ставших известными конфликтных ситуациях и региональном (окружном) опыте их предупреждения; формирование унифицированных рекомендаций (памяток), адресованных субъектам оказания и потребителям туристских услуг, иным лицам, как средств обеспечения общественного порядка в Северо-Кавказском федеральном округе. Методологическую основу работы составили общенаучные и частнонаучные методы

исследования, такие как: анализ, синтез, дедукция, индукция, системный, формально-юридический, логический и другие методы в их сочетании. В работе сделан вывод о том, что доведение указанной информации до граждан Российской Федерации и иностранцев, намеревающихся посетить Северный Кавказ, позволит снизить вероятность возникновения конфликтов туристов с местными жителями, а также сотрудниками правоохранительных органов, что будет способствовать развитию туризма, обеспечению общественного порядка и безопасности на территории Северо-Кавказском федеральном округе.

Ключевые слова: социально-этические нормы поведения на Северном Кавказе; организационные особенности туристических поездок в регионах Северо-Кавказского федерального округа; предупреждение правонарушений и обеспечение общественного порядка в Северо-Кавказском федеральном округе.

Для цитирования: *Абдулгазиев Р. З., Кудяев С. А., Щербаклова Л. М.* Соблюдение туристами социально-этических норм поведения и профилактика нарушений общественного порядка в Северо-Кавказском федеральном округе // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 116–126. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-116-126>

Research Article

COMPLIANCE BY TOURISTS WITH SOCIAL AND ETHICAL STANDARDS OF BEHAVIOR AND PREVENTION OF VIOLATIONS OF PUBLIC ORDER IN THE NORTH CAUCASIAN FEDERAL DISTRICT

Rustam Z. Abdulgaziev¹

Sergey A. Kudaev²

Lyudmila M. Shcherbakova³

¹ Branch of the MIREA – Russian Technological University in Stavropol, 8 Kulakov Ave., Stavropol, 355035, Russia

² Center for Countering Extremism of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the North Caucasus Federal District, 3 Lermontovskii Junction, Piatigorsk, 357500, Russia

³ Law Institute of the North Caucasus Federal University, 1A Pushkina St., Stavropol, 355009, Russia

¹ Abdulov126@mail.ru

² upd_mirea26@mail.ru

³ l.scherbakova@list.ru

Abstract

The paper considers the social and ethical norms of behavior and organizational features of tourist trips in the North Caucasian Federal District. The relevance of the issues studied in the article is confirmed by repeated incidents that cause an increase in tension in interethnic and interfaith relations between visitors and the local population in the regions of the North Caucasus Federal District. Objectives of the work: drawing attention to the problem; generalization of information about conflict situations that have become known and regional (district) experience in their prevention; the formation of unified recommendations (memos) addressed to the subjects of the provision and consumers of tourist services, other persons, as a means of ensuring public order in the North Caucasus Federal District. The methodological basis of the work was made up of general scientific and particular scientific methods of research, such as: analysis, synthesis, deduction, induction, systemic, formal legal, logical and other methods in their combination. The paper concludes that bringing this information to citizens of the Russian Federation and foreigners intending to visit the North Caucasus will reduce the likelihood of conflicts between tourists and local residents, as well as law enforcement officers, which will contribute to the development of tourism, ensuring public order and security in the North Caucasian Federal District.

Keywords: socio-ethical norms of behavior in the North Caucasus; organizational features of tourist trips in the regions of the North Caucasian Federal District; prevention of offenses and ensuring public order in the North Caucasus Federal District.

For citation: *Abdulgaziev R. Z., Kudaev S. A., Shcherbakova L. M.* Compliance by Tourists with Social and Ethical Standards of Behavior and Prevention of Violations of Public Order in the North Caucasian Federal District. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 1, pp. 116–126. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-116-126>

Введение

Известно, что в настоящее время в условиях установленных ограничений на выезд за пределы Российской Федерации и по иным объективным причинам значительно возрос интерес населения к внутреннему туризму, в том числе на территории Северо-Кавказского федерального округа (далее – СКФО). К примеру, за три летних месяца 2022 г. количество туристов, посетивших горнолыжные курорты «Эльбрус», «Архыз», «Ведучи», составило 264 тыс. человек, что на 47% больше показателей прошлого года [15]. Аналогичная тенденция наблюдается в 2022 г. в области санаторно-курортного и так называемого событийного туризма [18]. В целом за последние пять лет популярность туристических поездок в СКФО выросла в два с половиной раза [14].

В этих условиях приобретает повышенную актуальность проблема взаимоотношений приезжающих лиц и местных жителей, в ряде случаев порождающих конфликтные ситуации, а в целом обуславливающих нарастание напряженности в межнациональных и межконфессиональных отношениях.

1. Соблюдение туристами социально-этических норм поведения как мера профилактики нарушений общественного порядка в Северо-Кавказском федеральном округе

Нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что Северный Кавказ – это территория с особыми, самобытными обычаями и традициями, существенно отличающимися от других регионов России. Субъектам СКФО присуще этническое, языковое и конфессиональное многообразие, обусловленное большим количеством титульных народностей, проживающих на сравнительно небольшой площади.

Непонимание приезжими, особенно туристами, этой специфики нередко становится причиной их поведения, идущего вразрез с традиционным укладом местной жизни, которое оскорбляет коренных жителей региона.

В социальных сетях и мессенджерах регионального сегмента сети Интернет периодически вызывают широкий общественный резонанс громкие скандалы, вызванные инцидентами с туристами, происходящими из-за несоблюдения приезжими правил этикета северокавказских республик.

Кроме того, отдельные приезжие совершают «ради хайпа» провокационно-демонстративные поступки, сопровождающиеся нарушением общественного порядка.

Так, в январе 2021 г. широкий общественный резонанс и большое количество негативных откликов пользователей социальных сетей регионального сегмента сети Интернет вызвала эпатажная выходка туриста на курорте «Архыз».

Московский блогер Дмитрий Зайцев в стрингах прокатился на сноуборде по трассе горнолыжного спуска. Опубликованное им в Интернете видео моментально разлетелось по соцсетям. Большинство пользователей раскритиковало мужчину за грубое нарушение этических норм ради пиара.

Оштрафованный за хулиганство, Д. Зайцев под давлением общественности извинился за свое поведение и удалил указанную видеозапись из своего блога [10].

После удаления автором нашумевшего видео, представители национальных общественных организаций Карачаево-Черкесской Республики потребовали ввести на местных курортах единые этические правила для туристов и всех участников туристического процесса. С соответствующим письмом они обратились к министру курортов, туризма и молодежной политики Карачаево-Черкесской Республики.

Письмо подписал руководитель региональной общественной организации по содействию защите прав и законных интересов карачаевского народа «Къарачай Алан Халкъ». Он подчеркнул, что на курорте «Архыз» некоторые приезжие не соблюдают нормы Глобального этического кодекса, обязывающего туристов уважать менталитет местных жителей [8].

Громкий скандал в апреле 2021 г. вызвала в Дагестане размещенная в сети Интернет фотосессия двух девушек-туристок, которые, не обращая внимания окружающих (среди них вполне могли быть и несовершеннолетние), сфотографировались топлес на фоне озера в Сулакском каньоне.

Замглавы Унцукульского района М. Хамзатов потребовал возбудить против них уголовное дело за оскорбление чувств верующих.

Через некоторое время на территории всех туристических объектов в Сулакском каньоне появились таблички, призывающие к соблюдению дресс-кода: никаких шорт и купальников [17].

Между тем наибольший общественный резонанс вызвал проступок туристки во время посещения в июле 2021 г. архитектурно-этнографического комплекса – некрополя «Город мертвых», расположенного у селения Даргавс в Пригородном районе Республики Северная Осетия – Алания: девушка достала из склепа череп и кости, сфотографировалась с ними и разместила фотографии в социальной сети.

Спустя неделю пресс-служба МВД по Республике Северная Осетия – Алания сообщила о возбуждении в ее отношении уголовного дела по ст. 244 Уголовного кодекса РФ («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»), а сама виновница неоднократно жаловалась в социальных сетях о поступающих угрозах физической расправы [7].

В целях недопущения конфликтных ситуаций туристов с местным населением, департаменты (министерства) туризма ряда национальных республик в составе СКФО (Республика Дагестан, Республика Ингушетия и Чеченская Республика) разработали специальные буклеты и памятки, в которых доступно и конкретно, наряду с другой полезной для туриста информацией, также изложены рекомендации об основах приемлемого поведения приезжих [11; 12; 16].

В обобщенном виде указанные рекомендации заключаются в следующем:

1. Форма одежды:

– для мужчин нежелательно ношение шорт и брюк с длиной штанин выше щиколотки, а также маек без рукавов, открывающих плечи;

– женщинам не рекомендуется носить вещи из «просвечивающей» ткани, юбки выше колена, сильно облегающую одежду с глубоким декольте, а также короткие майки, обнажающие живот. Также женщинам стоит носить с собой платок, поскольку в некоторые заведения без него могут не пустить.

2. Табакокурение и употребление алкогольных напитков:

– женщинам курить в публичных местах строго запрещается, мужчинам рекомендуется при появлении старших тактично убирать сигарету за спину;

– в большинстве национальных республик Северного Кавказа употребление спиртных напитков не имеет ограничений, в том числе в заведениях общественного питания. Исключение составляет Чеченская Республика: алкоголь можно купить только два часа в день – с 8:00 до 10:00; при этом, недопустимо употребление алкогольных напитков и появление в нетрезвом виде в общественных местах.

3. Посещение достопримечательностей и культовых заведений:

– при входе в мечеть или молельную комнату требуется облачиться в длинную одежду, скрывающую руки и ноги, а также разуться (обувь можно взять с собой в пакете либо оставить ее в специально предусмотренных для этого ящиках, полках); женщинам, наряду с этим, необходимо покрыть голову платком;

– мечеть может иметь два отдельных входа: для мужчин и женщин. В зависимости от внутреннего архитектурного устройства мечети, женщинам для совершения молитвы предоставляется балкон или место в глубине помещения, отделенное от остального пространства ширмой;

– находясь в культовых учреждениях и некрополях, следует воздержаться от курения, смеха, громкого разговора и иного шума, употребления еды и напитков. Мобильные устройства связи и иные гаджеты желательно перевести в беззвучный режим.

4. Посещение жилищ местных жителей:

- желательно ходить в гости не с пустыми руками;
- при входе в жилище всегда разуваются, хозяева предложат гостю домашнюю обувь;
- с женщинами здороваться за руку не принято, при рукопожатии между мужчинами первым руку подает старший;
- местные жители очень гостеприимны и всегда предложат еду или напитки. Даже если гость сыт, полностью отказываться от угощения невежливо;
- считается вежливым встать, когда входит в комнату старший;
- публичное проявление страсти между супругами в гостях неприемлемо. Также крайне желательно воздержаться от объятий и поцелуев в общественных местах [11; 12; 16].

Разработку подобных памяток для туристов нельзя не признать целесообразной. При этом распространением среди туристов, намеревающихся посетить Северный Кавказ, таких памяток должны заниматься не только местные органы власти, но и, в частности, члены ассоциации туроператоров России непосредственно при оформлении путевок.

2. Учет особенностей организации туристических поездок как мера профилактики нарушений общественного порядка в Северо-Кавказском федеральном округе

Нередко недовольство лиц, посещающих регионы Северного Кавказа с туристическими и иными целями, проистекает из необоснованно, по их мнению, усложненных процедур контроля при перемещении на средства автотранспорта.

В этом отношении турагентам в процессе планирования и осуществления перевозок туристических и экскурсионных групп на автотранспортных средствах необходимо учитывать особенности организации контроля за передвижением по дорогам общего пользования на территории СКФО.

С этой целью целесообразно следовать специально разработанным Главным управлением МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу методическим рекомендациям для организаторов перевозок туристических и экскурсионных групп (пассажиров) на транспортных средствах (автобусах, маршрутных такси), пересекающих зону ответственности объектов учетно-заградительной системы МВД России в СКФО [9].

В рамках реализации Стратегии развития туризма в СКФО до 2035 года [5], Временной оперативной группировкой органов и подразделений Министерства внутренних дел РФ проводятся мероприятия по обеспечению безопасности туристов, в том числе при их перемещении через объекты учетно-заградительной системы МВД России (далее – объекты УЗС ВОГОиП МВД России) к месту проведения отдыха и экскурсионных туров.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О транспортной безопасности» (далее – Закон о транспортной безопасности), в целях обеспечения устойчивого и безопасного функционирования транспортного комплекса, защиты интересов личности, общества и государства в сфере транспорта от актов незаконного

вмешательства, создана единая государственная информационная система обеспечения транспортной безопасности [3].

Информационные базы данных формируются при осуществлении перевозок автомобильным транспортом, в том числе в междугородном сообщении между населенными пунктами, расположенными на территориях разных субъектов Российской Федерации (п. 4 ч. 2 ст. 11 Закона о транспортной безопасности).

Согласно ч. 5 ст. 11 Закона о транспортной безопасности, при оформлении проездных документов (билетов) и формировании персонала (экипажей) транспортных средств, в автоматизированные централизованные базы персональных данных в обязательном порядке передаются следующие сведения:

- Ф.И.О., пол, дата рождения и гражданство;
- вид и номер документа, удостоверяющего личность, по которому приобретается проездной документ (билет);
- дата поездки, пункт отправления, пункт назначения, вид маршрута следования (беспересадочный, транзитный).

В соответствии с п. 5.2 ч. 5 ст. 11 Закона о транспортной безопасности и п. 75 Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом [6] при осуществлении перевозок пассажиров по заказу, в том числе туристических и экскурсионных групп, должны формироваться списки пассажиров с отображением всех указанных данных.

Кроме того, согласно п. 5.3 ч. 5 ст. 11 Закона о транспортной безопасности в дополнение к сведениям, предусмотренных для пассажиров, в обязательном порядке подлежит отображение в списках занимаемой должности персонала (экипажа), в данном случае – экскурсоводов либо уполномоченных лиц, сопровождающих пассажиров [9].

Следует особо отметить, что информация о пассажирах и персонале должна быть сформирована не позднее, чем за 24 часа до момента отправления транспортного средства. В случае изменений участников передвижения, дополнения вносятся незамедлительно, но не позднее момента отправления транспортного средства (п. 5.4 и 5.5 ч. 5 ст. 11 Закона о транспортной безопасности).

Поэтому в целях сокращения времени проверочных мероприятий на объектах УЗС ВОГОиП МВД России в отношении граждан и транспортных средств, осуществляющих организованную перевозку туристических и экскурсионных групп, экскурсоводам либо иным уполномоченным лицам не позднее, чем за сутки до отправления транспортного средства необходимо предоставлять списки туристов и сопровождающих их лиц со всеми предусмотренными ч. 5 ст. 11 Закона о транспортной безопасности сведениями в отдел дежурной службы ВОГОиП МВД России по факсимильной связи на абонентский номер 8 (8712) 66-88-48 [9].

Полученные списки сотрудниками отдела дежурной службы ВОГОиП МВД России незамедлительно направляются на контрольно-пропускные пункты учетно-заградительной системы МВД России в СКФО, расположенные по маршруту движения туристических автобусов, для проверки по информационным базам данных и осуществления идентификации.

При въезде на территорию субъектов Северо-Кавказского региона транспортных средств, осуществляющих организованную перевозку туристических и экс-

курсионных групп, сотрудники объектов УЗС ВОГОиП МВД России обязаны обеспечить проверку указанных транспортных средств и участников экскурсионного тура в первоочередном порядке. В случаях пересечения зоны ответственности объектов УЗС ВОГОиП МВД России транспортными средствами, осуществляющими организованную перевозку туристических и экскурсионных групп, без заранее направленных списков пассажиров и сопровождающих их лиц, проверочные мероприятия проводятся на общих основаниях. В этом случае проверка может занять весьма продолжительное время.

Мероприятия осуществляются в два этапа:

1) визуальный осмотр транспортного средства, перевозимого багажа и груза, сверка номерных узлов и агрегатов с имеющимися у водителя документами – проводится на подъезде к объекту УЗС ВОГОиП МВД России. При наличии оснований для применения специальных технических средств или служебных животных, автотранспорт может быть перемещен к месту их нахождения;

2) проверка документов водителя на транспортное средство и удостоверяющих личность документов пассажиров – проводится уполномоченными сотрудниками в специализированном модуле, расположенном на территории объекта УЗС ВОГОиП МВД России [9].

При выявлении фактов фото- и видеосъемки на объекте УЗС ВОГОиП МВД России сотрудники полиции разъясняют гражданам правомерность обнародования и распространения фото- и видеоматериалов с изображением сотрудников органов внутренних дел и их персональных данных.

В соответствии со ст. 53 Федерального закона «О полиции» действия (бездействие) сотрудника полиции, нарушающие права и законные интересы членов туристической (экскурсионной) группы и сопровождающих их лиц, могут быть обжалованы в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, а также в органы прокуратуры либо в суд [1]. По вопросам, не связанным с заявлениями о преступлениях и административных правонарушениях, граждане имеют право письменно обратиться в территориальный орган МВД России в порядке, установленном Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2].

После проведения проверочных мероприятий старшим дежурной смены представляется в списке членов туристической (экскурсионной) группы и сопровождающих их лиц отметка с датой и временем проведенных мероприятий.

В последующем, на объектах УЗС ВОГОиП МВД России, расположенных по маршруту следования туристической (экскурсионной) группы, сотрудники полиции ограничиваются сверкой пассажиров с указанным списком, а при наличии в нем отметок – только проведением опроса водителя и экскурсовода о составе туристической группы и маршруте ее следования.

Заключение

Полагаем, что доведение изложенной выше информации до граждан Российской Федерации и иностранцев, намеревающихся посетить Северный Кавказ, позволит снизить вероятность возникновения конфликтных ситуаций между тури-

тами и местными жителями, а также с сотрудниками правоохранительных органов на объектах УЗС ВОГОиП МВД России, что будет способствовать развитию туризма, обеспечению общественного порядка и безопасности на территории СКФО.

Не можем не обратить внимание еще на один криминологический аспект рассматриваемой проблемы. Изложенные выше предложения по соблюдению социально-этических норм поведения и учету организационных особенностей перемещения в Северо-Кавказском регионе не являются попыткой ущемления прав и законных интересов туристов.

Напротив, если считать туризм формой миграции [13, с. 64–66], предложенные рекомендации в полной мере соответствуют целям, задачам и принципам Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, предусматривающей поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, учет многообразия региональных и этнокультурных укладов жизни населения, защиту и сохранение историко-культурного наследия народов Российской Федерации [4].

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Распоряжение Правительства РФ от 7 марта 2019 г. № 369-р «Об утверждении Стратегии развития туризма на территории Северо-Кавказского федерального округа до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Правительства РФ от 1 октября 2020 г. № 1586 «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» // СПС «КонсультантПлюс».

7. В Северной Осетии туристка взяла из некрополя череп ради селфи. URL: <https://rg.ru/2021/07/10/reg-skfo/v-severnoj-osetii-turistka-vziala-iz-nekropolia-cherep-radi-selfi.html> (дата обращения: 01.12.2022).

8. Из-за сноубордиста в стрингах общественники КЧР требуют ввести правила для туристов. URL: <https://capost.media/news/obshchestvo/glava-kchr-rashid-temrezov-otvetil-na-voprosy-zhiteley-regiona-v-pryamom-efire/> (дата обращения: 01.12.2022).

9. Методические рекомендации для организаторов перевозок туристических и экскурсионных групп (пассажиры) на транспортных средствах (автобусах, маршрутных такси), пересекающих зону ответственности объектов учетно-заградительной системы МВД России в СКФО. URL: <http://mintourism26.ru/press-tsentr/novosti/metodicheskie-rekomendatsii/> (дата обращения: 01.12.2022).

10. Московского блогера, который в почти голом виде катался на сноуборде на горнолыжном курорте Архыз (Карачаево-Черкесия), наказали. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2504940/> (дата обращения: 01.12.2022).

11. Памятка туриста в Республике Дагестан. URL: <https://welcomedagestan.ru/dagpost/pamyatka-turista-v-respublike-dagestan/> (дата обращения: 01.12.2022).

12. Памятка туристам. URL: <https://ingkurort.ru/tourist-memo/> (дата обращения: 01.12.2022).

13. *Петрова Е. В.* Туризм как вид миграционной мобильности // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2010. № 2 (2).

14. Популярность СКФО за пять лет выросла в 2,5 раза. URL: <https://rg.ru/2022/01/11/reg-skfo/popularnost-skfo-za-pyat-let-vyroslo-v-25-raza.html> (дата обращения: 01.12.2022).

15. СКФО стал одним из самых популярных мест отдыха в сезон отпусков. URL: <https://rg.ru/2022/09/13/reg-skfo/skfo-stal-odnim-iz-samyh-populiarnyh-mest-otdyha-v-sezon-otpuskov.html> (дата обращения: 01.12.2022).

16. Туристам Чеченской Республики представили памятку «Как одеваться и как вести себя в регионе». URL: <https://chechnyatoday.com/news/332601> (дата обращения: 01.12.2022).

17. Туристка, раздеваясь в Дагестане, объяснила, зачем это сделала. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/27264/4401953/> (дата обращения: 01.12.2022).

18. Эксперты прогнозируют рост турпотока в СКФО. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14273489> (дата обращения: 01.12.2022).

References

1. Federal Law of 7 February 2011 No. 3-FZ “On the Police” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

2. Federal Law of 2 May 2006 No. 59-FZ “On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

3. Federal Law of 9 February 2007 No. 16-FZ “On Transport Security” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

4. Decree of the President of the Russian Federation of 31 October 2018 No. 622 “On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

5. Decree of the Government of the Russian Federation of 7 March 2019 No. 369-R “On Approval of the Strategy for the Development of Tourism in the North Caucasus Federal District Until 2035” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

6. Decree of the Government of the Russian Federation of 1 October 2020 No. 1586 “On Approval of the Rules for the Carriage of Passengers and Baggage by Road and Urban Ground Electric Transport” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

7. In North Ossetia, a tourist took a skull from a necropolis for a selfie. URL: <https://rg.ru/2021/07/10/reg-skfo/v-severnoj-osetii-turistka-vziala-iz-nekropolia-cherp-radi-selfi.html> (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

8. Because of a snowboarder in a thong, KChR public activists demand to introduce rules for tourists. URL: <https://capost.media/news/obshchestvo/glava-kchr-rashid-tem->

rezov-otvetil-na-voprosy-zhiteley-regiona-v-pryamom-efire-/ (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

9. Guidelines for organizers of transportation of tourist and excursion groups (passengers) on vehicles (buses, fixed-route taxis) crossing the zone of responsibility of objects of the registration and barrier system of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the North Caucasus Federal District. URL: <http://mintourism26.ru/press-tsentr/novosti/metodicheskie-rekomendatsii/> (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

10. A Moscow blogger who was snowboarding almost naked in the Arkhyz ski resort (Karachay-Cherkessia) was punished. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2504940/> (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

11. Memo tourist in the Republic of Dagestan. URL: <https://welcomedagestan.ru/dagpost/pamyatka-turista-v-respublike-dagestan/> (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

12. Memo to tourists. URL: <https://ingkurort.ru/tourist-memo/> (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

13. Petrova E. V. Tourism as a Type of Migration Mobility. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*, 2010, no. 2 (2). (In Russ.)

14. The popularity of the North Caucasus Federal District has grown by 2.5 times in five years. URL: <https://rg.ru/2022/01/11/reg-skfo/populiarnost-skfo-za-pyat-let-vyros-la-v-25-raza.html> (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

15. North Caucasian Federal District has become one of the most popular holiday destinations during the holiday season. URL: <https://rg.ru/2022/09/13/reg-skfo/skfo-stal-odnim-iz-samyh-populiarnyh-mest-otdyha-v-sezon-otpuskov.html> (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

16. Tourists of the Chechen Republic were presented with a memo "How to dress and how to behave in the region". URL: <https://chechnyatoday.com/news/332601> (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

17. A tourist who undressed in Dagestan explained why she did it. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/27264/4401953/> (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

18. Experts predict the growth of tourist flow in the North Caucasus Federal District. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14273489> (date of the application: 01.12.2022). (In Russ.)

Сведения об авторах:

Р. З. Абдулгазиев – кандидат юридических наук, доцент.

С. А. Кудаев – кандидат юридических наук.

Л. М. Щербакова – доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

R. Z. Abdulgaziev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

S. A. Kudaev – Candidate of Legal Sciences.

L. M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 19.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 19.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья

УДК 346.9

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-127-144>

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Михаил Николаевич Семякин

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
620137, Россия, г. Екатеринбург, Комсомольская ул., д. 21

9193705538@mail.ru

Аннотация

Тема исследования представляется актуальной в контексте научного осмысления российского «антисанкционного» законодательства. Цель работы – выявить основные тенденции названного законодательства, осуществить комплексное их исследование и выработать рекомендации по его совершенствованию. Используются общенаучные, а также формально-догматический, сравнительно-правовой, историко-правовой методы. Исследованы основные тенденции: публично-правовая, частноправовая и обеспечение баланса между ними, сформулирован ряд новых авторских выводов и положений.

Ключевые слова: законодательство; основные тенденции; предпринимательская деятельность; экономические санкции; противодействие; стратегические цели; публично-правовое; частноправовое; баланс; сочетание интересов; совершенствование.

Для цитирования: *Семякин М. Н.* Основные тенденции развития законодательства в сфере обеспечения предпринимательской деятельности в России в условиях экономических санкций // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 127–144. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-127-144>

Research Article

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE FIELD OF BUSINESS SUPPORT IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF ECONOMIC SANCTIONS

Mikhail N. Semyakin

V. F. Yakovlev Ural State Law University, 21 Komsomolskaia St.,
Yekaterinburg, 620137, Russia
9193705538@mail.ru

Abstract

The research topic seems relevant in the context of scientific understanding of the Russian “anti-sanctions” legislation. The purpose of the work: to identify the main trends of the mentioned legislation, to carry out a comprehensive study of them and to develop recommendations for its improvement. General scientific, as well as formal-dogmatic, comparative-legal, historical-legal methods were used. The main trends are investigated: public law, private law and ensuring a balance between them, a number of new author’s conclusions and provisions are formulated.

Keywords: legislation; main trends; entrepreneurial activity; economic sanctions; counteraction; strategic goals; public law; private law; balance; combination of interests; improvement.

For citation: *Semyakin M. N.* The Main Trends in the Development of Legislation in the Field of Business Support in Russia in the Context of Economic Sanctions. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 1, pp. 127–144. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-127-144>

Введение

За последний, сравнительно небольшой период времени, в нарушение норм и принципов международного права, а также внутреннего законодательства Евросоюза, в отношении России, многих субъектов предпринимательства, а также ряда граждан странами Запада было введено более 13 тыс. экономических и иных санкций (девять пакетов), что обусловило необходимость осуществления достаточно серьезных изменений в российском законодательстве с целью обеспечения устойчивого развития российской экономики, товарного рынка, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства, а также граждан. Только за один 2022 г. в России было принято 653 закона. В условиях жестких экономи-

ческих и иных санкций, введенных странами Запада, выстраивание законодательства в сфере обеспечения предпринимательства, а также формирование основных тенденций его дальнейшего развития, связано с осмыслением целого ряда проблем организационно-политического, экономического, финансового, социального, правового и иного характера.

Однако прежде чем непосредственно говорить об указанных тенденциях, представляется необходимым обратить внимание на один момент методологического характера. Соответствующие изменения в российском законодательстве, как представляется, обусловлены не закономерностями развития отечественной правовой системы, ее национальными, экономическими, историческими, культурными традициями, а вызваны политически мотивированными акциями западных стран, и в этом контексте они (изменения) являются лишь ответными («защитными») мерами, которые не отражают глубинных, субстанциональных (сущностных) процессов, действительно характерных для нормального развития российской экономики и законодательства, в том числе в сфере обеспечения предпринимательской деятельности.

По мысли известного теоретика права М. Н. Марченко, тенденции развития права есть не что иное, как намечающиеся или наметившиеся направления развития права, характеризующие эволюцию правовой материи в целом (на глобальном или ином уровне) или отдельных ее составляющих частей – в виде отраслей права, институтов и т.д. [1, с. 93].

Такое фундаментальное понимание тенденций развития права, безусловно, имеет под собой соответствующие основания. Однако, думается, при этом нельзя упускать из внимания и то, что семантический смысл категории «тенденция» достаточно неоднозначен; им охватываются, в том числе и такие понятия, как определенная направленность развития какой-либо сферы жизни, как устойчивая отличительная особенность развития явления и т.д. С учетом этого, несмотря на то, что трансформации законодательства, связанные с экономическими санкциями, все же не затрагивают фундаментальных (сущностных) основ отечественного законодательства – самой парадигмы российской правовой системы – происходящие современные изменения в российском законодательстве можно именовать «тенденциями» – как относительно устойчивые, конкретные направления в его развитии в условиях «санкционного» режима.

Говоря в целом о характеристике российского законодательства в сфере обеспечения предпринимательской деятельности в условиях «санкционного» режима представляется необходимым обратить внимание на следующее.

С целью обеспечения стабильности товарного рынка, охраны прав и законных интересов субъектов предпринимательства, а также граждан, принято достаточно большое количество законодательных, иных нормативных правовых актов, а также актов ведомственного уровня, в том числе ненормативного характера, затрагивающие самые различные сферы экономики, социальной жизни, прав и свобод граждан и т.д.

«Антисанкционное» законодательство, обычно, оценивается в целом как носящее публичный характер [2]. Однако думается, что такие оценки нуждаются в некотором уточнении.

Действительно, значительная часть нормативного массива современного «антисанкционного» законодательства является, по своей форме, публично-правовой, что вполне объяснимо с позиций, обозначенных российским государством целей и задач, касающихся необходимости обеспечения стабильности российской экономики, товарного рынка, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства, а также граждан, в условиях «санкционного» режима. И здесь публичное законодательство с его многочисленным оперативным «инструментарием» императивного воздействия на общественные отношения может и должно выступать в качестве важнейшего правового средства («инструмента») для достижения обозначенных публичных целей и задач.

Вместе с тем следует обратить внимание и на то, что нормативный массив «анти-санкционного» законодательства, помимо различных публично-правовых установлений, включает в свое содержание также немало норм, регулирующих отношения, относящиеся к сфере предмета частного (гражданского) права, что представляет собой отдельную (обособленную) тенденцию в его современном развитии, о чем более подробно будет отмечено ниже.

Исходя из анализа содержания законодательства, принятого в условиях экономических санкций, устойчивых направлений его функционирования, можно выделить ряд характерных для него тенденций развития, среди которых в качестве основных выступают следующие социально-правовые факторы.

1. Значительное усиление публично-правового регулирования в экономической, социальной и иных сферах жизни общества

Публично-правовое регулирование в условиях «антисанкционного» режима устанавливает различные правовые предписания, запреты, ограничения и т.д., касающиеся разных сфер, – экономики, в том числе предпринимательской деятельности, финансов, инвестиций, социальных областей и др. В связи с этим открывается ряд аспектов, которые заслуживают научного внимания как с теоретической, так и практической точек зрения.

Прежде всего указанные предписания, запреты и ограничения, установленные для участников предпринимательской деятельности и иных субъектов, нельзя квалифицировать как нарушения действующего законодательства, прав и законных интересов соответствующих лиц. В связи с этим нужно иметь в виду положение, закрепленное в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которым права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Именно в целом для достижения указанных целей и предусмотрено введение различного вида публично-правовых нормативных и иных установлений в экономической, в том числе предпринимательской, и иных сферах жизнедеятельности субъектов.

Следует иметь в виду также и то, что указанные императивные установления во многом тесно связаны с правами и законными интересами в частноправовой сфере, направлены прямо либо иначе на обеспечение необходимых условий для их реализации, охраны и защиты в условиях экономических санкций.

Относительно институциональной организации (построения) нормативного массива публичного законодательства в условиях экономических санкций в зарубежной и отечественной литературе исследователями высказаны разные соображения. Так, по мысли немецких авторов Дж. Керстена и С. Риксена, законодательство в условиях экономических санкций представляет собой особую (новую) разновидность права в правовой системе страны [3, с. 4]. Указанную позицию поддерживает в отечественной литературе В. И. Шувалов [4, с. 106].

Напротив, по словам немецкого правоведа А. Сшвердтфегера, антикризисное законодательство не образует новой разновидности права и сочетает источники национального и международного права [5, с. 2, 3].

В связи с этим, думается, необходимо заметить, что нормы, содержащиеся в «антисанкционном» законодательстве, не представляют собой какого-то специфического (нового) институционально обособленного правового образования в системе российского права (института, подотрасли права), как это отмечают отдельные авторы, поскольку предметно и функционально они связаны с различными отраслями права – предпринимательским, административным, гражданским, финансовым и другими структурными подразделениями и полностью распределяются по соответствующим их институтам.

Нормы «антисанкционного» публичного законодательства устанавливаются посредством ряда различных видов нормативных правовых актов (форм источников права) – законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, ведомственных актов, а также соответствующих нормативных правовых актов, издаваемых органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления (муниципальными органами власти). В связи с этим возникает такой аспект для научного и практического осмысления, как то, что необходимо обеспечить соблюдение «предметной» и иерархической дифференциации и соотношения установленных для различных видов нормативных правовых актов – федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, ведомственных актов и т.д. Так, к предмету регулирования федеральных законов как актов, имеющих высшую юридическую силу, относятся наиболее важные общественные отношения. В соответствии с положениями Конституции РФ, федеральных законов указами Президента РФ регулируются общественные отношения, отнесенные законодательством к его компетенции, а также в случаях, прямо предусмотренных законом, может осуществляться конкретизация (детализация) отдельных положений законодательных актов либо регламентироваться не урегулированные законом отношения до того момента, пока не будет принят соответствующий закон. Что касается постановлений Правительства РФ, то в соответствии с действующими законоположениями они издаются на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов и нормативных указов Президента РФ.

Отмеченное выше приобретает особую актуальность в условиях реализации «антикризисного» законодательства, когда в некоторых случаях подвергаются сопоставлению положения отдельных нормативных правовых актов как изданных с нарушением компетенции соответствующего органа публичной власти. Так, Верховный Суд РФ 21 июня 2022 г. рассмотрел административное дело № АКПИ22-28 по

административному исковому заявлению К. А. Д. о признании недействительным п. 1 постановления Правительства РФ от 26 марта 2022 г. № 479 (в ред. от 17.05.2022) как противоречащего ряду положений действующего законодательства и, кроме того, истцом оспаривались также полномочия Правительства РФ на издание данного Постановления. Отказывая в удовлетворении искового заявления, Верховный Суд РФ в своем решении указал, в частности, на то, что исключение применения к ответчику санкций по договору обусловлено особенностями применения способов защиты прав участников долевого строительства, на установление которых (особенностей) Правительство РФ наделено соответствующей компетенцией.

Анализ публичного законодательства в условиях экономических санкций позволяет сделать вывод о том, что имеется необходимость в осуществлении консолидации многих положений, содержащихся в разных нормативно-правовых актах, относящихся к одному и тому же их виду (актов), и регулирующих однотипные общественные отношения. Так, применение специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций регламентируется по меньшей мере четырьмя указами Президента РФ: от 30 июня 2022 г. № 416; от 5 августа 2022 г. № 520; от 7 октября 2022 г. № 723; от 5 декабря 2022 г. № 876. И, кроме того, существуют дополнительно и отдельные «разъяснения» о применении соответствующих указов Президента РФ. Такое обстоятельство может создавать не только «технические» трудности в правоприменительной деятельности, но также сложности в интерпретации, уяснении взаимного соотношения и взаимодействия указанных мер, условиях и порядке их реализации на практике и т.д.

В ряде случаев тесная взаимосвязь предметов правового регулирования (общественных отношений) обуславливает взаимодействие соответствующих положений, закрепленных в различных нормативных правовых актах «антисанкционного» законодательства – федеральных законах, указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ и др. В частности, правовое регулирование корпоративных отношений, связанных с прекращением зарубежными компаниями совместной с российскими субъектами предпринимательства деятельности на территории РФ, регламентируется рядом указов Президента РФ. Кроме того, Государственной Думой РФ подготовлен проект федерального закона № 104796-8 «О внешней администрации по управлению организацией». В целях обеспечения национальных интересов России, финансовой безопасности, прав и законных интересов российских компаний, кредиторов, работников предприятий в законопроекте предложен механизм назначения внешней администрации по управлению организациями, прекратившими свою деятельность на территории РФ.

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на следующее.

Во-первых, поскольку в российском правовом порядке действует Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127 «О несостоятельности (банкротстве)», то решение всех вопросов, относящихся к компетенции внешней администрации, связанных с ликвидацией указанных компаний или введением процедуры конкурсного производства, полномочиями ликвидатора или конкурсного управляющего должны быть тесно увязаны с предметом регулирования выше названного Федерального закона.

Во-вторых, в связи с недобросовестными действиями зарубежных компаний, прекративших свою деятельность на территории РФ, а также возможными иными критически важными ситуациями, представляется целесообразным разработать и принятие специального законодательного акта «Об основах национализации в Российской Федерации», проект которого за № 692092-7 был разработан и представлен в Государственную Думу РФ, однако, к сожалению, не получил дальнейшего развития.

Однако особое внимание обращают на себя случаи, когда в правовом регулировании отношений, относящихся к предмету законодательной регламентации, используются формы, которые не являются источниками права. Так, Федеральной антимонопольной службой РФ (ФАС России) принято письмо от 11 июля 2022 г. № ПИ/66119/22 «О рассмотрении обращения», в котором (Письме) ФАС России не просто излагает соответствующую информацию, а, по существу, формулирует нормативные установления. В частности, в случае, если заказчик или комиссия по осуществлению закупок (в сфере обеспечения потребностей для государственных или муниципальных нужд) обнаружит, что участник закупки не соответствует установленным требованиям или предоставил недостоверную информацию в отношении своего соответствия установленным требованиям, такой участник закупки подлежит отстранению от участия в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) или заказчиком может быть принято решение об отказе от заключения контракта с таким участником, признанным победителем закупки, в любой момент до заключения контракта.

В случае выявления несоответствия участника закупки в ходе исполнения контракта заказчик обязан принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта и т.д.

Приведенные, по существу, нормативные указания, которые не в полной мере соответствуют, в частности, положениям Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (п. 1 (подп. «а», «б») ч. 15 ст. 95), а также Федеральному закону от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ст. 7), а главное такие нормативные указания должны относиться к предмету регулирования названных законодательных актов.

Иногда при использовании подобных «ненормативных» форм устанавливаются, по сути, нормативные предписания, которые, как представляется, не в полной мере соотносятся с антимонопольным законодательством. Так, Протоколом заседания правления ОАО «РЖД» от 29 ноября 2022 г. были утверждены на 2023 г. ставки договорных сборов за отдельные работы и услуги, предусмотренные в Едином перечне основных работ и услуг, оказываемых ОАО «РЖД» при организации перевозок грузов.

Представляется, что утверждение таких ставок договорных сборов субъектом, обладающим монопольным статусом, для своих контрагентов в предпринимательских правоотношениях, вряд ли соответствует требованиям антимонопольного законодательства. С целью исключения конфликта интересов более целесо-

образным было относить утверждение названных «ставок» к сфере компетенции Правительства РФ.

В этом контексте современное «антисанкционное» законодательство нуждается, как представляется, в некоторых мерах по его совершенствованию, в том числе, устранению отдельных моментов внутренней несогласованности, а также с действующим законодательством, более четкому его структурированию. А главное, чтобы весь массив мер «антисанкционного» законодательства функционировал в качестве единого, слаженного экономико-правового механизма противодействия экономическим санкциям, обеспечивающего достижение главной цели, – устойчивого развития российской экономики, в том числе предпринимательской деятельности, поддержки социальной сферы, охраны прав и законных интересов субъектов предпринимательства, граждан и других участников общественных отношений.

В целом, как представляется, деятельность, связанная с принятием, изменением, пролонгацией, отменой мер в условиях противодействия экономическим и иным санкциям, нуждается в упорядочении, приведении ее в определенную систему с тем, чтобы соответствующие меры вводились не в порядке «ручного» управления, а опирались на законодательную основу. С этой целью представляется целесообразным принятие рамочного Федерального закона «Об основах правового регулирования в Российской Федерации в условиях глобальных внешнеэкономических вызовов», в котором были бы четко прописаны права, обязанности, ответственность федеральных и иных органов исполнительной власти в подобно рода экстремальных условиях; порядок, формы, сроки их реагирования на недружественные действия иностранных государств и международных организаций и т.д.

2. Вторая тенденция связана с использованием специальных мер по нейтрализации либо уменьшению вредного воздействия экономических санкций в сфере правового регулирования частных отношений, в том числе осуществлением предпринимательской деятельности, а также охраной прав и законных интересов граждан и иных субъектов общественных отношений

Частноправовое и публично-правовое регулирование, с одной стороны, противоположные категории, а с другой – они неразрывно взаимосвязаны между собой таким образом, что одно из этих явлений объективно не может существовать без другого. Поэтому публично-правовое воздействие в условиях экономических санкций предполагает необходимость применения специальных соответствующих мер правового регулирования в частноправовой сфере, где совершается гражданский оборот, осуществляется удовлетворение материальных, социально-культурных и иных потребностей субъектов предпринимательства, граждан и иных участников общественных отношений.

Рассматриваемая тенденция проявляется в ряде конкретных форм (направлений) применения специальных мер регулирования в частноправовой сфере в связи с недружественными действиями иностранных государств и международных организаций. И здесь прежде всего необходимо указать на те поправки, которые были внесены в ряд статей Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), а также на ус-

тановленные особенности регулирования имущественных отношений в условиях экономических санкций.

Федеральным законом от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ внесены изменения в положения ряда статей ГК РФ, в частности, наделив правом, помимо учредителей (участников) юридического лица, также, в случаях, предусмотренных законом, его органы, утверждать внутренние документы, не являющиеся учредительными, регулирующие корпоративные отношения (абз. 1 п. 5 ст. 52 ГК РФ).

Несколько изменена редакция положения абз. 2 п. 1 ст. 53 ГК РФ, которое в настоящее время предусматривает, что порядок образования и компетенция органов юридического лица определяется настоящим Кодексом, другим законом и учредительным документом, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или другим законом.

Думается, что такая редакция указанного положения вряд ли может вносить в правовое регулирование данных корпоративных отношений стабилизирующий фактор. Из приведенного положения в «новой» редакции следует, что порядок образования и компетенция органов юридического лица, определяемые ГК РФ, могут быть изменены не только самим ГК РФ, но также и «другим законом». Однако в связи с этим возникает вопрос: каким «другим законом» могут быть внесены указанные изменения в ГК РФ? Логически, поскольку при этом отсутствуют какие-либо оговорки, можно предположить, что здесь под «другим законом» имеется ввиду любой иной законодательный акт. Однако такое, вполне допустимое, предположение будет противоречить положению, закрепленному в п. 2.1 ст. 3 ГК РФ, в том, что внесение изменений в положения ГК РФ может осуществляться только отдельными (и в этом смысле специальными) законами, направленными непосредственно на изменение текста в содержании ГК РФ, а не любыми «другими законами», в качестве предмета правового регулирования которых выступают иные отношения.

Незначительные, в сущности, изменения, касающиеся лишь требования об обязательном отражении в уставе акционерного общества прав акционеров – владельцев привилегированных акций каждого типа, внесены в положение абзаца второго п. 3 ст. 98 ГК РФ.

Аналогично, несущественные изменения в соответствии с Федеральным законом от 16 апреля 2022 г. № 99-ФЗ внесены в редакции п. 4 и 5 ст. 67.1 ГК РФ, в частности касающиеся того, что аудиторская организация или индивидуальный аудитор должны быть «независимыми в соответствии с законом об аудиторской деятельности».

Представляется, вряд ли указанные и подобные поправки заслуживают того, чтобы они получали отражение в положениях ГК РФ – важнейшего законодательного акта, призванного регулировать существенные моменты в системе рыночных отношений.

Достаточно много поправок также внесено в положения части четвертой ГК РФ, касающихся права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Однако такие поправки носят фрагментарный («точечный»), в том числе процедурный, характер и не затрагивают правового регулирования существенных моментов частноправовых отношений.

В целом, говоря об изменениях, вносимых в текст ГК РФ, необходимо еще раз обратить внимание на требование о недопустимости «опосредованного» внесения в ГК РФ поправок, касающихся так или иначе его положений, когда такие поправки вносятся законами в ГК РФ не «напрямую», а через посредство иных законов, вносящих изменения в другие законы, как это сделано в Федеральном законе от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ч. 3 ст. 18).

В российском законодательстве, регулирующем корпоративные отношения в условиях экономических санкций, в соответствии с Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 320-ФЗ появилась такая специфическая юридическая конструкция, как преобразование на основе акта арбитражного суда филиала, представительства иностранного юридического лица в хозяйственное общество (в форме общества с ограниченной ответственностью) при наличии предусмотренных законом оснований и условий. Такому преобразованному хозяйственному обществу подлежат передаче объекты гражданских прав, а также права и обязанности иностранного лица, связанные с ведением его деятельности на территории Российской Федерации.

Однако, как представляется, в связи с реализацией указанных положений Федерального закона № 320-ФЗ необходимо внести поправку в положение абзаца первого п. 1 ст. 57 ГК РФ, сформулировав его следующим образом: «Реорганизация юридического лица (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) может быть осуществлено по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительными документами, а в случаях, предусмотренных законом, реорганизация иностранного юридического лица, осуществляющего свою деятельность на территории Российской Федерации, в форме преобразования в хозяйственное общество может быть осуществлена на основе судебного акта».

Рядом указов и распоряжений Президента РФ установлен специальный порядок в отношении соответствующих хозяйственных обществ совершения ими сделок с иностранными юридическими и физическими лицами недружественных государств. Так, в последнее время был издан указ Президента РФ от 27 декабря 2022 г. № 961, в соответствии с которым только по специальному разрешению Президента РФ может осуществляться поставка российской нефти и нефтепродуктов иностранным юридическим и физическим лицам, в контрактах с которыми прямо или косвенно предусматривается использование механизма фиксации предельных цен на такие поставки.

Согласно несколько ранее изданному указу Президента РФ от 5 декабря 2022 г. № 876 запрещается совершение сделок (операций), влекущих за собой прямо и (или) косвенно установление, изменение, прекращение или обременение прав владения, пользования и (или) распоряжения ценными бумагами российских юридических лиц, долями (вкладами) в уставных (складочных) капиталах этих лиц, долями участия, правами и обязанностями, принадлежащими участникам соглашений о разделе продукции, участникам договоров о совместной деятельности и иных договоров, на основании которых реализуются инвестиционные проекты

на территории РФ, при условии, что данные ценные бумаги, доли (вклады), права и обязанности принадлежат иностранным лицам, связанным с иностранными государствами, совершающими недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц.

Названные выше сделки также могут быть совершены только на основании специального решения Президента РФ. Сделки (операции), совершенные в нарушение положений названного Указа, являются ничтожными. В качестве правовых последствий совершения таких сделок (операций) предусмотрено то, что ценные бумаги российских юридических лиц, доли (вклады), составляющие уставные (складочные) капиталы российских юридических лиц, доли участия, принадлежащие участникам соглашения о разделе продукции, не предоставляют их владельцам прав, предусмотренных законодательством РФ, соглашениями о разделе продукции и иными договорами.

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на один, как представляется, важный момент. В указе Президента РФ от 5 декабря 2022 г. № 876 предусмотрено лишь такое последствие ничтожной сделки, как то, что такая сделка не порождает у приобретателей ценных бумаг, долей (вкладов) и т.д. прав, предусмотренных законодательством, а также соответствующими договорами, в отношении указанных объектов.

Вместе с тем на практике могут возникнуть такие ситуации, когда становится невозможным в силу тех или иных обстоятельств возвращение обратно ценных бумаг, долей (вкладов) и т.д., отчужденных в результате совершения ничтожной сделки иностранными юридическими или физическими лицами, и в таких случаях возникает вопрос о возмещении причиненных российскому юридическому лицу убытков, – о чем, к сожалению, в Указе Президента РФ ничего не говорится, – однако об этом упоминается лишь в общих положениях ГК РФ о последствиях недействительности сделки (п. 2 ст. 167 ГК РФ).

В контексте обеспечения противодействия в частноправовой сфере экономическим санкциям недружественных государств представляется необходимым обратить внимание на положение, закрепленное в п. 1 ст. 7 ГК РФ, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с Конституцией РФ составной частью правовой системы РФ.

В связи с этим необходимо заметить следующее.

Во-первых, принципы и нормы международного права, а также международные договоры вряд ли корректно считать составной частью правовой системы РФ, поскольку они принимаются не российскими правотворческими органами власти в установленном законом порядке и призваны регулировать иные – международные – отношения. То, что указанные нормы и принципы, а также международные договоры, применяются на территории РФ, однако это отнюдь не дает основания относить их к части правовой системы РФ.

Во-вторых, если в отношении правил международных договоров содержится указание на то, что они не подлежат применению в их истолковании, противоречащем Конституции РФ (абз. 2 п. 2 ст. 7 ГК РФ), то применительно к нормам и при-

нципам международного права такого требования не установлено, что вряд ли можно признать релевантным, особенно в условиях жесткого «санкционного» режима, введенного со стороны недружественных государств, в отношении Российской Федерации, многих ее юридических лиц, а также граждан.

3. Третья тенденция выражается в необходимости обеспечения эффективного сочетания публично-правового и частноправового регулирования в условиях экономических санкций

Проблемы понимания, соотношения и взаимодействия публично-правовой и частноправовой сфер, публичных и частных интересов – всегда в той или иной форме привлекали внимание ученых-правоведов и иных исследователей, а также правоприменительной практики [6, с. 5, 6]. Указанные проблемы приобрели особую актуальность в связи с необходимостью обеспечения защиты прав и законных интересов российского государства и общества, а также граждан, стабильного развития экономики, в том числе в сфере предпринимательской деятельности, в условиях экономических санкций.

Безусловно, только поиск «баланса», сбалансированного правового обеспечения публичных и частных интересов, сможет создать необходимые условия для стабильного развития российской экономики, в том числе в сфере предпринимательской деятельности, охраны прав и законных интересов граждан и иных субъектов в условиях экономических санкций.

В настоящее время в системе российского законодательства формируется такой механизм, включающий в свое содержание достаточно большое количество различных правовых и иных средств (мер, способов и других «инструментов»), призванных обеспечить сбалансированное регулирование публичных и частных отношений в условиях экономических санкций. И здесь прежде всего возникает проблема методологического и практического характера, связанная с тем, как следует понимать категорию «баланс» применительно к соотношению публично-правовой и частноправовой сфер.

Европейский суд по правам человека в одном из своих решений, обсуждая вопрос о допустимости вмешательства государства в имущественные права частных лиц, сформулировал такой критерий: «...Суд должен установить, было ли соблюдено *справедливое равновесие* между требованиями общественного интереса и требованиями защиты основных прав частных лиц [выделено мной. – М. С.]» [7, с. 71].

В правопорядках стран Европейского Союза широко используется принцип пропорциональности, сущность которого, кратко, выражается в том, что органы власти не могут возлагать на граждан, юридических лиц и других субъектов обязательства, превышающие разумные пределы необходимости, обусловленные публичными интересами, для достижения соответствующей публичной цели.

В правовой системе США при анализе соотношения публично-правового и частноправового регулирования используется так называемый метод взвешивания интересов, который по своей субстанциональной сущности, как представляется, мало чем отличается от европейского принципа пропорциональности [8, с. 60].

Безусловно, проблема соотношения публично-правового и частноправового регулирования общественных отношений неоднократно выступала в качестве пред-

мета обсуждения, в том числе, на уровне высших судебных инстанций в правовой системе РФ. Так, Конституционный Суд РФ, анализируя пределы вмешательства государства в предпринимательскую деятельность, в своем постановлении от 16 июля 2004 г. № 14-П сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой ограничение федеральным законом права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности, возможно, только если оно отвечает требованиям справедливости, адекватно, пропорционально, соразмерно и необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц, и не затрагивает само существо конституционных прав, т.е. не ограничивает пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм.

В другом своем постановлении от 25 декабря 2020 г. № 49-П Конституционный Суд РФ, анализируя условия допустимого ограничения при коронавирусной пандемии прав субъектов, предусмотренных положением ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, сформулировал те требования (критерии), при наличии которых это возможно:

- а) наличие конституционно значимой цели;
- б) соблюдение требований пропорциональности и соразмерности ограничения;
- в) форма ограничения – федеральный закон.

Верховный Суд РФ при рассмотрении 21 июня 2022 г. административного дела № АКПИ22-28, в котором оспаривалась в том числе компетенция Правительства РФ по поводу исключения начисления санкций в отношении субъектов предпринимательства за ненадлежащее исполнение договорных обязательств, указал, что оспариваемые положения нормативного правового акта учитывают баланс интересов участников долевого строительства и застройщиков и направлены на реализацию комплекса мер социально-экономического характера в отношении граждан и российских юридических лиц в связи с недружественными действиями иностранных государств и международных организаций.

В связи с вышеотмеченным представляется необходимым обратить внимание на следующее.

Во-первых, категория «баланс» в соотношении и взаимодействии публично-правового и частноправового регулирования может (и должна) интерпретироваться в объективном и субъективном смысловых значениях. По существу, объективное смысловое содержание указанной категории образуют те требования (правоположения), которые сформулированы Конституционным Судом РФ в ряде его соответствующих постановлений, поскольку эти требования (правоположения) носят принципиальный характер и подлежат применению во всех случаях, когда речь идет об ограничении прав и законных интересов граждан, субъектов предпринимательства и иных участников общественных отношений. Совокупность указанных требований (правоположений), изложенных в Постановлениях Конституционного Суда РФ, образуют, своего рода, «стандарт» поведения субъектов при решении вопросов, связанных с поиском обеспечения баланса частноправовых и публично-правовых интересов.

Что касается значения обозначенной категории «баланс» в субъективном смысле, то это следует понимать в контексте того, что сформулированные Конститу-

ционным Судом РФ требования (правоположения), касающиеся необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов, подлежат применению в конкретных случаях с учетом специфических условий и обстоятельств, характерных для соответствующих ситуаций.

Во-вторых, одна и та же категория «баланс» в обеспечении соотношения и взаимодействия частных и публичных интересов, однако если она применяется в принципиально разных социально-экономических условиях и обстоятельствах – при регулировании нормального (обычного) рыночного оборота и в условиях глобальных экономических вызовов (глобальных экономических санкций) – приобретает ряд специфических (особых) признаков (свойств), которые, безусловно, необходимо учитывать при разработке и применении различных мер (средств, способов и т.д.) противодействия «санкционному» режиму со стороны недружественных государств.

В-третьих, как представляется, при формировании баланса в соотношении публично-правовых и частноправовых элементов в правовом регулировании тех или иных общественных отношений необходимо также учитывать то, что здесь не существует каких-либо, своего рода, констант – постоянных, абсолютно неизменных и «вечных» требований (критериев), определяющих «границу» между «частным» и «публичным» независимо от тех или иных социально-экономических, политических и иных важных факторов. Иначе говоря, при регулировании различных предпринимательских отношений в условиях «санкционного» режима соотношение между публично-правовыми и частноправовыми элементами не является постоянным (неизменным) и может быть «смещено» («сдвинуто») в сторону публично-правового либо частноправового регулирования в рамках общих требований о необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов, учитывая установленные законодательством цели и задачи обеспечения устойчивого развития российской экономики, защиты прав и законных интересов граждан, субъектов предпринимательства и других участников общественных отношений.

С учетом выше отмеченного представляется возможным сформулировать ряд требований (критериев), которые должны учитываться при установлении правовых ограничений (запретов, предписаний) в отношении субъектов предпринимательства в условиях экономических и иных санкций со стороны недружественных государств:

1. Экономические и иные меры противодействия в России западным санкциям должны носить прежде всего обоснованный характер – быть экономически, финансово, организационно-логистически и т.д. проработанными, необходимыми и целесообразными, исключающими ситуации, когда на практике они оказываются недостаточно эффективными либо отрицательные экономические последствия от их введения нивелируют достигаемый при этом положительный эффект.

2. Такие меры должны быть своевременными, адекватными и достаточными для решения тех или иных конкретных задач в рамках установленных законодательством целей по обеспечению устойчивого развития российской экономики, в том числе в сфере предпринимательской деятельности, защиты прав и законных интересов граждан и других субъектов.

3. Меры противодействия экономическим и иным санкциям со стороны недружественных государств должны носить комплексный и взаимоувязанный характер – административные, финансовые, налоговые, гражданско-правовые (частноправовые) и другие средства воздействия должны находиться между собой в тесной корреляционной взаимосвязи с тем, чтобы одни из них не нивелировали действие других, а все вместе (в совокупности) они функционировали как единый, слаженный механизм для достижения установленных целей.

4. Меры, связанные с ограничением прав субъектов предпринимательства, а в соответствующих случаях граждан и иных лиц, должны быть сбалансированными (соразмерными, пропорциональными) и не ущемляющими возможности граждан по реализации их конституционно значимых прав и законных интересов. Ограничение прав субъектов в условиях экономических санкций должно в той или иной форме уравниваться предоставлением им соответствующих прав, касающихся в том числе получения необходимых компенсаций, экономической поддержки, иных льгот, а также мер защиты, исключения в необходимых случаях применения санкций за вынужденное ненадлежащее исполнение договорных обязательств.

5. Вопрос о приоритете частных и публичных интересов при регулировании тех или иных предпринимательских и других отношений в условиях экономических санкций относится к дискреции законодателя и должен решаться не априори (заведомо отдавая предпочтение публичному либо частному интересу), а исходя из особенностей конкретных ситуаций, необходимости обеспечения достижения определенного результата в соответствующем секторе экономики, социальной сферы в соответствии с поставленными целевыми установками.

6. Поскольку устанавливаемые в настоящее время меры противодействия подлежат реализации не при обычных обстоятельствах гражданского оборота, а в условиях «санкционного» экономического режима и связаны с теми или иными ограничениями прав субъектов, то они (меры) должны быть рассчитаны на определенный срок их действия, однако с возможностью, при необходимости, последующей их пролонгации.

7. Если в условиях обычных рыночных отношений ограничение прав и законных интересов субъектов допускается только на основании и в случаях, предусмотренных законом, то при сложившихся в настоящее время особых обстоятельствах – противодействия «санкционному» экономическому режиму – введение экономических и иных мер защиты возможно не только на основании закона, но также и указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ – при делегировании им соответствующих полномочий.

Исходя из вышеотмеченного следует заметить, что в системе «антисанкционного» законодательства имеется ряд нормативных правовых актов, в том числе законов, отдельные положения которых не в полной мере соответствуют указанным требованиям (критериям) в рамках необходимости обеспечения баланса частноправовых и публично-правовых интересов при регулировании предпринимательских и иных отношений. Однако это уже составляет предмет для отдельного научного исследования.

Заключение

В порядке краткого резюме представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, «антисанкционное» законодательство обусловлено особенностями современной политики российского государства на недружественные действия ряда западных стран и не отражает, в своей сути, глубинных (субстанциональных) закономерностей развития российской экономики, правопорядка и в более широком плане – в целом российской правовой системы. Поэтому реализация законодательства в условиях глобальных экономических санкций в России не направлена на кардинальное (принципиальное) изменение рыночного характера российской экономики (ее рыночной парадигмы) и законодательства, однако, безусловно, привносит ряд специфических особенностей в правовое регулирование предпринимательских отношений, социальной сферы, обеспечение защиты прав и законных интересов субъектов.

Во-вторых, «антисанкционное» законодательство нельзя характеризовать в целом как носящее только публичный характер, как это отмечают многие авторы; оно включает в свое содержание комплекс различных мер (средств, способов) различной отраслевой принадлежности – административно-правовые, финансово-правовые, налоговые, частноправовые (гражданско-правовые) и т.д., которые в своей совокупности не образуют какого-либо обособленного (отдельного) структурного образования (институт, подотрасль) в системе российского права, а полностью «распределяются» по соответствующим его отраслям и институтам. Это обстоятельство обуславливает необходимость обеспечения его дальнейшего системного совершенствования, исключения противоречий, моментов несогласованности, дублирования в положениях, содержащихся в различных нормативных правовых актах «антисанкционного» законодательства с тем, чтобы последнее действовало как единая, слаженная синергетическая система, сориентированная на достижение поставленных стратегических целей и задач.

В-третьих, для «антисанкционного» законодательства РФ характерен ряд тенденций – важных направлений его развития, отражающих особенности (специфику) правового регулирования соответствующих сфер экономической (в частности, предпринимательской) и социальной действительности. В настоящей работе, исходя из ограниченности ее объема, выделены и подвергнуты анализу три такие основные тенденции – публично-правовая, частноправовая (гражданско-правовая) и обеспечение необходимого «баланса» между ними.

В-четвертых, ограничение прав субъектов предпринимательства и иных лиц в условиях противодействия экономическим санкциям нельзя рассматривать как нарушение действующего законодательства, прав граждан, поскольку такая регламентация направлена на обеспечение конституционно значимых интересов российского государства и общества, экономической системы РФ, благополучия людей. В связи с этим нужно также иметь в виду и то, что указанное ограничение прав допустимо только при соблюдении ряда требований (критериев) в рамках обеспечения соблюдения баланса частноправовых (гражданско-правовых) и публично-правовых интересов при условии, что такое ограничение не будет препятствовать реализации конституционных прав и свобод граждан.

Пристатейный библиографический список

1. *Марченко М. Н.* Тенденции развития права в современном мире : учебное пособие. М. : Проспект, 2018.
2. Круглый стол «Санкционный режим и право в сфере экономики и предпринимательства» 25.04.2022. URL: https://www.law.msu.ru/news/kruglyy_stol_sankcionnyy_rezhim_i_pravo_v_sfere_ekonomiki_i_predprinimatelstva__2022-04-25-652 (дата обращения: 24.12.2022).
3. *Krseten J., Rixen S.* Der Verfassungsstaat in der Corona-Krise. Berlin, 2021.
4. *Шувалов И. И.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика) : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022.
5. *Schwerdtfeger A.* Krisengesetzgebung. Tuebingen, 2008.
6. *Яковлев В. Ф., Талапина Э. В.* Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2.
7. *Гаджиев Г. А.* Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юрист, 2004.
8. *Коэн-Элия М., Порат И.* Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность : исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3.

References

1. *Marchenko M. N.* Trends in the Development of Law in the Modern World: Textbook. Moscow: Prospect, 2018. 376 p. (In Russ.)
2. Round Table "Sanctions Regime and Law in the Field of Economics and Entrepreneurship" 25.04.2022. URL: https://www.law.msu.ru/news/kruglyy_stol_sankcionnyy_rezhim_i_pravo_v_sfere_ekonomiki_i_predprinimatelstva__2022-04-25-652 (date of the application: 24.12.2022). (In Russ.)
3. *Krseten J., Rixen S.* Der Verfassungsstaat in der Corona-Krise. Berlin, 2021.
4. *Shuvalov I. I.* Legal Regulation of Entrepreneurial Activity During the Socio-Economic Crisis (Theory and Practice): Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2022. (In Russ.)
5. *Schwerdtfeger A.* Krisengesetzgebung. Tuebingen, 2008.
6. *Iakovlev V. F., Talapina E. V.* The Role of Public and Private Law in the Regulation of the Economy. *Journal of Russian Law*, 2012, no. 2. (In Russ.)
7. *Gadzhiev G. A.* Constitutional Principles of Market Economy (Development of the Foundations of Civil Law in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). Moscow: Jurist, 2004. (In Russ.)
8. *Cohen-Eliya M., Porat I.* The American Method of Weighing Interests and the German Proportionality Test: Historical Roots. *Comparative Constitutional Review*, 2011, no. 3. (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. Н. Семякин – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

M. N. Semyakin – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 10.01.2023; approved after reviewing 19.01.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья
УДК 347.219.2
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-145-152>

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЭПОХУ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ани Самвеловна Степанян^{1,2}

¹ Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва,
ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Российский государственный гуманитарный университет,
125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, д. 6
anistepanyan1981@gmail.com

Аннотация

Переход к цифровой экономике порождает особую актуальность и необходимость усовершенствования не только основ правового регулирования персональных данных (далее – ПД), но и практику применения российского законодательства о ПД, поскольку вопросы незаконного оборота ПД, усовершенствования способов охраны и защиты ПД, применения всех мер ответственности к виновным лицам и многое другое являются краеугольными в современном нестабильном мире. В статье автор анализирует некоторые проблемы оборота ПД, а также отсутствия дополнительных эффективных способов охраны и защиты ПД.

Ключевые слова: цифровая экономика; правовое регулирование; персональные данные; незаконный оборот; механизмы охраны и защиты; реформирование законодательства.

Для цитирования: Степанян А. С. Проблемы правовой охраны персональных данных в эпоху перехода к цифровой экономике // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 145–152. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-145-152>

Research Article

PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE ERA OF TRANSITION TO DIGITAL ECONOMY

Ani S. Stepanyan^{1,2}

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

² Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaia Sq.,
Moscow, 125047, Russia

anistepanyan1981@gmail.com

Abstract

The transition to a digital economy gives rise to special relevance and the need to improve not only the basics of the legal regulation of personal data (hereinafter – PD), but also the practice of applying Russian legislation on PD, since the issues of illegal trafficking of PD, improving methods of protecting and defending PD, applying all measures of responsibility to guilty persons and much more are the cornerstones in today's unstable world. In the article, the author analyzes some problems of PD circulation, as well as the lack of additional effective ways to protect and defend PD.

Keywords: digital economy; legal regulation; personal data; illegal circulation; protection and protection mechanisms; legislation reform.

For citation: *Stepanyan A. S. Problems of Legal Protection of Personal Data in the Era of Transition to Digital Economy. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 145–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-145-152>*

Введение

С изменением современных условий развития рыночных отношений и переходом к цифровой экономике в Российской Федерации (далее – РФ) стали происходить изменения и смещения классических методов и способов решения многих проблем и споров. Подобные изменения затронули также сферу оборота ПД, правовое регулирование которых является первоочередной необходимостью. Именно переход к цифровой экономике порождает особую актуальность и необходимость усовершенствования российского законодательства о ПД, а также практику их применения. В частности, особое внимание обращают на себя на такие вопросы, как: способы охраны и защиты ПД; незаконный оборот ПД; ответственность за использование ПД и т.д.

Особенностью оборота ПД многие эксперты называют его трансграничность. Интернет, развитие новых технологий, цифровизация практически всех процессов личной и общественной жизни является реальностью, с которой нельзя не считаться и которая является залогом дальнейшего развития цифровых технологий. С этим сложно не согласиться, однако не все так просто как кажется [8]. Одним из негативных последствий цифровизации является тотальный переход к современным технологиям (несовершенных роботов-ботов, слабейшего искусственного интеллекта) со стороны пользователей и лиц, прямо или косвенно обрабатывающих ПД граждан, что, в свою очередь, приводит к росту преступлений в отношении граждан. На сегодняшний день правовое регулирование ПД осуществляется базовым Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о ПД) [1] и рядом нормативно-правовых актов.

1. Анализ проблем оборота и правовой охраны ПД

Как справедливо отмечает В. И. Солдатов [10], имеющиеся средства защиты ПД являются недостаточными в условиях использования новых технологий. При этом Закон о ПД не определяет, какие конкретно данные о физическом лице относятся к ПД. Однако в связи с этим хочется отметить, что исходя из понятия ПД – это информация, а понятие информации заложено в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], согласно которому под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления, а вот понятия данных в законодательстве не закреплено, исходя из которого можно сделать вывод о том, что законодатель так до конца и не определяет, какие конкретно данные о физическом лице относятся к ПД, что очень важно. Поэтому, как отмечает С. А. Румянцев [9], в п. 1 ст. 3 Закона о ПД содержится логическая ошибка, указывающая, что «данные – это данные».

В погоне за тотальным применением цифровых технологий и на этом пути принятия огромного массива нормативно-правовых актов, законодатель и правоприменительная практика забыли об опасности самих технологий и того вреда, который причиняется правам и законным интересам граждан при отсутствии контроля за применением этих технологий. Не игнорируя положительные эффекты цифровизации, не можем не отметить негативные эффекты, которые не устраняются даже несмотря на наличие государственного контроля в некоторых сферах деятельности (например, финансово-банковская сфера). Речь идет, в частности, о такой насущной проблеме как кража телефона. На основе обзора судебной практики [6] к ПД относятся телефонный номер, однако при потере аппарата телефона или его краже становится невозможным защитить свои ПД через мобильные приложения банков России.

К одной из форм злоупотреблений можно отнести то, что в настоящее время российские банки осуществляют сбор биометрических данных клиентов в целях получения клиентами услуг дистанционно. И хотя указывается, что процедура сбора биометрических данных добровольная и осуществляется только с согласия клиента, однако услуга не будет оказана, пока передача данных не будет осу-

ществлена, и это находится вне правового поля государства и контроля Банка России. Внедренная система искусственного интеллекта (роботов-ботов) не позволяет удаленно отключить ПД для пресечения различного рода преступлений с использованием ПД.

При потере персональных данных, например утрате телефона, который привязан к банковской карте, существует риск совершения неправомерных действий с денежными средствами на банковском счете со стороны третьих лиц. В этом случае необходимо немедленно обратиться в кредитную организацию и следовать указаниям сотрудника данной кредитной организации. Однако контакты кредитных организаций, перешедших к тотальному использованию роботов-ботов, переправляют вас в само приложение: робот-бот вам говорит, что для решения вашего вопроса необходимо использовать приложение на вашем смартфоне, хотя переход к приложению невозможен, поскольку телефон утерян. И, как мы все знаем, денежные средства, списанные с банковского счета в результате несанкционированного использования банковской карты до момента уведомления об этом кредитной организации, не возмещаются. Соответственно, напрашивается вывод о том, что ПД потребителей со стороны кредитных организаций не защищены.

Постановлением Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 512 «Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных» [7] установлено, что оператор вправе сам установить не противоречащие требованиям законодательства РФ технологии хранения ПД и способы их защиты, однако эти способы защиты утратили свою эффективность, даже несмотря на то, что соответствуют требованиям к переходу к тотальной цифровизации. Отсутствуют механизмы контроля за тем, какие способы защиты ПД используют операторы, кредитные организации и иные лица, кто обрабатывает ПД и насколько они эффективны. Все это и многое другое, могут привести к установленным в подп. 3, 5, 6, 11 ст. 3 Закона о ПД действиям, а именно незаконному обороту, распространению, предоставлению, трансграничной передаче ПД, а без надлежащего контроля все эти действия содержат в себе риск нарушения цели Закона о ПД, а именно, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 2), а также принципов обработки ПД (ст. 5).

Кроме того, хотим обозначить еще одну проблему. Из Закона о ПД исчезло понятие «общедоступные данные», и оно было заменено на «ПД, разрешенные для распространения». Согласно ст. 10.1 Закона о ПД, возможно распространять ПД в случае, если имеется согласие субъекта ПД. Согласие субъекта ПД на обработку его ПД закреплен в ст. 6 Закона о ПД. На практике это означает, что, например, перед публикацией сведений в интернете пользователь должен дать согласие на то, что его сведения будут опубликованы, и это согласие является достаточно сложным и детальным документом [9]. Но тут возникает вопрос: так ли добровольным является такое согласие субъекта, особенно при взаимодействии в сети Интернет при обустройстве на работу. Как мы знаем, субъект ПД – это пользователь, а ин-

тернет-сайт – общедоступный источник информации. У сайта есть владелец, и этот владелец должен запросить согласие у субъекта ПД.

С 1 марта 2022 г. вступил в силу приказ Роскомнадзора от 21 июня 2021 г. № 106 [4], согласно которому согласие на обработку ПД является документом, в котором указывается довольно детальная информация о факте предоставления согласия; о цели (целях) обработки ПД; об информационных ресурсах оператора, посредством которых будут осуществляться предоставление доступа неограниченному кругу лиц и иные действия с ПД субъекта; о категориях и перечне ПД, на обработку которых дается согласие и о многом другом, что может быть и не нужна сайту, однако у пользователя все же запрашивается больше информации, чем он хотел бы предоставить. Но пока он эту информацию не предоставит, опубликовать его сведения, допустим, на сайте по поиску работы или в соцсети, не получится [9]. И несмотря на то, что в Законе о ПД установлены запреты на обработку ПД неограниченным кругом лиц, а также то, что по требованию субъекта ПД в любое время обработка его ПД должна быть прекращена (хотя практика применения этого положения тоже отсутствует и даже непонятно, каким образом может быть реализовано), в связи с этим возникает вопрос: кто и как будет контролировать за тем, соблюдаются ли установленные законодательством условия и ограничения.

2. Особенности практики применения законодательства о ПД

Анализ ст. 22.1 Закона о ПД показывает, что при обработке ПД тем или иным оператором должны быть приняты меры для их защиты, а с 1 марта 2023 г. вступит в силу приказ Роскомнадзора от 27 октября 2022 г. № 178 [5] и начнут действовать требования к оператору относительно того, как они будут оценивать вред, причиненный гражданам при нарушении Закона о ПД. От оператора потребуются определить высокую, среднюю или низкую степень вероятного вреда, которая должна будет быть отражена в акте, однако требования к тому, как будут проводить оценку, отсутствуют, что тоже говорят о несовершенстве системы обработки ПД граждан.

А согласно п. 7–12 постановления Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 [3] сложнее всего организовать защиту электронных данных, для чего требуется определить тип угрозы ПД и исходя из этого подобрать один из четырех уровней защищенности. От уровня защищенности будет зависеть конкретный комплекс мер, которые нужно будет предпринимать.

За нарушение законодательства о ПД, а именно, за несоблюдение правовых (создание комплекта документов для защиты ПД), технических и организационных (действия для обеспечения безопасности ПД) мер ответственные за это лица могут быть привлечены к ответственности, однако тоже не совсем понятно, какой конкретный перечень мер может быть применен, например, для защиты тех же электронных данных, что также, на наш взгляд, является пробелом в законодательстве.

На основе п. 8 ст. 19 Закона о ПД контроль и надзор за выполнением организационных и технических мер по обеспечению безопасности ПД при обработке ПД в государственных информационных системах ПД осуществляются Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области обеспечения безо-

пасности (ФСБ России), и Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области противодействия техническим разведкам и технической защиты информации (ФСТЭК России), в пределах их полномочий и без права озвучивания с ПД, обрабатываемыми в информационных системах ПД.

Как можно заметить, гл. 5 Закона о ПД посвящена государственному контролю (надзору) за обработкой ПД, где в качестве таковых названы Роскомнадзор, ФСБ России, ФСТЭК России, однако их полномочия с точки зрения их практической реализации вызывают множество вопросов. В частности, в ст. 23 Закона о ПД прописано, что Роскомнадзор рассматривает жалобы и обращения граждан или юридических лиц по вопросам, связанным с обработкой ПД, а также принимает в пределах своих полномочий решения по результатам рассмотрения указанных жалоб и обращений, однако вызывает вопросы относительно этих результатов, когда в большинстве случаев правоохранительные органы игнорируют обращения граждан относительно нарушения их прав на утечку своих ПД. Более того, Роскомнадзор обязан осуществлять меры, направленные на совершенствование защиты прав субъектов ПД, хотя характер этих мер нигде не прописан.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что современные цифровые технологии хоть и стали неотъемлемой частью современной правовой жизни России, однако государство обязано обеспечивать безопасность граждан в первую очередь создав надежную систему защиты ПД на примере системы обязательного страхования вкладов в российских банках. Необходимо более четко закрепить в законодательстве положение о лицах, привлекаемых к ответственности за нарушение законодательства о ПД, чтобы при обнаружении фактов таких нарушений иметь реальные гарантии защиты и возможности получения возмещения убытков. При нынешних условиях сложной геополитической ситуации государство само должно быть заинтересовано в усилении контроля за защитой ПД на разных уровнях оборота от несанкционированного использования, от кибератак и угроз; в необходимости расширения мер по установлению запрета права доступа неограниченного круга лиц к ПД не только граждан, но и юридических лиц, исходя из чего уже насущной проблемой становится признание юридического лица субъектом ПД на уровне законодательства о ПД. Более того, век цифровизации требует признания на законодательном уровне деликтной ответственности за вред, причиненный личности. При комплексном решении обозначенных проблем можно говорить о реальных и действенных механизмах охраны и защиты ПД на территории РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ Роскомнадзора от 21 июня 2021 г. № 106 «Об утверждении Правил использования информационной системы Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, в том числе порядка взаимодействия субъекта персональных данных с оператором» (зарегистрировано в Минюсте России 11 августа 2021 № 64602) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Роскомнадзора от 27 октября 2022 г. № 178 «Об утверждении Требований к оценке вреда, который может быть причинен субъектам персональных данных в случае нарушения Федерального закона «О персональных данных» (Зарегистрировано в Минюсте России 28 ноября 2022 № 71166) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 сентября 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 10.

7. Постановление Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 512 «Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных» // СЗ РФ. 2008. № 28.

8. *Нам К. В.* Особенности развития правового регулирования оборота и защиты персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. № 5.

9. *Румянцев С. А.* Персональные данные : определения и виды // СПС «КонсультантПлюс». 2022.

10. *Солдатова В. И.* Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Lex Russica. 2020. № 2.

References

1. Federal Law of 27 July 2006 No. 152 “About Personal Data” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

2. Federal Law of 27 July 2006 No. 149 “About Information, Information Technologies and Protection of Information” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

3. Government Decree of Russian Federation of 1 November 2012 No. 1119 “About Approval of Requirements to the Protection of Personal Data During Their Processing in Information Systems of Personal Data” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

4. Roskomnadzor Order of 21 June 2021 No. 106 “About Approval of the Rules for the Use of the Information System of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, Including the Procedure of Interaction of the Participant of Personal Data with the Operator” (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 11 August 2021 No. 64602) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

5. Roskomnadzor Order of 27 October 2022 No. 178 “About Approval of the Requirements for Assessing the Harm That May Be Caused to Participants of Personal Data in Case of Violation of the Federal Law ‘About Personal Data’” (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 28 November 2022) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

6. Review of Judicial Practice in Cases Related to the Protection of the Rights of Consumers of Financial Services (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 27 September 2017). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2018. No. 10. (In Russ.)

7. Government Decree of Russian Federation on 6 July 2008 No. 512 "About Approval of Requirements for Material Carriers of Biometric Personal Data and Technologies for Keeping Such Data Outside Personal Data Information Systems" (SPS "Consultant-Plus"). (In Russ.)

8. *Nam K. V.* Features of the Development of Legal Regulation of Turnover and Protection of Personal Data. *Civil Law Review*, 2020, no. 5. (In Russ.)

9. *Rumiantsev S. A.* Personal Data: Definitions and Types (SPS "ConsultantPlus". 2022).

10. *Soldatova V. I.* Protection of Personal Data in the Context of the Use of Digital Technologies. *Lex Russica*, 2020, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. С. Степанян – кандидат юридических наук.

Information about the author:

A. S. Stepanyan – Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 13.02.2023; approved after reviewing 13.02.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-153-163>

ПОКАЗАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ И ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Сергей Анатольевич Алтухов¹

Андрей Викторович Любимов²

^{1,2} Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, Соборный переулок, д. 26

¹ ser-altuhov@yandex.ru

² andre-lyubimov@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы оценки показаний подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе, обусловленные несовершенством законодательного регулирования, что допускает возможность различных злоупотреблений, в том числе нарушений права на защиту со стороны органов предварительного расследования и суда. Актуальность рассмотренных вопросов вызвана отсутствием в законодательстве четких и однозначных критериев определения приоритетов при анализе доказательств по делу на предмет их юридической оценки и определения степени важности, в особенности тех, которые касаются признательных показаний подозреваемого и обвиняемого. Одной из целей, которую авторы статьи сочли необходимым обозначить и решить в настоящем исследовании, является подготовка предложений, направленных на совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства в части формирования единой правовой позиции при оценке признательных показаний подозреваемого и обвиняемого, которые на практике считаются более весомыми доказательствами с юридической точки зрения вопреки декларируемому уголовно-процессуальным законом равенству всех доказательств, а также при очевидном несоответствии и противоречии с другими доказательствами, подтверждающих вину рассматриваемых участников в инкриминируемом деянии на досудебных и судебной стадиях уголовного процесса. Обозначая проблемы, связанные с несовершенством законодательного и право-

применительного механизма оценки показаний вышеназванных участников уголовного судопроизводства, авторы исследуют проблему в контексте изменений уголовно-процессуального законодательства, происходивших с 30-х гг. прошлого века по настоящее время. Методология проведенного исследования основана на использовании различных методов и методик: исторического, сравнительного и статистического анализа. Новизна рассматриваемой проблемы предопределена не только проведением теоретико-правового анализа такого среза института доказательств, как оценки показаний подозреваемых и обвиняемых, но и тем, что в течение последних лет рассматриваемой проблеме не уделялось должного внимания в контексте реализуемой уголовной политики.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; предварительное следствие; подозреваемый; обвиняемый; преступление; суд; доказательство; показания.

Для цитирования: Алтухов С. А., Любимов А. В. Показания подозреваемого и обвиняемого: проблемы оценки и вопросы законодательного регулирования // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 153–163. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-153-163>

Research Article

TESTIMONY OF A SUSPECT ACCUSED IN A CRIMINAL TRIAL AS A SOURCE OF EVIDENCE: PROBLEMS OF EVALUATION BASED ON THE ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Sergey A. Altukhov¹

Andrey V. Lyubimov²

^{1,2} Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
26 Soborny Lane, Rostov-on-Don, 344002, Russia

¹ ser-altuhov@yandex.ru

² andre-lyubimov@mail.ru

Abstract

The article deals with the problems of evaluating the testimony of the suspect and the accused in criminal proceedings, due to the imperfection of legislative regulation, which allows for the possibility of various abuses, including violations of the right to protection by the preliminary investigation bodies and the court. The relevance of the issues considered is caused by the lack of clear and unambiguous criteria in the legislation for determining priorities when analyzing evidence in a case for their legal assessment and determining the degree of importance, especially those relating to the

confessions of the suspect and the accused. One of the goals that the authors of the article considered necessary to identify and solve in this study is the preparation of proposals aimed at improving the current criminal procedure legislation in terms of forming a unified legal position in assessing the confessions of the suspect and the accused, which in practice are considered more weighty evidence from a legal point of view contrary to the equality declared by the criminal procedure law all evidence, as well as in case of obvious inconsistency and contradiction with other evidence, confirming the guilt of the participants in question in the incriminated act at the pre-trial and judicial stages of the criminal process. Identifying the problems associated with the imperfection of the legislative and law enforcement mechanism for evaluating the testimony of the above-mentioned participants in criminal proceedings, the authors investigate the problem in the context of changes in criminal procedure legislation that have occurred since the 30s of the last century to the present. The methodology of the research is based on the use of various methods and techniques: historical, comparative and statistical analysis. The novelty of the problem under consideration is predetermined not only by conducting a theoretical and legal analysis of such a cross-section of the institute of evidence as evaluating the testimony of suspects and accused, but also by the fact that in recent years the problem under consideration has not been given due attention in the context of the criminal policy being implemented.

Keywords: criminal proceedings; preliminary investigation; suspect; accused; crime; trial; evidence; testimony.

For citation: *Altukhov S. A., Lyubimov A. V. Testimony of a Suspect Accused in a Criminal Trial as a Source of Evidence: Problems of Evaluation Based on the Analysis of Law Enforcement Practice. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 153–163. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-153-163>

Введение

На протяжении последних десятилетий Россия предприняла целый ряд усилий на пути построения правового государства, закрепив основополагающие демократические принципы и ценности (законность, равенство всех перед законом, справедливость, гуманность и т.д.) как в Конституции РФ, так и в каждом федеральном законе, в том числе в уголовном и уголовно-процессуальном. Но одно дело – провозгласить такие начала и положения, и совсем другое – реализовать их на практике, внедрить их в качестве обязательных и неукоснительных требований для правоприменителей.

Нужно признать, что указанные принципы считались значимыми и ранее. Так, например, ст. 127 Конституции СССР 1936 г. предусматривалась неприкосновенность личности гражданина, что в свою очередь гарантировало невозможность его ареста без постановления суда или санкции прокурора [1]. Хотя в ходе репрессий 30-х–50-х гг. прошлого века указанный принцип нередко подменялся политической целесообразностью и идеологическими целями.

В контексте исследуемой проблемы примечательны слова, приписываемые Генеральному прокурору СССР А. Я. Вышинскому (1935–1939 гг.), о «царице» доказательств, основу которой составляло признание лица в совершенном преступлении. В период сталинских репрессий таким признаниям отчасти был придан вид законности, что в итоге отражалось на значительном количестве завершенных «политических» дел, основанных на признаниях, полученных в результате физического и психического воздействия (пытках) на подозреваемых и обвиняемых. Примечательно, что А. Я. Вышинский в своем труде «Теория судебных доказательств в советском праве», высказывая мысль о недооценке показаний обвиняемого, указывал, что неправильная оценка признаний лица в совершенном деянии не должна являться единственным доказательством и восприниматься за «истину в последней инстанции», поскольку такие показания могли быть получены в результате грубейших нарушений уголовно-процессуальной деятельности [2, с. 179–180].

1. Современное состояние проблемы защиты прав подозреваемых и обвиняемых

В настоящий период уголовно-процессуальное законодательство определяет довольно широкий перечень правовых средств, направленных на обеспечение защиты прав участников уголовного судопроизводства, включая подозреваемого и обвиняемого, а также соблюдения гарантий независимости защитников при оказании им квалифицированной юридической помощи. В то же время, анализ правоприменительной практики показывает, что, указанные гарантии, к сожалению, нивелируются по своей сути ярко выраженным обвинительным уклоном как на стадии предварительного расследования, так и при рассмотрении уголовного дела. Это подтверждают и результаты судебной практики последних лет. Шанс оправдательного приговора «стремится к нулю» – так можно прокомментировать итоги приговоров, выносимых судами РФ в 2020 г. Действительно, 0,36% оправдательных приговоров [3], вынесенных в период активной «фазы» построения правового государства в сравнении с периодом сталинских репрессий, когда такие приговоры выносились более чем в каждом 10-м случае (в 1936 г. – 10,9%, в 1937 г. – 10,3%, в 1938 г. – 13,4%, в 1939 г. – 11,1%) [4], наводит на мысль либо о повышении качества следствия, либо о формальной и весьма поверхностной реализации принципов состязательности и равноправия сторон субъектами правоприменения. Кстати, в 2021 г. удельный вес оправдательных приговоров снизился до 0,23% (1147 человек из 505 523 осужденных).

Судя по всему, с первым тезисом согласиться будет крайне сложно, учитывая вал нареканий как самих граждан, так и надзирающих органов к производству дознания и следствия (прокуроры ежегодно выявляет свыше 5 млн нарушений в этой сфере) [5, с. 222]. Это подтверждается и результатами обращений граждан к Уполномоченному по правам человека в РФ. Так, жалобы по вопросам нарушений уголовно-процессуального законодательства в течение последних трех лет занимают первое место в тематике всех обращений граждан [5, с. 27–28].

Проблема обеспечения прав участников уголовно-процессуальной деятельности в части соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон, по на-

шему мнению, в большей степени отражает суть и весьма тревожные тенденции уголовного судопроизводства в стране, которое должно выступать мерилom и индикатором равенства и справедливости в обществе. И в большей части эта проблема связана с нарушениями прав подозреваемых и обвиняемых.

Следует признать, что действующий уголовно-процессуальный закон (ст. 51, 75, 77, 276 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)) [6] не обеспечивает таким участникам всей полноты гарантий и защиты от незаконных методов ведения следствия, в том числе и с целью получения «нужных» стороне обвинения показаний. Не решают указанную проблему и факты привлечения к уголовной ответственности сотрудников правоохранительных органов за превышение должностных полномочий, фальсификацию доказательств, незаконное привлечение к уголовной ответственности и другие преступления.

2. От причин к следствиям

Корни указанных проблем отчасти лежат в плоскости до сих пор не изжитой «палочной» системы, ориентированной преимущественно только на положительные показатели раскрываемости преступлений. Как следствие, допускаемые сотрудниками следствия и дознания нарушения уголовно-процессуального законодательства при собирании доказательств, могут остаться без надлежащей оценки судьями и в процессе вынесения решений по делу. Причиной тому, по нашему мнению, является то, что суд перестает выступать в качестве независимого органа государственной власти, он постепенно превращается в важную, но составную часть сложной, но в то же время управляемой правоохранительной системы, в которой крайне неудобно проявлять принципиальность и оппонировать представителям МВД, ФСБ, СК, прокуратуры и т.п. К тому же общая заинтересованность указанных ведомств в отсутствии правоприменительных ошибок, в том числе на выходе (после постановления обвинительного приговора) устраивает практически всех.

Следственно-судебная практика показывает, что одним из важных и необходимых доказательств по уголовному делу являются показания подозреваемого и обвиняемого. Кстати, Свод законов 1857 г. (ст. 316) определял собственное признание подсудимого, «...лучшим свидетельством всего света» [7]. Указанное положение отчасти используется и в современном процессе. Так, например, при расследовании уголовных дел о кражах доказательственная база зачастую основывается на показаниях подозреваемого и обвиняемого, точнее их признательных показаниях, которые необходимо в дальнейшем проверить и сравнить с иными доказательствами, например, протоколом проверки показаний на месте, показаниями свидетелей – приобретателями похищенного имущества, протоколами выемок, обысков и т.п.

Характерным примером такой практики является приговор, вынесенный Пролетарским районным судом от 16 ноября 2016 г. несовершеннолетнему Б., который был признан виновным в краже золотого кольца потерпевшего. Доказательством его вины послужили не только показания свидетеля П. которого виновный попросил сдать золотое кольцо в ломбард, так как сам являлся несовершеннолетним, протокол выемки вещественного доказательства, и материалы проверки показаний на месте обвиняемого Б. Однако анализ собранных по делу доказательств

показал, что хронологически в качестве первого доказательства в материалах дела фигурирует показания подозреваемого Б., который признался в совершенном преступлении, подробно рассказал о его обстоятельствах, что позволило собрать и другие доказательства по делу. В случае отсутствия признательных показаний Б., отсутствовали бы и другие доказательства по делу, подтверждающие его причастность к преступлению [8]. Каким образом получены признательные показания Б., неизвестно.

В других случаях практически все обвинение по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических средств организованной группой основывалось на показаниях одного из соучастников, изобличавших других членов преступной группы в совершении преступлений. Авторы статьи надеются, что в этих и других подобных случаях сотрудники правоохранительных органов использовали исключительно законные оперативные и криминалистические средства и методы раскрытия преступлений. Но стоит ли полностью игнорировать известный постулат о том, что «царицей» доказательств является признание лица в совершенном преступлении. Ведь согласно ч. 2 ст. 77 УПК РФ показания обвиняемого это лишь одно из доказательств, и они не могут быть положены в основу обвинения при отсутствии совокупности других доказательств.

3. Требования закона и практика его применения

Закон требует, чтобы все доказательства по делу были собраны в строгом соответствии с процессуальными требованиями. При этом должны быть соблюдены и требования к признакам самих доказательств, которые должны соответствовать критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Анализ судебной практики показывает, что нарушения при производстве следования по уголовным делам чаще всего обусловлены несоблюдением требований закона при собирании доказательств, а также последующей их неправильной проверкой и оценкой. Так, сбор и приобщение к материалам уголовного дела доказательств, не отвечающих критериям относимости и допустимости, приводит к утрате ими юридической силы и возможности использовать их в качестве доказательств (ст. 75 УПК РФ). Например, такое обстоятельство нередко возникает в случае с показаниями подозреваемого, обвиняемого, которые он давал при производстве расследования по уголовному делу в отсутствие защитника, в том числе тогда, когда он отказался от него, но потом не подтвердил эти показания в суде.

Несовершенство уголовно-правовой конструкции п. 1 ч. 2 ст. 75 проявляется и на уровне положений ст. 51 УПК РФ об обязательном участии защитника. По мнению А. И. Александрова, право на защиту является важным правовым элементом, реализация которого осуществляется путем приглашения квалифицированного специалиста, коим является адвокат. Вместе с тем, допускаются случаи, когда такие нормы становятся фикцией, в случае, если адвокат состоит в сговоре со следователем, тем самым фактически действуя в интересах обвинения. Такие адвокаты называются как «карманные» [9].

Перечень случаев, когда участие защитника обязательно, согласно ст. 51 УПК РФ является исчерпывающим. Из положений данной статьи вытекает безусловное пра-

во подозреваемого, обвиняемого, или иного лица, в отношении которого осуществляются меры процессуального принуждения, отказаться от услуг защитника, за исключением указанных в ст. 51 УПК РФ случаев. Вместе с тем, несовершенство такой законодательной конструкции усматривается в отсутствии упоминания о необходимости выяснения факта, что подозреваемый, обвиняемый реально не нуждается в услугах защитника, и указания на прямой запрет участия защитника, когда нуждаемость в нем отсутствует согласно позиции подозреваемого, обвиняемого. К тому же анализ следственно-судебной практики показывает, что иногда участие защитника – это не благо, а зло, как, например, в уголовном деле известного российского актера – М. Ефремова.

Авторы настоящего исследования смеют утверждать, что в настоящее время практически по всем уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения обеспечивается участие защитника. Однако в контексте мнения, высказанного А.И. Александровым, и на основании личного практического опыта одного из авторов, можно констатировать факт, что далеко не всегда дознаватели и следователи руководствуются соображениями законности, обеспечивая обязательное участие защитника на досудебной стадии. Конструкция п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, к сожалению, способствует такому порядку вещей.

Как следствие, сотрудники правоохранительных органов стараются «страховать» себя от тех случаев, когда подсудимый, будучи допрошенным на предварительном следствии или дознании без защитника, и дав признательные показания, затем в суде отказывается от своих показаний, что автоматически исключает такие показания из числа допустимых доказательств.

Такая правовая ситуация зачастую порождает другую проблему, связанную с реальным обеспечением подозреваемого, обвиняемого права на защиту. По нашему мнению, такая проблема связана с так называемыми дежурными адвокатами, действующими по назначению на основании постановления дознавателя, следователя, суда. Нередки случаи, когда следователями приглашаются для осуществления следственных действий, в том числе допросов подозреваемых, обвиняемых наиболее лояльных адвокатов, не занимающих активную позицию, направленную на защиту. Мотивации на оказание надлежащей правовой помощи и реальную защиту у таких адвокатов, как правило, нет в силу отсутствия соглашения с подзащитным и гарантированной оплаты его труда государством (сегодня это 1500 руб. в день) [10]. Работа такой категории защитников может сводиться лишь к формальному присутствию при соответствующем процессуальном действии и подписанию протокола следственного действия без должного вникания в обстоятельства дела.

Участие в процессе таких защитников является грубейшим и фундаментальным нарушением права на защиту, поскольку в случае последующего отказа подсудимого в ходе судебного следствия от показаний, данных в присутствии недобросовестного адвоката на предварительном следствии или дознании, это лишает возможности суд признать их недопустимыми, поскольку в ходе досудебного производства подозреваемый, обвиняемый мог и оговорить себя. В конечном итоге это исключает возможность установить истину по делу.

Анализ судебной практики также показывает, что нередко подсудимый уже в судебном заседании заявляет о самооговоре. В качестве доводов такие лица часто ссылаются на факты принуждения со стороны сотрудников правоохранительных органов. На этот случай закон предусматривает возможность оглашения показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе расследования по уголовному делу, с целью устранения существенных противоречий (ст. 276 УПК РФ). Казалось бы, такой подход позволяет судье, исходя из оценки всей совокупности собранных по делу доказательств и по своему внутреннему убеждению, выбрать, какие показания подсудимого являются правдивыми и соответствуют критериям допустимости, относимости и достоверности. Но наличие такой возможности, согласно ст. 276 УПК РФ, в случае обеспечения подозреваемого, обвиняемого «дежурным» защитником, фактически самоустранившего от квалифицированной юридической помощи, в большинстве случаев проблему только усугубляет.

С точки зрения закона оба доказательства – показания подозреваемого, обвиняемого, данные при производстве расследования по уголовному делу и оглашенные в ходе судебного следствия, и его показания, данные в судебном заседании, равнозначны. Выбор между ними производится судом в результате оценки их относимости, допустимости и достоверности в совокупности с иными собранными по делу доказательствами. К сожалению, этот выбор в большинстве случаев осуществляется в пользу показаний, данных на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Более того, в случаях отказа подсудимого от показаний, данных на стадии досудебного производства, в судебном заседании ему предъявляется протокол его допроса на предварительном следствии. Практически всегда констатируется факт, что все подписи в протоколе принадлежат подсудимому, протокол соответствует всем предъявляемым требованиям, допрос проводился в присутствии защитника и т.д. В связи с этим суд подвергает позицию подсудимого критической оценке, указывая затем в приговоре, что изменение показаний подсудимого вызвано его стремлением избежать уголовной ответственности. Причем, как правило, в случае заявления подсудимого о незаконных методах ведения следствия, судом назначается процессуальная проверка его доводов, которая проводится следователями Следственного комитета, но и она практически всегда констатирует факт отсутствия доказательств каких-либо нарушений, указанных подсудимым.

Вышеизложенное подтверждает и судебная практика. Так, согласно приговору Пролетарского районного суда Ростовской области от 15 марта 2016 г. В. и К. были осуждены за совершение преступления, предусмотренного п. «а, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Преступление они совершили при следующих обстоятельствах. 8 июня 2015 г. в 18 часов, находясь на участке местности в районе домовладения Г. п. Протоки, с целью кражи, действуя по предварительному сговору, на автомобиле марки ВАЗ, принадлежащем В., они похитили принадлежащего потерпевшему Г. теленка, чем причинили ему значительный материальный ущерб.

На предварительном следствии В. и К. дали признательные показания, пояснив, что действительно похитили теленка. Однако в ходе судебного заседания от своих показаний они отказались, пояснив, что нашли теленка, подумав, что он никому не принадлежит, и забрали его себе. Оценив показания данных лиц на предвари-

тельном следствии и в суде, суд дал им следующую правовую оценку. Установлено, что в ходе расследования по делу подсудимые в процессе допросов в качестве подозреваемых с участием их адвокатов дали признательные показания. Показания их подробны, последовательны и не противоречат друг другу и другим материалам дела. Из показаний подсудимых на предварительном следствии следует, что они в достаточной мере осознавали правовую природу содеянного – именно кражи имущества у потерпевшего Г. Основания для признания таких показаний в качестве недопустимых доказательств, отсутствуют. Вину В. и К. подтверждает совокупность иных добытых в ходе расследования и исследованных судом доказательств. С учетом таких обстоятельств суд не усмотрел правовых оснований для квалификации действий подсудимых, как присвоение найденного имущества, согласно положениям Гражданского кодекса РФ [11].

Таким образом, фактически в большинстве случаев противоречия в показаниях подозреваемого, обвиняемого и подсудимого не устраняются, тем самым, положения ч. 3 ст. 14 УПК РФ о неустранимости сомнений, провозглашаются, но игнорируются, что не идет в разрез с принятыми Россией обязательствами в связи со вступлением в Совет Европы. Так, в своем постановлении от 10 февраля 1995 г. № 308/96 по делу «Аллене Де Рибемон против Франции» Европейский суд по правам человека прямо указал, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод должна трактоваться таким образом, чтобы гарантировать конкретные и реальные, а не иллюзорные и теоретические права [12].

Вместо заключения. О необходимости внесения конструктивных изменений в УПК РФ

В целях совершенствования правового механизма, направленного на безусловное соблюдение прав и гарантий лица, привлеченного к уголовной ответственности, необходимо внесение соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, исключающих возможность и целесообразность принятия судом решения о выборе в качестве доказательств противоречивых показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе предварительного расследования и показаний подсудимого на судебном следствии. В случае наличия существенных противоречий, суду надлежит учитывать только показания, данные в судебном заседании.

С учетом того, что предварительное следствие не носит публичного характера (тот же допрос подозреваемого, обвиняемого осуществляется следователем лишь в присутствии защитника), возможность злоупотреблений со стороны лица, производящего расследование, намного выше, чем при судебном производстве. Поэтому предлагаемые изменения будут в полной мере способствовать соблюдению принципа непосредственности исследования судом доказательств, предоставив судье право критически оценивать результаты предварительного следствия и дознания в пользу судебного следствия. Полагаем, что в таком случае будут в полной мере реализованы положения закона о том, что показания подозреваемого, обвиняемого – лишь одно из доказательств. А это в свою очередь обяжет сотрудников правоохранительных органов добросовестно собирать по делу совокупность всех необходимых и достаточных доказательств.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция СССР (утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г.). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 27.10.2022).

2. *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.

3. 99,64%. С такой вероятностью Вас признают виновным, если дело дойдет до суда. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/08/11/73453-pered-kem-vy-opravdyvaetes> (дата обращения: 27.10.2022).

4. *Кожевников М. В.* История советского суда, 1917–1956 годы. М. : Госюриздат, 1957.

5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. М., 2021.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

7. Свод законов Российской империи, 1857. URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 27.10.2022).

8. Пролетарский районный суд Ростовской области. URL: https://proletarskys--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=174520845&case_uid=50236ea5-e1db-4661-80af-2179c9d86734&delo_id=1540006 (дата обращения: 27.10.2022).

9. *Александров А. И.* Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России : актуальные проблемы // Российский следователь. 2019. № 8.

10. В 2021 году при расчете размера вознаграждения адвокатов по назначению должны применяться новые ставки. URL: <https://www.garant.ru/news/1431470/> (дата обращения: 27.10.2022).

11. Ростовский областной суд. URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6231055&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 27.10.2022).

12. Дело «Аллене Де Рибемон (*Allet De Ribemont*) против Франции». Постановление Суда от 10.02.1995. URL: https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Allenet_De_Ribemont_v_France_10_02_1995.pdf (дата обращения: 27.10.2022).

References

1. The Constitution of the USSR (approved by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on 5 December 1936). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

2. *Vyshinskii A. Ia.* The Theory of Judicial Evidence in Soviet Law. Moscow: Legal Publishing House of the NKlu USSR, 1941. (In Russ.)

3. 99.64%. With such a probability, you will be found guilty if the case goes to trial. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/08/11/73453-pered-kem-vy-opravdyvaetes> (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

4. *Kozhevnikov M. V.* History of the Soviet Court, 1917–1956. Moscow: Gosizurizdat, 1957. (In Russ.)

5. Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2020. Moscow, 2021. (In Russ.)

6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

7. Code of Laws of the Russian Empire, 1857. URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

8. Proletarsky District Court of the Rostov region. URL: https://proletarskys--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=174520845&case_uid=50236ea5-e1db-4661-80af-2179c9d86734&delo_id=1540006 (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

9. *Alexandrov A. I.* Ensuring the Right of the Accused (Suspect) to Defense in the Criminal Process of Russia: Actual Problems. *Russian Investigator*, 2019, no. 8. (In Russ.)

10. In 2021, new rates should be applied when calculating the amount of remuneration for lawyers by appointment. URL: <https://www.garant.ru/news/1431470/> (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

11. Rostov Regional Court. URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6231055&delo_id=4&new=4&text_number=1 (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

12. Case of *Alenet de Ribemont v. France*. Court’s Ruling of 10 February 1995. URL: https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Allenet_De_Ribemont_v_France_10_02_1995.pdf (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

Сведения об авторах:

С. А. Алтухов – кандидат юридических наук, доцент.

А. В. Любимов – почетный судья в отставке.

Information about the authors:

S. A. Altukhov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

A. V. Lyubimov – retired honorary judge, associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 09.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Оказание бесплатной юридической помощи
и правовое просвещение населения. Юридическое образование.
Рекомендации практикующих юристов

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-164-173>

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ ДЛЯ САМОЗАНЯТЫХ

Сергей Юрьевич Кукуев¹

Марат Тумабекович Турманов²

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Общество с ограниченной ответственностью «Гиберно», 121205, Россия, г. Москва, вн.тер.г. Муниципальный Округ Можайский, тер. Сколково Инновационного Центра, б-р Большой, д. 42, стр. 1

¹ s-kukuev@mail.ru

² m.turmanov@gmail.com

Аннотация

Экспериментальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», введенный в Российской Федерации с 2018 г., создал новые условия для увеличения экономической активности населения в легальном поле, предоставил возможность привлекать временный персонал для разовых поручений по упрощенной модели, предоставил возможность цифровым платформам вывести создать новые сервисы для организации деятельности самозанятых граждан. Операторы электронных площадок или цифровые платформы стали новыми участниками организации взаимодействия самозанятых граждан с иными участниками частных отношений, которые нуждаются в их услугах, а также стали важным элементом в выстраивания отношений самозанятых с Федеральной налоговой службой (далее также – ФНС РФ). В связи с этим интересной является проблема допустимого предела алгоритмизации правоотношений с участием самозанятого как формы организации социальной модели поведения указанного субъекта и лиц, которые обращаются к нему за услугами по выполнению разовых поручений.

Ключевые слова: алгоритмизация правоотношений; налог на профессиональный доход; самозанятые; оператор электронной площадки; цифровая платформа для самозанятых.

Для цитирования: Кукуев С. Ю., Турманов М. Т. Алгоритмизация правоотношений: на примере цифровых платформ для самозанятых // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 165–173. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-164-173>

Research Article

ALGORITHMIZATION OF LEGAL RELATIONS: ON THE EXAMPLE OF DIGITAL PLATFORMS FOR THE SELF-EMPLOYED

Sergey Yu. Kukuev¹

Marat T. Turmanov²

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

² Giberno LLC, 42, Bldg. 1 Bolshoi b-r, Skolkovo Innovation Center ter, ext.ter.g.
Mozhaisky Municipal District, Moscow, 121205, Russia

¹ s-kukuev@mail.ru

² m.turmanov@gmail.com

Abstract

The experimental tax regime “Professional Income Tax” introduced in the Russian Federation since 2018 has created new conditions for increasing the economic activity of the population in the legal field, provided an opportunity to attract temporary staff for one-time assignments according to a simplified model, provided an opportunity for digital platforms to bring out new services for organizing the activities of self-employed citizens. Operators of electronic platforms or digital platforms have become new participants in organizing the interaction of self-employed citizens with other participants in private relations who need their services, and have also become an important element in building self-employed relations with the Federal Tax Service of the Russian Federation. In this regard, the problem of the permissible limit of algorithmization of legal relations with the participation of the self-employed, as a form of organization of the social model of behavior of the specified subject and persons who turn to him for services to fulfill one-time assignments, is interesting.

Keywords: algorithmization of legal relations; professional income tax; self-employed; electronic platform operator; digital platform for the self-employed.

For citation: Kukuev S. Yu., Turmanov M. T. Algorithmization of Legal Relations: On the Example of Digital Platforms for the Self-Employed. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 1, pp. 165–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-164-173>

Введение

Современный уровень развития технологий предложил обществу новые формы взаимодействия между субъектами – опосредованное взаимоотношение через программы для ЭВМ (далее также – сервисы). Взаимодействие осуществляется либо полностью через сервис, без прямого контакта субъектов, либо взаимодействие через сервис минимизирует этот контакт до выполнения ограниченных операций.

Перевозка пассажиров в такси, доставка еды, аренда жилья – все это примеры работы сервисов, которые в настоящий момент исключают прямое взаимодействие субъектов, либо существенно снижают уровень прямого взаимодействия субъектов, исключая взаимодействие по вопросам согласования предмета заключаемого договора и условий оплаты. Под прямым взаимодействием субъектов, мы понимаем их физический контакт, который сводится к заключению договора в устной или письменной формах, с необходимостью согласования, как минимум, условия о предмете, а зачастую – и условия о цене.

Сервисы могут быть формой организации взаимодействия исполнителя со своими контрагентами, выраженной в виде сайта и (или) мобильного приложения. Такие сервисы были популярны на заре Интернета, когда каждый участник экономической деятельности пытался подобным образом себя индивидуализировать и продвинуть на соответствующем рынке.

Относительно новой формой сервисов являются программы для ЭВМ, выполняющие функции «связующего звена», «суперсервиса», «супераппа» – системы с расширенным функционалом. Подобные сервисы предоставляют возможность исполнителю и заказчику найти друг друга и заключить сделку онлайн. Например, позволяют пассажиру и перевозчику вступить в отношения по оказанию услуг перевозки товара; ресторану – продавать и доставлять свою еду без необходимости обслуживания посетителя на своей территории. Помимо базовых функций, суперсервисы имеют сопутствующие функции оплаты, контроля качества, отзывов и т.п. Данные суперсервисы следует идентифицировать как электронные или цифровые платформы, которые объединяют в себя множество участников экономической деятельности, где каждому отводится роль на выполнение определенной функции (организация координационного процесса, продажа, доставка, потребление), а также предоставляется право на исполнение этой функции с целью получения дохода в своих интересах.

Цифровые платформы, на первом этапе их развития, решали задачу выстраивания частных отношений между субъектами. Платформа позволяла субъекту, имеющему возможность продать товар, выполнить работу или оказать услугу, разместить свое предложение, заявить о себе как о субъекте, который находится в поиске контрагентов. Цифровая платформа выступала некоей классифай платформой или доской объявлений, объявления на которой содержали все существенные условия договора, который предлагалось заключить. Сам же договор на первых этапах мог заключаться без участия платформы. После принятия Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и предоставления возможности участникам частных отношений заключать сделки с использованием простой электронной подписи, цифровые платформы активно начали

внедрять решения по заключению договоров между исполнителями и заказчиками «внутри» системы.

Некоторые цифровые платформы обеспечили возможность контроля исполнения сделок внутри системы, в зависимости от содержания сделки. Например, перевозку пассажира стало возможно отследить по GPS/ГЛОНАСС-трекеру автомобиля исполнителя, исходя из ранее согласованного в системе предмета договора перевозки. Оплату перевозки возможно проконтролировать посредством выполнения оператором цифровой платформы функции агента по переводу денежных средств и появлению систем интернет-эквайринга.

Цифровые платформы без прямого, значительного вмешательства в частные правоотношения, предоставили возможность участникам вступать в них, масштабировать свою деятельность за счет ресурсов цифровых платформ.

На данном этапе алгоритмизация частных отношений цифровыми платформами по выполнению конкретных функций (перевозка пассажиров такси, доставка еды) полностью завершилась, системы предоставляли возможность вступить в правоотношения, изменить их, исполнить – все онлайн. Отношения субъектов, возникшие через цифровую платформу, перевели в алгоритм – строго определенные команды системы, определяющие динамику отношений, определяющие поведение субъекта в правоотношении: «заказать», «оплатить», «доставить», «вернуть». Алгоритмы позволяют организовать контроль исполнения обязанностей, взятых субъектами отношений и зафиксировать результат контроля над правоотношениями в форме логов системы и визуальной выдачи пользователям системы.

Решив основные задачи с обеспечением возможности субъектов вступать посредством цифровой платформы в частные отношения, в «серой» зоне оставалась налоговая модель взаимодействия между субъектами и оператором цифровой платформы. Цифровые платформы отправляли вознаграждения исполнителями через посредников. Сами же посредники делали выплаты без удержания НДФЛ и страховых взносов от источника (например, решение Арбитражного суда Ульяновской области по делу № А72-236/2020). Факт возможного удержания НДФЛ и страховых взносов с исполнителей исключили бы рентабельность работы исполнителя и цифровой платформы.

Реализовать весь потенциал цифровых платформ, без необходимости использовать сомнительные формы взаимоотношений между участниками без уплаты НДФЛ и страховых взносов, в том числе стало возможным после вступления в силу Федерального закона от 27 ноября 2018 г. №422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – ФЗ №422).

1. Новая роль плательщиков налога на профессиональный доход (самозанятых) в процессе алгоритмизации правоотношений с участием цифровых платформ

Плательщик налога на профессиональных доход (далее – самозанятый), как участник частных отношений, не обладает какими-либо преференциями, на него равным образом распространяются нормы частного права.

В тоже время данный субъект, как участник налоговых правоотношений, в силу п. 8 ст. 2 ФЗ № 422 освобождаются от налогообложения налогом на доходы физических лиц в отношении доходов, являющихся объектом налогообложения налогом на профессиональный доход. Согласно п. 2 ст. 15 ФЗ № 422 выплаты и иные вознаграждения, полученные налогоплательщиками – физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями, подлежащие учету при определении налоговой базы по налогу, не признаются объектом обложения страховыми взносами для плательщиков, указанных в абз. 4 подп. 1 п. 1 ст. 419 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ). Индивидуальные предприниматели, указанные в подп. 2 п. 1 ст. 419 НК РФ, не признаются плательщиками страховых взносов за период применения специального налогового режима налог на профессиональный доход.

Таким образом, в отношении организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих выплаты в пользу самозанятых не применимы привычные для работников или физических лиц-исполнителей, заключивших гражданско-правовой договор положения ст. 226 или 419 НК РФ, обязывающие удерживать налоги от источника дохода и страховые взносы.

Новый налоговый режим позволил упростить работу цифровых платформ, исключив «серые» модели выплат через компании-посредники, которые привлекали конечных исполнителей.

Цифровые платформы предоставили возможность самозанятым исполнителям заключать прямые договоры с заказчиками (через цифровую платформу), в свою очередь с цифровыми платформами заключались лицензионные договоры и (или) договоры оказания услуг, включая услуги по переводу денежных средств исполнителю. Посредники, ранее выплачивающие вознаграждения исполнителям – физическим лицам, пропали как субъекты, имеющие отдельную роль во взаимоотношении с цифровой платформой, или изменили свою роль, став участниками отношений по предоставлению средств и ресурсов, необходимых самозанятым для выполнения работ. Например, начали предоставлять в аренду автомобили или средства индивидуальной мобильности (самокаты, велосипеды и т.п.).

Причиной модернизации конструкции частных отношений внутри цифровой платформы стал новый правовой режим, упростивший частные отношений, сделав их более прозрачными, доходнее.

Таким образом, новый налоговый режим «Налог на профессиональный доход» позволил цифровым платформам вступать в прямые отношения с исполнителями-самозанятыми, организуя им выплату от заказчиков, без удержания НДС и страховых взносов от источника.

Самозанятый как субъект, оказывающий услуги через цифровые платформы, стал новым участником процесса алгоритмизации правоотношений.

Причиной алгоритмизации правоотношений с участием самозанятых послужили две предпосылки.

1) неготовность большого количества самозанятых-исполнителей к прямой уплате налогов. Бывшие работник по трудовым договорам, гражданско-правовым договором без статуса индивидуального предпринимателя или участники «гаражной» экономики не были обременены ранее обязанностью платить налоги с дохода «за себя»,

за исключением крупных продаж (квартиры, машины), предусматривающих однократное декларирование дохода по итогам календарного года по форме 3-НДФЛ.

2) неудобство базового механизма получения чеков от самозанятых, который предусматривал контакт заказчика и исполнителя, а зачастую «розыск» заказчиком исполнителя с требованием выдать чек об оплаченной работе. Подобная погоня за чеками самозанятых обусловлена желанием заказчиков – юридических лиц закрыть вопрос с подтверждением затрат по налогу на прибыль или расхода по упрощенной системе налогообложения, а также обезопасить себя от вопроса налогообложения дохода физического лица НДФЛ и страховыми взносами от источника выплаты, согласно разъяснениям ФНС РФ [1].

Нормативный задел для решения подобных сложностей был заложен в ФЗ № 422, который наделил кредитные организации и операторов электронных площадок (цифровых платформ) правом уплачивать налог на профессиональный доход по поручению самозанятого за него в пользу ФНС РФ и предоставил возможность формировать чеки о полученных денежных средствах за самозанятого, отправлять их контрагентам самозанятого.

Кредитным организациям также предоставили возможность регистрировать физических лиц как самозанятых вне приложения «Мой налог», добавляя подобный функционал как элемент системы «банк-клиент».

2. Анализ норм права, определяющих работу цифровых платформ для самозанятых

Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» стал ключевым источником, определяющим работы цифровых платформ для самозанятых.

В ФЗ № 422 установлен статус оператора электронных площадок – это организации и индивидуальные предприниматели, оказывающие с использованием сети Интернет услуги по представлению технических, организационных, информационных и иных возможностей с применением информационных технологий и систем для установления контактов и заключения сделок по реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав) между продавцами (исполнителями) и покупателями (заказчиками).

В соответствии с ФЗ № 422 оператор электронной платформы передает в ФНС России сведения о произведенных самозанятым расчетах, формирует за него чеки, предоставляет чеки заказчиком услуг самозанятого, исполняет, при наличии предоставленных полномочий, налоговые обязательства за самозанятого перед бюджетом.

Статус оператора может получить не каждая организация или индивидуальный предприниматель. Операторы электронных (цифровых) платформ осуществляют информационный обмен с налоговыми органами при условии соответствия требованиям (критериям) и соблюдения ими порядка, указанных в протоколах информационного обмена, размещаемых федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов (далее – Правила) [2].

Правила, являясь нормативным актом, принятым ФНС РФ, определяют: 1) порядок присвоения статуса оператора электронной (цифровой) платформы; 2) технические требования к оператору; 3) протокол обмена информации между оператором и ФНС РФ.

Протокол обмена информации между оператором и ФНС РФ состоит из описаний методов взаимодействия цифровой платформы с системой ФНС РФ. Например, раскрывает метод регистрации приложения партнера, метод запроса на привязки НП НПД к платформе-партнеру по ИНН, метод регистрации дохода партнером, метод получения информации по зарегистрированным доходам и т.д. Каждый метод содержит примеры запросов и ответов, которыми должны обмениваться цифровая платформа и система ФНС РФ, с целью исполнения самозанятым, зарегистрированным на платформе и представившим необходимые полномочия, своих налоговых обязательства.

Правила ФНС РФ, как нормативный акт нового типа, устанавливают не только норму дозволенного поведения, но содержат в себе технические условия реализации нормы, которая возможна только специальными субъектами, обладающими необходимыми техническими ресурсами. Сами Правила в большей степени понятны техническим специалистам, нежели правоведам и напоминают нормативные акты, принятые ФНС РФ при внедрении онлайн-касс [3; 4]. Регулирующий потенциал нормы раскрывается только после настройки интеграции с ФНС РФ в соответствии с Правилами, т.е. после перевода нормы права в программный код – алгоритм, определяющий информационное взаимодействие участников правоотношений в «боевом» режиме работы цифровой платформы.

Нормы ФЗ № 422 и Правил, утвержденных ФНС РФ, являются пример машиночитаемого права. Согласно Концепции развития технологий машиночитаемого права [5] машиночитаемое право – основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения).

Законодатель умышленно определил в ФЗ № 422 возможность принятия ФНС РФ машиночитаемых норм, ориентируясь на то, что новый налоговый режим должен быть «безбумажным» и позволить участникам экономических отношений без лишнего физического, непосредственного взаимодействия с органами исполнительной власти заниматься легальной деятельностью.

Подобные нормотворческие решения и подходы, позволили вывести на рынок значительное количество цифровых платформ для самозанятых [6]. Статистика регистрации самозанятых растет из года в год, так же как и их выручка. На конец 2022 г. количество зарегистрированных составляло 6 561 707 человек [7]. Создание упрощенных налоговых режимов, регулирование деятельности фрилансеров или «платформенной занятости» – это мировая тенденция [8].

Повышенное внимание к нормативному регулированию осуществления деятельности самозанятыми через цифровые платформы со стороны научного юридического сообщества обусловлено следующими тенденциями. Во-первых, экс-

партное сообщество прогнозирует рост количества самозанятых, которые будут осуществлять свою деятельность через цифровые платформы [9]. Во-вторых, новые задачи юридической доктрины, указывают на необходимость формирования научной основы для создания правовой инфраструктуры взаимодействия человека с технологиями [10].

Заключение

Вышеприведенные аргументы указывают на успешное нормативное регулирование деятельности операторов электронных (цифровых) платформ при рассмотрении проблемы алгоритмизации правоотношений, так как не алгоритм определяет поведение субъекта, а норма права утверждает алгоритм, который реализует данную норму. Не происходит деформация поведения участника правоотношения, когда поведение определяется цифровой системой, программой для ЭВМ в отсутствии нормы права или вопреки норме права.

Предел алгоритмизации правоотношений с участием самозанятого, как формы организации социальной модели поведения указанного субъекта и лиц, которые обращаются к нему за услугами по выполнению разовых поручений, не достигнуты.

Действующая работа оператора содержит возможность расширения его функций до тех, которыми обладают кредитные организации. Также сама система взаимодействия операторов с ФНС РФ требует модернизации. Необходимо решение проблемы учета прав на удержание налога несколькими операторами и кредитными организациями; возможно определение обязательного внедрения обязанности операторов по использованию номинальных счетов для расчетов с самозанятыми; утверждение стандартов финансового учета для операторов платформ.

Пристатейный библиографический список

1. Письмо ФНС от 20 февраля 2019 г. № СД-4-3/2899@ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Протокол информационного обмена, порядок информационного взаимодействия, требования (критерии) к операторам электронных площадок и кредитным организациям, осуществляемым взаимодействием с налоговыми органами. URL: <https://npd.nalog.ru/html/sites/www.npd.nalog.ru/InfoProtocols.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).
3. Приказ ФНС России от 21 марта 2017 г. № ММВ-7-20/229@ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ ФНС России от 14 сентября 2020 г. № ЕД-7-20/662@ // СПС «КонсультантПлюс».
5. В Правительстве утвердили Концепцию развития технологий машиночитаемого права. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_pravitelstve_utverdili_koncepciyu_razvitiya_tehnologiy_mashinochitaemogo_prava.html (дата обращения: 15.01.2023).
6. Перечень операторов электронных площадок. URL: <https://npd.nalog.ru/aggregators/> (дата обращения: 15.01.2023).

7. Динамика по количеству самозанятых. URL: <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/#/self-employment> (дата обращения: 15.01.2023).

8. Самозанятость на платформах : как создается новое направление права. URL: <https://pravo.ru/story/234012/> (дата обращения: 15.01.2023).

9. Эксперты : Платформенная занятость станет новым драйвером рынка. URL: <https://rg.ru/2022/10/10/eksperty-platformennaia-zaniatost-stanet-novym-drajverom-rynka.html> (дата обращения: 15.01.2023).

10. *Хабриева Т. Я.* Доклад «Технологии будущего и их проекции в праве» на конференции XVII Международную школу-практикум молодых ученых-юристов на тему «Право и технологии будущего». URL: <https://us02web.zoom.us/j/82595972050?pwd=VXAwSGRxVUdJU0VONU5HWWVWdHB4dz09> (дата обращения: 15.01.2023).

References

1. Letter of the Federal Tax Service of 20 February 2019 No. SD-4-3/2899@ (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

2. Protocol for Information Exchange, Procedure for Information Exchange, Requirements (Criteria) for Operators of Electronic Platforms and Credit Institutions Engaged in Interaction with Tax Authorities. URL: <https://npd.nalog.ru/html/sites/www.npd.nalog.ru/InfoProtocols.pdf> (date of the application: 15.01.2023). (In Russ.)

3. Order of the Federal Tax Service of Russia of 21 March 2017 No. MMB-7-20/229@ (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

4. Order of the Federal Tax Service of Russia of 14 September 2020 No. ED-7-20/662@ (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

5. The Government Approved the Concept for the Development of Machine-Readable Law Technologies. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_pravitelstve_utverdili_koncepciyu_razvitiya_tehnologiy_mashinochitaemogo_prava.html (date of the application: 15.01.2023). (In Russ.)

6. List of Operators of Electronic Platforms. URL: <https://npd.nalog.ru/aggregators/> (date of the application: 15.01.2023). (In Russ.)

7. Dynamics by the Number of Self-Employed. URL: <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/#/self-employment> (date of the application: 15.01.2023). (In Russ.)

8. Self-employment on platforms: how a new direction of law is created. URL: <https://pravo.ru/story/234012/> (date of the application: 15.01.2023). (In Russ.)

9. Experts: Platform employment will become a new market driver. URL: <https://rg.ru/2022/10/10/eksperty-platformennaia-zaniatost-stanet-novym-drajverom-rynka.html> (date of the application: 15.01.2023). (In Russ.)

10. *Khabrieva T. Ia.* Report “Technologies of the Future and Their Projections in Law” at the conference of the XVII International School-Practice for young legal scholars on the topic “Law and Technologies of the Future”. URL: <https://us02web.zoom.us/j/82595972050?pwd=VXAwSGRxVUdJU0VONU5HWWVWdHB4dz09> (date of the application: 15.01.2023). (In Russ.)

Сведения об авторах:

С. Ю. Кукуев – кандидат юридических наук, доцент.

М. Т. Турманов – генеральный директор ООО «Гиберно».

Information about the authors:

S. Yu. Kukuev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

M. T. Turmanov – General Director, LLC “Giberno”.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 18.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 17.03.2023.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-174-182>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Александра Владимировна Мужиченко

Университет прокуратуры РФ, 123022, Россия, Москва,

2-я Звенигородская улица, д. 15

Muzhichenko.alexandra@yandex.ru

Аннотация

Категория конституционных ценностей является одним из наиболее дискуссионных вопросов в науке конституционного права. Целью статьи является определение системы нормативных правовых актов, регламентирующих конституционные ценности. Используются общенаучные методы и частнонаучные методы. В результате автором сделан вывод о том, что правовое регулирование конституционных ценностей в системе российского права осуществляется непосредственно Конституцией РФ, актами Конституционного Суда РФ, нормами иного федерального законодательства и нормами международных правовых актов, не противоречащим Конституции РФ.

Ключевые слова: Конституция, Конституционный Суд, конституционная ценность, права человека, государство, общество.

Для цитирования: Мужиченко А. В. Правовое регулирование конституционных ценностей в системе российского права // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 174–182. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-174-182>

Research Article

LEGAL REGULATION OF CONSTITUTIONAL VALUES IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LAW

Alexandra V. Muzhichenko

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
15 2nd Zvenigorodskaya St., Moscow, 123022, Russia

Muzhichenko.alexandra@yandex.ru

Abstract

The category of constitutional values is one of the most controversial issues in the science of constitutional law. The purpose of the article is to define a system of normative legal acts regulating constitutional values. General scientific methods and private scientific methods were used. As a result, the author concludes that the legal regulation of constitutional values in the system of Russian law is carried out directly by the Constitution of the Russian Federation, acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, norms of other federal legislation and norms of international legal acts that do not contradict the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Constitution; Constitutional Court; constitutional value; human rights; state; society.

For citation: Muzhichenko A. V. Legal Regulation of Constitutional Values in the System of Russian Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 1, pp. 174–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-174-182>

Введение

Понятие и сущность конституционных ценностей являются достаточно дискуссионным вопросом в научной литературе в силу отсутствия единства мнений по данному вопросу. Многие ученые предпринимают попытки на основании проводимых ими исследований сформулировать собственное определение рассматриваемого понятия, что обуславливает существование в науке множества точек зрения по рассматриваемому вопросу. Стоит сказать и о том, что научным сообществом не достигнуто единого мнения относительно содержания понятия «конституционные ценности», что свидетельствует о неразрешенности данного теоретического вопроса до настоящего времени.

На основании анализа высказываемых в науке точек зрения можно выделить два главенствующих, на наш взгляд, подхода к определению сущности конституционных ценностей. В рамках первого подхода констатируется, что конституцион-

ные ценности выступают в качестве фундаментальных, базовых идей и принципов, являющихся направляющим вектором развития всего общества и государства. Например, О. А. Снежко, придерживаясь названного теоретического подхода, отмечает, что конституционные ценности представляют собой «основополагающие, предельно обобщенные принципы», лежащие в основе государственности [1].

А. Г. Тиковенко рассматривает конституционные ценности в качестве таких основополагающих и максимально обобщенных принципов, целей и установок, которые определяют дальнейшее социально-государственно-правовое развитие государства [2].

В свою очередь, В. В. Мамонов указывает на то, что конституционная ценность выступает в качестве политико-правовой категории, которая характеризует те базовые и основные интересы общества и государства, которые на определенном историческом развитии имеют наиболее важное значение [3].

В рамках второго подхода к определению сущности конституционных ценностей, такие ценности соотносятся с конкретными конституционными нормами и принципами. Суть данного подхода заключается в том, что конституционные нормы уже сами по себе обладают ценностью, в связи с чем, конституционные нормы отождествляются с конституционными ценностями [4].

Некоторые ученые также высказывают точку зрения о том, что конституционными ценностями являются не только непосредственно нормы Конституции РФ, но и также нормы иных законодательных актов, которые не противоречат конституционным положениям [5].

Так, Е. В. Ереклинцева пишет: «Под конституционными ценностями следует понимать совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в Основном Законе и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих наиболее оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов, опирающегося на принцип справедливости. Этим предопределяется возложение на государство в лице его органов соответствующих координирующих, контрольных и нормативно-регулятивных функций и конституционно-правовая ответственность за их выполнение» [6, с. 12].

1. Закрепление конституционных ценностей

В рамках настоящего исследования представляется возможным разделять точку зрения о том, что конституционные ценности могут быть закреплены только в Конституции РФ [7] или актах конституционного толкования, не возводя при этом в статус конституционных ценностей нормы иных законодательных актов. Обусловлено это, во-первых, тем, что конституционные предписания обладают наивысшей юридической силой, а во-вторых, тем, что все иные нормативные правовые акты, принимаемые на территории страны, не могут противоречить нормам, установленным в Конституции. Невозможность возведения в ранг конституционных ценностей положений иного федерального законодательства не видится логичным и обоснованным, поскольку любые законодательные акты на территории страны должны находиться в полном соответствии с нормами Конституции РФ.

Таким образом, представляется обоснованным говорить о том, что в рамках российского законодательства конституционные ценности могут быть закреплены только непосредственно нормами Конституции РФ, а также в актах Конституционного Суда РФ, выступающего как высший орган конституционного контроля на территории страны.

Однако к источникам правового регулирования конституционных ценностей действительно могут быть отнесены нормы федерального законодательства, в котором, как правило, конституционные нормы конкретизируются. Так, например, одной из бесспорно выделяемых в научной литературе конституционных ценностей выступают права и свободы человека. Права и свободы человека и гражданина регламентируются целым рядом норм федерального законодательства. Так, например, право на неприкосновенность частной жизни конкретизировано также в нормах Гражданского кодекса РФ, Уголовного кодекса РФ, Федерального закона «О персональных данных», Закона РФ «О средствах массовой информации» и ряда других нормативных правовых актов.

Так, первым и основным правовым источником, закрепляющим конституционные ценности российского государства, является Основной закон страны – Конституция РФ. Вопрос о том, какие именно ценности закреплены на конституционном уровне в современное время, является дискуссионным, поскольку учеными по данному поводу высказываются различные позиции. Так, например, М. С. Саликов и А. В. Нечкин к числу конституционных ценностей относят: человека, его права и свободы, принципы народного суверенитета, разделения властей, федеративного устройства, самостоятельности местного самоуправления, светского, правового и социального характера государства, идеологического многообразия, форму правления, саму действующую Конституцию РФ [8].

Г. Б. Ройзман классифицирует конституционные ценности, закрепленные в Основном законе страны, следующим образом: «Система конституционных ценностей может быть представлена как единство следующего набора принципов: во-первых, это права и свободы человека и гражданина как высшая ценность и иные ценности, определяющие правовое положение индивида в обществе и государстве: правовая государственность, социальная государственность, единство экономического пространства и свобода экономической деятельности, плюрализм и равная защита форм собственности, идеологический и политический плюрализм, гражданство Российской Федерации; во-вторых, следует назвать группу ценностей, предопределяющих организацию государственной власти: демократия и народный суверенитет, государственный суверенитет Российской Федерации, федерализм, республиканская форма правления, разделение властей на законодательную, исполнительную, судебную, светский характер государства, разграничение государственной власти и местного самоуправления» [9, с. 8–9].

Все из высказываемых точек зрения относительно перечня конституционных ценностей являются обоснованными и логичными, подвергать их какой-либо критике не представляется возможным в силу того, что привести исчерпывающий и единый перечень конституционных ценностей не представляется возможным. В данном случае многообразие высказываемых подходов обусловлено методи-

кой построения классификации конституционных ценностей, используемой конкретным автором.

Конституция РФ является единственным источником, который устанавливает и закрепляет конституционные ценности, т.е. придает определенным постулатам, идеям, принципам конституционно-правовое значение, обусловленное их высокой значимостью для общества и государства на конкретном этапе развития общества и государства. Однако, как справедливо отмечается в рамках научной литературы, «конституционные ценности не имеют конкретно-регулятивных свойств на уровне объективного права даже в случае их непосредственной формализации в тексте конституции, по причине абстрактности закрепляющих их формулировок» [10, с. 7].

2. Толкование конституционных ценностей Конституционным Судом РФ

В правоприменительной деятельности эффективное применение конституционных ценностей (и, соответственно, их реализация), возможны при наличии акта их дополнительного толкования Конституционным Судом РФ. Так, например, как уже было ранее указано, права и свободы человека и гражданина являются одной из основных конституционных ценностей. Нормами иного нормативного правового акта – Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» [11], конкретизировано такое право отдельной категории граждан РФ, как право на предоставление жилья. Конституционным Судом РФ в рамках осуществления конституционного судопроизводства данное право было распространено в том числе и на граждан, которые к моменту аварии на Чернобыльской АЭС находились в утробе матери, что является довольно специфичным для российской правовой системы, поскольку в рамках российской юридической практики существуют критерии живорождения, в соответствии с которым решается вопрос о том, с какого момента плод может рассматриваться как рожденный человек с соответствующим правовым статусом [12].

Так, Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобу гражданки, которая на момент катастрофы на Чернобыльской АЭС находилась в утробе матери, установил неправомерность лишения такого лица соответствующих выплат и пособий, а также отказ в постановке ее на очередь по предоставлению жилья как пострадавшего лица [13]. На основании выводов органа конституционного контроля, установил необходимость распространения названного выше права, в том числе и на лиц, которые к моменту Чернобыльской катастрофы находились в утробе матери и еще не были рождены.

Как уже было указано ранее, нормами иного федерального законодательства регламентируется и такое конституционное право граждан, как право на неприкосновенность частной жизни, которое является одной из составляющих такой конституционной ценности, как права и свободы человека и гражданина. Однако несовершенство законодательной регламентации рассматриваемого права зачастую влечет за собой возникновение сложностей в рамках правоприменительной деятельности по защите рассматриваемого права. Так, в частности, российское за-

конодательство не конкретизирует содержания таких категорий, как личная тайна или семейная тайна человека. Конституционный Суд РФ в рамках одного из своих постановлений указал, что под личной тайной человека стоит понимать все те сведения, которые лицо самостоятельно к таковым относит. Никакой иной субъект или орган публичной власти не уполномочен на определение перечня сведений, которые могут составлять личную тайну лица [14].

Таким образом, несмотря на полученный вывод о том, что любая ценность может быть воздвигнута в ранг конституционной только положениями Конституции РФ, важную роль в регламентации конституционных ценностей имеют акты Конституционного Суда РФ, в которых такие ценности конкретизируются. С учетом того, что органу конституционного контроля предоставлено исключительное право на осуществление толкования конституционных положений, можно констатировать, что основными, базовыми источниками правового регулирования конституционных ценностей в системе российского права выступают Конституция РФ и акты Конституционного Суда РФ.

С определенной долей условности можно сказать и о том, что международные правовые акты также в некоторой мере можно отнести к источникам правового регулирования конституционных ценностей. Так, например, до 22 ноября 2019 г. [15] Российская Федерация признавала за собой обязанности по соблюдению положений дополнительного протокола к Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны [16].

В настоящее время Российская Федерация соблюдает положения Женевской конвенции об обращении с военнопленными [17], нормами которых также регламентируются отдельные аспекты такой конституционной ценности, как права и свободы человека и гражданина.

Однако применительно к актам международного права, стоит сказать, что рассматривать их как источники правового регулирования конституционных ценностей в Российской Федерации (хотя и с определенной долей условности, как было отмечено ранее), можно лишь в том случае, если их положения находятся в полном соответствии с положениями Основного закона страны.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что вопрос относительно системы источников правового регулирования конституционных ценностей в Российской Федерации является довольно неоднозначным. На наш взгляд, единственным источником, которым определенные ценности могут быть воздвигнуты в ряд конституционных ценностей, является только Конституция РФ. Закрепление конституционных ценностей возможно только положениями Основного закона страны. В правоприменительной деятельности эффективное применение конституционных ценностей (и, соответственно, их реализация), возможны при наличии акта их дополнительного толкования Конституционным Судом РФ. Соответственно, важную роль в регламентации конституционных ценностей имеют акты Конституционного Суда РФ, в которых такие ценности конкретизируются. К источникам правового регулирования конституционных ценностей могут быть

отнесены нормы федерального законодательства, в котором, как правило, конституционные нормы конкретизируются. С определенной долей условности в данную систему можно включить также и акты международного права в той мере, в которой они находятся в соответствии с положениями Конституции РФ.

Пристатейный библиографический список

1. *Снежко О. А.* Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51).
2. *Тиковенко А. Г.* Конституционные ценности в теории и в правотворческой практике // Право и демократия. 2014. № 25.
3. *Мамонов В. В.* Конституционные ценности современной России // Вестник СГЮА. 2013. № 4 (93).
4. *Малый А. Ф., Пермилковский М. С.* Теория основ конституционной аксиологии // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4.
5. *Вилова М. Г.* Право на справедливое судебное разбирательство как конституционная ценность // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 1.
6. *Ереклинцева Е. В.* Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. *Саликов М. С., Нечкин А. В.* Конституционные ценности современного российского государства // European and Asian Law Review. 2020. № 1.
9. *Ройзман Г. Б.* Ценности в конституционном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.
10. *Клочко Е. И.* Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
11. Федеральный закон от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Приказ Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2017 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки Т.С. Овечкиной» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Федеральный закон от 12 ноября 2019 г. № 368-ФЗ «Об отзыве заявления, сделанного при ратификации Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I)» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Женевская конвенция об обращении с военнопленными (Женева, 12 августа 1949 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Snezhko O. A. The Legal Nature of Constitutional Values of Modern Russia. Comparative Constitutional Review*, 2005, no. 2 (51). (In Russ.)

2. *Tikovenko A. G. Constitutional Values in Theory and in Law-Making Practice. Law and Democracy*, 2014, no. 25. (In Russ.)

3. *Mamonov V. V. Constitutional Values of Modern Russia. Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2013, no. 4 (93). (In Russ.)

4. *Maly A. F., Permilovskii M. S. Theory of the Foundations of Constitutional Axiology. Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 4. (In Russ.)

5. *Vilova M. G. The Right to a Fair Trial as a Constitutional Value. Fundamental and Applied Research in the Modern World*, 2015, no. 1. (In Russ.)

6. *Ereklintseva E. V. Sovereignty and Democracy as Constitutional Values of Modern Russia: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Chelyabinsk*, 2010. (In Russ.)

7. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

8. *Salikov M. S., Nechkin A. V. Constitutional Values of the Modern Russian State. European and Asian Law Review*. 2020. No. 1. (In Russ.)

9. *Roizman G. B. Values in the Constitutional Law of the Russian Federation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Chelyabinsk*, 2012. (In Russ.)

10. *Klochko E. I. Constitutional Values in the Doctrine of Constitutional Law and the Practice of Constitutional Justice: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow*, 2018. (In Russ.)

11. Federal Law of 15 May 1991 No. 1244-I "On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Disaster" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

12. Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia of 27 December 2011 No. 1687n "On Medical Criteria of Birth, the Form of a Birth Certificate and the Procedure for Its Issuance" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13 December 2017 No. 40-P "On the Case of Checking the Constitutionality of Paragraph 6 of Part One of Article 13 of the Law of the Russian Federation 'On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Disaster' in Connection with the Complaint of Citizen T. S. Ovechkina" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28 June 2012 No. 1253-О "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Suprun Mikhail Nikolaevich for Violation of His Constitutional Rights by Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

15. Federal Law of 12 November 2019 No. 368-FZ "On the Withdrawal of the Declaration Made Upon Ratification of the Additional Protocol to the Geneva Conventions of August 12, 1949, Concerning the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I)" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

16. Geneva Convention on the Protection of Civilian Persons in Time of War (Geneva, 12 August 1949) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

17. Geneva Convention on the Treatment of Prisoners of War (Geneva, 12 August 1949) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. В. Мужиченко – аспирант.

Information about the author

A. V. Muzhichenko – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 03.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-183-192>

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДОЛЯМИ ООО КАК АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Василий Иванович Харин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

vasiliy_kharin@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы передачи доли ООО в доверительное управление для реализации обязанности предотвратить конфликта интересов государственным гражданским служащим. Автором выявлено отсутствие правовых оснований для реализации указанной процедуры. Целью работы явилось рассмотрение договора доверительного управления доли в ООО как антикоррупционной меры. Предметом исследования выступили положения доктрины и нормативные акты по рассматриваемому вопросу. Теоретико-методологическую основу составили труды ученых в области гражданского, корпоративного и антикоррупционного права, в которых упоминается рассматриваемый институт. Методом, использованным в настоящей статье, является формально-юридический. По результатам проведенного исследования предложено установить порядок и условия передачи доли в ООО как антикоррупционной меры государственным гражданским служащим на уровне федерального законодательства.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью; доля в уставном капитале общества; доверительное управление имуществом; государственная гражданская служба; противодействие коррупции; конфликт интересов; антикоррупционные механизмы.

Для цитирования: Харин В. И. Доверительное управление долями ООО как антикоррупционный механизм предотвращения конфликта интересов: проблемы и перспективы // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 183–192. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-183-192>

Research Article

TRUST MANAGEMENT OF LLC SHARES AS AN ANTI-CORRUPTION MECHANISM TO PREVENT CONFLICTS OF INTEREST: PROBLEMS AND PROSPECTS

Vasily I. Kharin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
vasiliy_kharin@list.ru

Abstract

The article deals with the problems of transferring the share of an LLC into trust management for the implementation of the obligation to prevent conflicts of interest to public civil servants. The author revealed the absence of legal grounds for the implementation of this procedure. The purpose of the work was to consider the contract of trust management of a share in an LLC as an anti-corruption measure. The subject of the study was the provisions of the doctrine and regulations on the issue under consideration. The theoretical and methodological basis was formed by the works of scientists in the field of civil, corporate and anti-corruption law, which mention the institution in question. The method used in this article is a formal legal one. Based on the results of the study, it was proposed to establish the procedure and conditions for transferring a share in an LLC as an anti-corruption measure to state civil servants at the level of federal legislation.

Keywords: limited liability company; participatory interest in the share capital of limited liability company; trust management of property; state civil service; anti-corruption; conflict of interest; anti-corruption mechanisms.

For citation: *Kharin V. I.* Trust Management of LLC Shares as an Anti-Corruption Mechanism to Prevent Conflicts of Interest: Problems and Prospects. *Herald of the Russian Law Academy*, 2023, no. 1, pp. 183–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-183-192>

Введение

Ранее исследуя указанную проблему, автор выявил некоторые проблемы гражданско-правового характера реализации положений антикоррупционного законодательства в отношении обязанности государственного служащего передать долю в уставном капитале обществ ограниченной ответственностью в доверительное управление [1]. В рамках настоящей статьи предлагается углубиться в исследование данного вопроса с целью выявления причин возникшей проблемы и рассмотреть конкретные предложения по разрешению указанной проблемы.

1. Договор доверительного управления долями ООО как гражданско-правовой механизм противодействия коррупции

Начнем с того, что раскроем содержание понятия антикоррупционного законодательства. Как отмечается в научной литературе, под законодательством в сфере противодействия коррупции понимается совокупность нормативных правовых актов различных уровней, регулирующих деятельность публичных и частных лиц по выявлению и предупреждению коррупционного поведения, его минимизации и ликвидации [2, с. 142]. За основу построения антикоррупционного законодательства в части принятия соответствующих мер выработан специальный критерий – конфликта интересов. Указанный термин раскрывается в действующем законодательстве [3; 4; 5], а также в научной литературе [6; 7].

Одной из мер противодействия коррупции является гражданско-правовой механизм передачи государственным гражданским служащим акций, паев, долей организаций в доверительное управление (в контексте настоящей статьи нас интересует именно передача доли в уставном капитале ООО). Как отмечает М. Н. Илюшина, в отношении таких объектов гражданских прав, как ценные бумаги, акции, доли участия, паи и т.д. в антикоррупционном законодательстве представлен специальный механизм, направленный на предотвращение и урегулирование конфликта интересов при прохождении государственной гражданской службы [8, с. 92].

Необходимость развития указанной меры впервые была отражена в подп. «в» п. 7 указа Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 [9]. В подп. «в» п. 7 указанного подзаконного правового акта на федеральные органы исполнительной власти возложена обязанность по разработке предложений, направленных на внедрение договора доверительного управления имуществом в антикоррупционное законодательство. Названным актом предложено использование гражданско-правовых средств по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Более того, Указ предполагает не слепое заимствование гражданско-правового договора доверительного управления, а разработка специализированных форм доверительного управления долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью государственных гражданских служащих. Выделение данного направления развития в национальном плане противодействия коррупции свидетельствует о том, что упомянутая антикоррупционная мера либо не используется достаточно широко, либо не используется в принципе, либо существуют проблемы, препятствующие ее реализации. Автор склонен утверждать, что проблема заключается в последнем, поскольку антикоррупционное законодательство содержит следующую формулировку в отношении применения доверительного управления: «...обязан передать в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации».

2. Проблемы использования договора доверительного управления имуществом в антикоррупционном законодательстве

Прежде чем перейти к проблеме реализации положений антикоррупционного законодательства в отношении обязанности госслужащего передать рассматриваемый объект в доверительное управление, необходимо отметить, что до-

верительное управление как антикоррупционная мера по своему внутреннему содержанию является комплексной, включающая публичный (антикоррупционный) и гражданско-правовой аспекты. В связи с этим можно утверждать, что для эффективного использования рассматриваемой антикоррупционной меры необходимо наличие правовых оснований и механизма реализации либо в гражданском, либо в антикоррупционном законодательстве, либо в обоих сразу. Поскольку законодатель избрал вариант регулирования антикоррупционных общественных отношения по доверительному управлению долями государственных гражданских служащих посредством бланкетной отсылки к гражданскому законодательству (гл. 53 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [10]), то именно последнее должно содержать все положения по реализации обязанности передать долю в уставном капитале обществ ограниченной ответственностью в доверительное управление. Автор считает, что такой вариант изложения правового регулирования является логичным по двум причинам: гражданское законодательство регулирует правовой статус доли в уставном капитале и объекты доверительного управления, которым является объект, подлежащим передаче; гражданское законодательство регулирует порядок заключения и исполнения договора доверительного управления имуществом. Поэтому возвращаясь к предыдущему тезису о том, что необходимость развития доверительного управления как антикоррупционной меры в национальном плане противодействия коррупции связано с наличием проблемы отсутствия механизма, ее реализации, автор убежден, что такой механизм должен быть построен как гражданско-правовой, и исходить из следующих положений:

1. Цель введения в гражданское законодательство института доверительного управления имуществом была связана с решением конкретной задачи. Ретроспективный анализ развития законодательства о доверительном управлении имуществом показал, что идейными истоками развития указанного института явился один из вариантов приватизации государственной собственности в 90-х гг., посредством которого государственное имущество передавалось в управление частным лицам, где государство оставалось собственником имущества, а доверительный управляющий мог получать прибыль от успешного управления таким имуществом [11, с. 24]. Указанная модель регулирования отношений напоминала англосаксонский траст, который и был прообразом доверительного управления имуществом. Однако возникшая в тот период времени научная дискуссия среди ученых-цивилистов привела к полному отказу от зарубежной концепции доверительной собственности [12; 13; 14]. По всей видимости, включение в гражданское законодательство института доверительного управления имуществом было связано с тем, что законодатель был заинтересован в наличии механизма по управлению государственной собственностью ввиду продолжающегося процесса приватизации на момент принятия ГК РФ, однако научные дебаты по этому вопросу скорректировали изначальную форму доверительной собственности, в результате чего данный институт стал неактуальным для решения задач, для которого изначально он и предполагался.

В результате двух обстоятельств – прекращения массовой приватизации государственных предприятий и выработки иного механизма по передаче государс-

твенного имущества частным лицам – доверительное управление имуществом стало по своей сути невостребованным, поскольку отпадала основная цель регулирования общественных отношений. Ввиду этого невозможно эффективное применение доверительного управления как антикоррупционной меры до тех пор, пока содержание доверительного управления не будет законодательно скорректировано таким образом, чтобы выполнять и иные задачи, обеспечивая здоровое регулирование гражданских правоотношений.

В подтверждение вышесказанного возможно обратиться к утверждениям Д. В. Дождева, который еще в 2006 г. указал, что введенные в оборот конструкции траста, а позже доверительное управление имуществом, являются неустойчивыми в российской правовой системе [15, с. 267].

2. Глава 53 ГК РФ, регулирующая вопрос доверительного управления и принятая еще в 1994 г., существенно устарела и не способна регулировать общественные отношения по доверительному управлению долями в уставном капитале. Указанный вывод следует также из ретроспективного анализа, только в этот раз, корпоративного законодательства. Юридическая конструкция общества с ограниченной ответственностью появилось в российском законодательстве только в 1994 г., когда был принят ГК РФ, в результате развития конструкции товариществ с ограниченной ответственностью или акционерного общества закрытого типа посредством фактического уравнивания этих организационно-правовых форм [16, с. 3].

Деятельность в обществах с ограниченной ответственностью (далее – ООО) осуществляется через долю участия, правовой статус которой подробно раскрыт в диссертационном исследовании М. Н. Илюшиной [17, с. 310]. Как отмечает А. Я. Курбатов, реформирование гражданского законодательства в части корпоративного права (в частности, вопроса доли в уставном капитале) породило правовую неопределенность в отношении правового статуса доли в уставном капитале для совершения ряда сделок [18, с. 44]. Проблемы указанного реформирования и соответствующие правовые последствия раскрыты автором в ранних работах [19], в которых, в частности, отмечается, что в связи с этим в доктрине и судебной практике возникает правовую неопределенность в отношении передачи в доверительное управление доли в уставном капитале общества. В связи с реформированием законодательства в части правового статуса доли (замена имущественной составляющей на управленческую) были внесены изменения в Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ [20] (далее – Закон об ООО), однако указанные изменения не были отражены в гл. 53 ГК РФ, регулирующей доверительное управление долями, о чем отмечается в антикоррупционном законодательстве. По мнению автора, возникла коллизия, препятствующая полноценной реализации антикоррупционной обязанности государственного служащего, – доверительное управление возможно только в отношении имущества, тогда как доля перестала быть правом, удостоверяющим имущественные требования (обязательственные отношения имущественного характера), а стала правом, удостоверяющим управленческие функции участника общества (корпоративные отношения).

Поскольку доля в уставном капитале общества прямо не была названа в качестве объектов доверительного управления (ст. 1013 ГК РФ) при принятии ГК РФ, то, скорее всего, это было связано с тем, что либо изначально не предполагалась ее

передача в доверительное управление, либо не предполагалось столь активное развитие деятельности обществ с ограниченной ответственностью как организационно-правовой формы ведения бизнеса, либо до конца не был разработан ее правовой статус. Что нельзя сказать про ценные бумаги, которые достаточно подробно раскрыты в соответствующей главе гражданского законодательства о доверительном управлении имуществом (ст. 1013, 1025). Поэтому в любом случае гл. 53 ГК РФ в настоящий момент не отражает реальных тенденций, в связи с чем не способна в полной мере реализовать механизм антикоррупционного регулирования.

3. В гл. 53 ГК РФ отсутствует нормы, посвященные порядку передачи долей ООО, принадлежащих госслужащим, в доверительное управление.

Указанный вывод находит подтверждение в доктрине. В частности, Д. В. Петухов отмечает, что на уровне федерального законодательства и подзаконного регулирования порядок передачи доли ООО для государственных служащих отсутствует [21]. В имеющихся подзаконных актах для отдельных категорий служащих дублируются положения гл. 53 ГК РФ без учета особенностей государственно-служебных отношений.

Автором отмечается, что указанный вопрос не только отсутствует в законодательстве, но и в принципе не рассматривался в доктрине (за исключением точечных исследований). По данной проблематике интересным представляются идеи А. Ю. Ватель, который считает необходимым принять специальный закон, регламентирующий порядок передачи в доверительное управление любого имущества государственных служащих (в частности, в отношении акций, долей, паев и т.д.), который будет отражать специфику государственно-служебных отношений [22, с. 25]. Автор настоящей статьи считает, что вышеуказанные идеи будут являться эффективными, поскольку будет сформировано правовое и организационное единство по передаче любого имущества, в том числе долей в уставном капитале обществ, в доверительное управление.

Заключение

В настоящий момент проблема определения доли в уставном капитале общества как объекта доверительного управления решается следующим образом: доля прямо не названа в качестве объекта доверительного управления (ст. 1013 ГК РФ). Однако в указанной статье также устанавливается, что в доверительное управление может быть передано любое имущество, которое прямо предусматривается ст. 128 ГК РФ.

Иными словами, доля в ООО рассматривается как иное имущество [23, с. 23] и подлежит передаче в управление доверительного управляющего. Также возможность доверительного управления долями в уставном капитале общества предусматривается п. 1 ст. 1176 ГК РФ [24], п. 8 ст. 21 Закона об ООО, ст. 64 Основ законодательства РФ о нотариате [25], ч. 7 ст. 11, ст. 12.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, ч. 7 ст. 71 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.

Суммируя вышесказанное, автором отмечается, что в настоящий момент отсутствует системная связь между институтом предотвращения и урегулирования конфликта интересов и договором доверительного управления имуществом. Блан-

кетные нормы в антикоррупционном законодательстве не способствуют их эффективному применению. Для разрешения указанной проблемы автором предлагается разработать специализированные формы доверительного управления долями в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, отражающие специфику государственно-служебных отношений.

Только таким образом, на наш взгляд, может быть решена проблема установления порядка передачи в доверительное управление долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью как надлежащий способ предотвращения и урегулирования конфликта интересов в целях предотвращения коррупционного правонарушения.

Пристатейный библиографический список

1. Харин В. И. Некоторые проблемы передачи доли в уставном капитале обществ ограниченной ответственностью в доверительное управление как антикоррупционной меры : гражданско-правовой аспект // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19.

2. Шишкарёв С. Н. Основные этапы развития российского законодательства в сфере противодействия коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 12.

3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 31 июля.

4. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 30 декабря.

5. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 7 декабря.

6. Борисова Н. В. Конфликт интересов как объект антикоррупционного контроля // Отечественная юриспруденция. 2017. № 10 (24).

7. Иванова Л. Л. Конфликт интересов на государственной гражданской службе и особенности его урегулирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2013. № 4.

8. Илюшина М. Н. Передача в доверительное управление ценных бумаг, долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций как элемент антикоррупционных стандартов, обеспечивающих предупреждение коррупции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 2.

9. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 6 февраля.

11. Беневоленская З. Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства : монография. М. : Проспект, 2017.

12. Батлер У. Э. Доверительная собственность в России : истоки появления. М. : Зерцало, 1997.

13. Суханов Е. А. Доверительное управление или траст // Экономика и жизнь. 1995. № 6.
14. Суханов Е. А. Гражданский кодекс о доверительном управлении // Экономика и жизнь. 1996. № 26.
15. Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Человек и его время. Жизнь и работа Августа Рубанова / под ред. О. А. Хазовой. М. : Волтерс Клувер, 2006.
16. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» : в 2 т. Т. 1 / под ред. И. С. Шиткиной. М. : Статут, 2021.
17. Илюшина М. Н. Сделки с долями в обществах с ограниченной ответственностью : учебное пособие. 2-е изд., пересмотр. М. : РПА Минюста России, 2015.
18. Курбатов А. Я. Доля в уставном капитале как объект доверительного управления : от правовой сущности к решению конкретных вопросов // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 4.
19. Харин В. И. Правовая характеристика доли в уставном капитале общества в контексте доверительного управления : проблемы теории и практики // Вопросы российской юстиции. 2022. № 18.
20. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. 1998. 17 февраля.
21. Петухов Д. В. Вопросы совершенствования порядка реализации обязанности передачи ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в целях предотвращения конфликта интересов. URL: https://m.volgograd.arbitr.ru/files/pdf/statya_Petuhov.pdf (дата обращения: 10.01.2023).
22. Ватель А. Ю. Антикоррупционные стандарты служебного поведения государственных гражданских служащих // Административное и муниципальное право. 2012. № 10.
23. Илюшина М. Н. Правовой режим сделок в коммерческом обороте и в обороте хозяйственных обществ : общее и особенное : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012.
24. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 2001. 28 ноября.
25. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. 1993. 13 марта.

References

1. Kharin V. I. Some Problems of Transferring a Share in the Authorized Capital of Limited Liability Companies to Trust Management as an Anti-Corruption Measure: Civil Law Aspect. *Questions of Russian Justice*. 2022. No. 19. (In Russ.)
2. Shishkarev S. N. The Main Stages of the Development of Russian Legislation in the Field of Combating Corruption. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009. No. 12. (In Russ.)
3. Federal Law of 27 July 2004 No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*, 31 July 2004. (In Russ.)

4. Federal Law of 25 December 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption". *Rossiiskaia Gazeta*, 30 December 2008. (In Russ.)

5. Federal Law of 30 November 2011 No. 342-FZ "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*, 7 December 2011. (In Russ.)

6. *Borisova N. V.* Conflict of Interest as an Object of Anti-Corruption Control. *Jurisprudence*, 2017, no. 10 (24). (In Russ.)

7. *Ivanova L. L.* Conflict of Interests in the Public Civil Service and Features of its Settlement. *State and Municipal Management. Scientific Notes*, 2013, no. 4. (In Russ.)

8. *Iliushina M. N.* Transfer to Trust Management of Securities, Shares, Shares in the Authorized (Share) Capital of Organizations as an Element of Anti-Corruption Standards That Ensure the Prevention of Corruption. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2022, no. 2. (In Russ.)

9. Decree of the President of the Russian Federation of 16 August 2021 No. 478 "On the National Plan for Combating Corruption for 2021–2024" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

10. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26 January 1996 No. 14-FZ. *Rossiiskaia Gazeta*, 6 February 1996. (In Russ.)

11. *Benevolenskaia Z. E.* Trust Management of Property in the Field of Entrepreneurship: Monograph. Moscow: Prospekt, 2017. (In Russ.)

12. *Butler W. E.* Trust Property in Russia: Origins of Appearance. Moscow: Zertsalo, 1997. (In Russ.)

13. *Sukhanov E. A.* Trust Management or Trust. *Economics and Life*, 1995, no. 6. (In Russ.)

14. *Sukhanov E. A.* Civil Code on Trust Management. *Economics and Life*, 1996, no. 26. (In Russ.)

15. *Dozhdev D. V.* The International Model of Trust and the Unitary Concept of Property Rights. In *Khazova O. A. (ed.)*. Man and His Time. Life and Work of August Rubanov. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. (In Russ.)

16. *Shitkina I. S. (ed.)*. Scientific and Practical Commentary on the Federal Law "On Limited Liability Companies". In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Statut, 2021. (In Russ.)

17. *Iliushina M. N.* Transactions with Shares in Limited Liability Companies: Textbook. 2nd ed. Moscow: RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2015. (In Russ.)

18. *Kurbatov A. Ia.* A Share in the Authorized Capital as an Object of Trust Management: From the Legal Essence to the Solution of Specific Issues. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2018, no. 4. (In Russ.)

19. *Kharin V. I.* Legal Characteristics of a Share in the Authorized Capital of a Company in the Context of Trust Management: Problems of Theory and Practice. *Issues of Russian Justice*, 2022, no. 18. (In Russ.)

20. Federal Law of 8 February 1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies". *Rossiiskaia Gazeta*, 17 February 1998. (In Russ.)

21. *Petukhov D. V.* Issues of Improving the Procedure for Implementing the Obligation to Transfer Securities (Participatory Interests, Shares in the Authorized (Share) Capital of Organizations) into Trust Management in Order to Prevent Conflicts of Interest. URL: https://m.volgograd.arbitr.ru/Files/Pdf/statya_petuhov.PDF (date of the application: 10.01.2023). (In Russ.)

22. *Vatel A. Iu.* Anti-Corruption Standards of Service Behavior of State Civil Servants. *Administrative and Municipal Law*, 2012, no. 10. (In Russ.)

23. *Iliushina M. N.* Legal Regime of Transactions in the Commercial Turnover and in the Turnover of Business Entities: General and Special: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)

24. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of 26 November 2001 No. 146-FZ. *Rossiiskaia Gazeta*, 28 November 2001. (In Russ.)

25. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries, Approved by the Supreme Council of the Russian Federation. *Rossiiskaia Gazeta*, 13 March 1993. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. И. Харин – аспирант.

Information about the author:

V. I. Kharin – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 20.01.2023.

The article was submitted to the editorial office 15.12.2022; approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 20.01.2023.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-193-205>

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ТРУДАХ АНАТОЛИЯ ФЕДОРОВИЧА КОНИ

Александр Яковлевич Кодинцев¹

Юрий Владимирович Мишальченко²

^{1,2} Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 10-я линия, д. 19

¹ balsak1@yandex.ru

² myv2008@mail.ru

Аннотация

Одной из сфер уголовного права, интересующих Анатолия Федоровича Кони, была группа преступлений, связанных с интересами государства. Тему политических преступлений он старался избегать, а преступления служебные, против печати, против паспортной системы и прочие рассматривал с большим интересом. Обер-прокурор и сенатор подвергал устаревшие нормы в сфере уголовного права жесткой критике. Он отмечал их неэффективность, их, зачастую, бессмысленность, фактическое отсутствие объекта преступления и прочее. Критика устаревших норм повлияла на процедуру их отмены в начале XX в., в момент принятия нового Уголовного уложения империи. Анатолий Федорович считался одним из специалистов по проблематике служебных преступлений, уже в 1870-х гг. он выработал ряд предложений по изменению порядка рассмотрения дел по таким деяниям и по изменению меры ответственности за совершение правонарушений в этой области. Будучи членом Государственного Совета Кони вновь поднимал вопрос об изменении отношения к служебным преступлениям. В итоге бюрократия так и не позволила отменить громоздкий порядок рассмотрения дел по должностным преступлениям. Много десятилетий они сопротивлялись введению общего порядка судопроизводства по должностным преступлениям и способствовали дискредитации государственной власти. Успешнее была деятельность обер-прокурора и сенатора при модернизации понятий в сфере преступлений против паспортной системы и преступлений печати. В конечном счете возобладали идеи Кони, и законодательство империи было изменено

в пользу расширения и защиты прав личности по названным деяниям. Анатолий Федорович специализировался также и на других группах преступлений, но не оставил специальных работ (за исключением религиозных и половых преступлений).

Ключевые слова: А. Ф. Кони; преступления против государственной власти; преступления против паспортной системы; служебные преступления; должностные преступления; преступления печати; присяжные заседатели; Уголовное уложение; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; клевета.

Для цитирования: *Кодинцев А. Я., Мишальченко Ю. В.* Преступления против государственной власти в трудах Анатолия Федоровича Кони // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 193–205. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-193-205>

Research Article

CRIMES AGAINST STATE POWER IN THE WRITINGS OF ANATOLY FEDOROVICH KONI

Alexander Ya. Kodintsev¹

Yury V. Mishalchenko²

^{1,2} St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 19 10th Line, Vasilevskii Island, St. Petersburg, 199178, Russia

¹ balsak1@yandex.ru

² myv2008@mail.ru

Abstract

One of the areas of criminal law of interest to Anatoly Fedorovich Koni was a group of crimes related to the interests of the state. He tried to avoid the topic of political crimes, and considered official crimes, against the press, against the passport system and others with great interest. The Chief Prosecutor and Senator harshly criticized outdated norms in the field of criminal law. He noted their ineffectiveness, their often meaninglessness, the actual absence of the object of the crime, and so on. Criticism of outdated norms influenced the procedure for their abolition at the beginning of the twentieth century, at the time of the adoption of the new Criminal Code of the empire. Anatoly Fedorovich was considered one of the specialists in the field of official crimes, already in the 1870s he developed a number of proposals to change the procedure for considering cases of such acts and to change the measure of responsibility for committing offenses in this area. As a member of the State Council, Koni again raised the issue of changing attitudes towards

service crimes. As a result, the bureaucracy did not allow abolishing the cumbersome procedure for considering cases of malfeasance. For many decades they have resisted the introduction of a general procedure for legal proceedings in malfeasance and contributed to the discrediting of state power. The activities of the chief prosecutor and the senator were more successful in the modernization of concepts in the field of crimes against the passport system and crimes of the press. Ultimately, Koni's ideas prevailed and the empire's legislation was changed in favor of expanding and protecting the rights of the individual in these acts. Anatoly Fedorovich also specialized in other groups of crimes, but did not leave any special work (with the exception of religious and sexual crimes).

Keywords: A. F. Koni; crimes against state power; crimes against the passport system; official crimes; malfeasance; crimes of the press; jurors; Criminal Code; Code of criminal and correctional punishments; slander.

For citation: *Kodintsev A. Ya., Mishalchenko Yu. V. Crimes Against State Power in the Writings of Anatoly Fedorovich Koni. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 193–205. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-193-205>

Введение

Среди бесчисленного числа работ знаменитого юриста А. Ф. Кони выделяется группа исследований, посвященных уголовному праву. Анатолий Федорович выполнял работы по теории уголовного права, по уголовному законодательству зарубежных государств, отдельным группам преступлений. В их числе работы по правонарушениям, которые современный Уголовный кодекс относит к преступлениям против государственной власти. В их числе преступления против государственной власти (должностные) – 30 глава, преступления против порядка управления – 32 глава. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. нормы, изучавшиеся Кони, содержались в 5 разделе (о преступлениях и проступках по службе государственной и общественной), 8 разделе (о преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния). В юридической литературе ни одна из работ знаменитого юриста по названной проблематике освещения не получила.

О роли А. Ф. Кони в истории уголовного права публикаций очень мало [1]. Большинство его работ в этой области никогда не были напечатаны. В 1994 г. вышла небольшая публикация Э. Ф. Побегайло «Кони и уголовное право» [2]. К примеру, в работе диссертанта А. В. Шаповалова (2005 г.) «Правовые взгляды А. Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу» уголовно-правовые воззрения юриста не упоминаются. Все сведено к уголовному процессу и, немного, к судоустройству [3]. Выходили работы по диссертации Кони (1866 г.) о необходимой обороне. Участие Кони в выработке уголовно-правовой политики также упоминает Кордин Карла (Кельн-Базель) [4]. Существует много публикаций по отдельным процессам, которые проводил А. Ф. Кони. В нашей работе мы их не приводим.

Основные темы, которые разбирал Анатолий Федорович, относились к преступлениям против паспортной системы, должностным преступлениям, преступлениям печати и пр.

1. Должностные преступления и преступления против порядка управления в столичном округе империи в 1870-е гг.

20 января 1875 г. молодой прокурор Санкт-Петербургского окружного суда Кони представил министру юстиции обширную записку с анализом причин вынесения большого количества оправдательных приговоров по должностным преступлениям и преступлениям против порядка управления судами округа в 1871–1872 гг. Записка была составлена по запросу министра.

Кони констатировал значительное количество оправдательных приговоров по должностным преступлениям судом (Санкт-Петербургским) с участием присяжных заседателей (далее – ПЗ). С первых же строк молодой петербургский прокурор излагал мнение многих людей о некомпетентности ПЗ по делам о должностных преступлениях. Проблема, по его мнению, заключалась в том, что ПЗ могли объективно оценивать житейские преступления, которые им очевидны и понятны. Другое дело – преступления против учреждений или абстрактных категорий. Тут присяжные сразу же были склонны оправдывать виновного за непонятные им правонарушения.

Такую точку зрения Кони отвергал. Он считал, что причины большого количества оправданий кроются в порядке возбуждения и предания суду дел о должностных преступлениях (процессуальные нарушения), бытовых особенностях таких дел и в недостатках Уложения о наказаниях (далее – УН). Возбуждение уголовного дела целиком зависело от начальства обвиняемого, при этом оно могло закончить дело в административном порядке, истребовать объяснения и пр. Дела затягивались и часто поступали к следователю по прошествии длительного времени, когда многие улики уже исчезли. Начальство стремилось скрыть улики, чтобы избежать нежелательной огласки. Более того, одни обвиняемые выгораживались, другие «списывались». Присяжные же оказывались перед выбором – как обвинить одного виновного, если другой избежал наказания? Например, при возбуждении уголовного дела против полицейского чина низшие служащие немедленно увольнялись и предавались суду, а средние и высшие служащие даже не увольнялись [5, л.1-8].

Из должностных преступлений наиболее распространенными являлись растрата, присвоение и лихоимство. Анализируя растрату, Кони указывал, что в большинстве случаев она совершается необдуманно, по легкомыслию, по непониманию последствий. Большой процент (до 80%) растрат приходилось на сельских старост, которые совершали растрату в силу безграмотности, используя средства общины для покрытия недоимок за предыдущие годы. Сами старосты за свой труд оплату не получали. Как следствие присяжные испытывали к ним жалость [5, л.8-12].

Значительная часть растрат приходилась на расхищение леса при участии лесной стражи. И опять это были низшие чины. Причем лесные чины привлекались к суду и оказывались перед судом присяжных за совершение растрат леса, измеряемых несколькими рублями. Значительное число людей привлекалось за растраты совершенные вследствие беспорядочного ведения финансовой документации в организациях: судебных, городских, театральные и прочих [5, л.12-16].

Суду присяжных подлежали дела о лихоимстве и вымогательстве (ст. 373 и 377 УН). И здесь привлекались к суду низшие чины. Серьезные преступники действо-

вали очень хитро и осмотрительно. Присяжные вновь сочувствовали мелким коррупционерам, совершающим преступления из нужды, особенно на фоне уклонения от ответственности влиятельных людей. Тем более что зачастую суммы взяток были совершенно ничтожны. Далее Кони приводил примеры смехотворных сумм.

Какие же меры необходимо было принять для устранения недостатков по делам о должностных преступлениях? Прежде всего Анатолий Федорович предлагал изменить порядок предания суду должностных лиц и установить точный срок для представления объяснений. Следствие, руководствуясь ст. 1089 УУС необходимо было назначать сразу же после обнаружения преступления. Необходимо было ввести строгую финансовую отчетность для сельских властей. Необходимо ввести обязательную грамотность (за восемь лет из 39 привлеченных к ответственности старост и старшин 22 были неграмотными, а семь – малограмотными). Необходимо было пересмотреть 5 раздел УН. Необходимо было отказаться от казуистичности и ввести общие признаки однородных преступлений с предоставлением суду большей свободы в определении мер наказания. Мелкие дела (простое лихоимство (?), второстепенные подлоги (?)) можно без вреда смягчить. Кони предлагал разделить должностные преступления на две группы: общие и специально-служебные [5, л.16-20].

Следующая группа преступлений – против порядка управления. Их было меньше, чем должностных. Только небольшая их часть рассматривалась с участием ПЗ. Число оправдательных приговоров с участием ПЗ Санкт-Петербургского окрсуда достигало 47% за восемь лет, без участия ПЗ – 20%. К числу групп преступлений относились: сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение властям (ст. 262–275 УН), оскорбление и явное неуважение к присутственным местам и чиновникам (ст. 276–288 УН), самовольное присвоение власти и составление подложных указов (ст. 289–302 УН), похищение бумаг и сорвание печатей (ст. 303–307 УН), взлом тюрем, увод и побег арестованных (ст. 308–317 УН). Дела по таким преступлениям расследовались быстро.

Тем не менее процент оправдательных приговоров был велик. В чем же дело? Опять обвиняли присяжных. Сельские ПЗ якобы малограмотны и несведущи, а городские (Петербург и Кронштадт) тенденциозны и предвзяты. Так ли это? Обвиняемыми, как правило, являлись торговцы, бедные дворяне, «обитатели дома Вяземского»¹ и проститутки. Городские преступления отличались удалством и противостоянием полиции. В сельской местности основные преступления состояли в неисполнении предписаний старост и старшин при сборе податей (семейные преступления).

Как только городские присяжные обнаруживали «упорное» преступление и правильные действия полиции они всегда выносили обвинительный приговор. Исключение составляли дела об оскорблениях должностных лиц. Значительное их число было сфальсифицировано «пострадавшими» и рассыпалось в суде ПЗ. По таким делам часто имелись случаи превышения власти, составление протоколов задним

¹ «Дом Вяземского» – комплекс из 13 домов, располагающихся возле Сенной площади, являвшийся крупнейшим воровским притоном в Санкт-Петербурге (варианты: *малинник*, *мышеловка*). Сейчас это участок домов по Московскому проспекту от метро Садовая до Фонтанки.

числом. Кони выявил интересную закономерность. Чаще всего оправдательные приговоры выносили по делам об оскорблении надзирателей, смотрителей и судебных приставов. Дела об оскорблениях участковых приставов и мировых судей часто заканчивались обвинительными приговорами. По мнению Кони, в первом случае мы имели дело с «недостаточной развитостью» низших чинов. Они притязательны, обидчивы, не отличали статус частного лица и служащего. Часто на суде пострадавшие не могли подтвердить свои показания. Кони привел много примеров неправильных действий кронштадтской полиции и упомянул, что в 1873 г. три дела об оскорблениях полицейских чинов Кронштадта, рассматриваемых вне коллегии ПЗ, также закончились оправдательными приговорами. Напротив, возбуждались уголовные дела против чинов полиции Кронштадта [5, л.26-35].

На ПЗ влияла чрезмерная строгость УН. Ознакомившись с делом, ПЗ часто выносили оправдательный приговор. Но ровно также поступал и окружной суд, редко оправдывающий, но часто выносящий мягкие приговоры. В сельской местности основное сопротивление оказывалось неплательщиками налогов и сборов. Отношение к ним со стороны органов сбора налогов было как к неприятелям и врагам. Часто за крестьянской грубостью скрывалось насилие со стороны должностных лиц. Взыскание никогда не откладывалось, налагалось на имущество производителя. Такие обвиняемые вызывали у ПЗ глубокое сочувствие, так как они проецировали их опыт на себя.

Что же делать? Кони предлагал уменьшить меры наказания по ст. 271 (ссылка в Сибирь), 272 (ссылка в Сибирь), 273 (заключение в смирительный дом), 285 (заключение в смирительный дом) УН. Низшей мерой наказания являлось заключение в тюремный дом. Кони предлагал почти все меры наказания за эти преступления свести к разным срокам тюремного заключения. Сами наказания были несбалансированы. Например, составы преступлений ст. 271 (насилие в отношении представителя власти или сопротивление постановлениям власти) и 285 УН (насилие в отношении представителя власти при исполнении им служебных обязанностей) очень схожи. В одном случае преступник оскорблял государство, в другом должностное лицо. Но как это разграничить? Надо уравнивать эти деяния, при этом выбирать среднюю между двумя действующими наказаниями меру ответственности. Кони отмечал, что, как ни странно, применение отдельных мер наказания предусмотренных ст. 285 УН выглядело как льгота для низших групп населения (лишение права занимать общественные должности). Вообще не было никакой необходимости привлекать присяжных по делам по ст. 271 и 285 УН, достаточно было рассмотрения этих дел окружными судами без участия ПЗ [5, л.35-45].

2. Законопроект о служебных преступлениях в начале XX в. и мнение А. Ф. Кони

Вопрос об изменении системы служебных преступлений возникал еще не раз, но всегда высшая администрация спускала его «на тормозах». Более того, в 1889 г. рассмотрение дел по служебным преступлениям было изъято из суда присяжных и передано в судебные палаты с участием сословных представителей. В 1903 г. была сформирована новая комиссия по разработке Устава о служебных преступлениях.

Проект поступил для обсуждения в момент 1 русской революции. В Государственной Думе он подвергся подробному обсуждению. Предлагалось ввести прокурорский надзор по служебным делам, передать служебные преступления в ведение ПЗ. Однако проект, поступивший в 1909 г. в Госсовет, подвергся радикальному пересмотру. Так как он расходился с проектом Госдумой, его возвратили в нижнюю палату. После длительного обсуждения 19 ноября 1911 г. новый вариант проекта был утвержден в Думе. Разработчики проекта подкрепляли свои аргументы прямыми ссылками на Кони, памятуя об его отношении к системе служебных преступлений.

В 1912–1913 гг. Госсовет повторно рассматривал законопроект о служебных преступлениях (комиссия по законопроекту «об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе и о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные неправильными действиями служащих»). Проект был существенно изменен. ГС возродил согласование возбуждения дел с администрацией, был почти исключен прокурорский надзор, удлинены сроки возбуждения и рассмотрения дела. Предполагалось сохранить особые присутствия для рассмотрения дел о должностных преступлениях в палатах и в Сенате. То есть почти целиком сохранялся старый порядок ведения дел. Кони был одним из немногих членов Совета, который выступал за проект Государственной Думы – полностью соответствовавший его взглядам.

Проект снова поступил в Государственную Думу, где «пошел по третьему кругу». Дума, соглашаясь на мелкие изменения, сохраняла основные позиции в силе и в феврале-апреле 1914 г. подтвердила свой старый проект. Проект вновь поступил в Госсовет в 1915 г. После долгих раздумий комиссия законодательных предположений ГС вновь с марта 1916 г. начала обсуждать проект [6, л.1; 7; 8; 9]. Одновременно в феврале 1916 г. в Госдуме при поддержке министра юстиции началась очередная отчаянная попытка отмены административной гарантии для чиновников по коррупционным делам (о мздоимстве и лихоимстве). Предполагалось ввести по данной категории дел общий порядок судопроизводства и устранить «прикрытие» служащих со стороны их начальников (ст. 1085 УУС). И этот проект вяло обсуждался вплоть до второй русской революции [10, л.7-24].

Только в ноябре 1916 г. началось обсуждение законопроекта «об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе и о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные неправильными действиями служащих» в общем собрании Госсовета. Кони как специалист по служебным преступлениям посчитал необходимым выступить с большим докладом о порядке их расследования и рассмотрения. Анатолий Федорович приводил старые и новые аргументы в пользу необходимости передачи служебных дел в суд ПЗ.

В произнесенной речи сенатор отмечал, что служебные преступления подлежали суду ПЗ 23 года (с 1864 по 1887 г.) и возвращение к такому суду – это «суд по старине». В 1878 г. был введен суд судебных представителей (далее – СП) по преступлениям против порядка управления. Как отмечал в 1881 г. председатель Санкт-Петербургской судебной палаты Муравьев, эта передача не достигла целей и усиления репрессий не произошло. Как и суд ПЗ, суд СП часто выносил оправдательные приговоры. В 1890-е гг. суд с ПЗ вынес 66,5% обвинительных приговоров, суд с СП –

69,5%. В суде СП дела рассматривались крайне медленно. Анатолий Федорович привел в качестве примера дело, рассматриваемое в СП. Оно три раза переносилось из-за неявки предводителя дворянства. Суд был неэффективен.

Министры юстиции несколько раз сообщали о ненужности суда СП по делам о служебных преступлениях. Против такого суда в 1895 г. выступили прокуроры и старшие председатели судебных палат. Законы 1889 и 1894 гг. позволили замещать руководителей сословных органов второстепенными персонажами, вплоть до секретарей дворянских собраний и членов городских присутствий. Кони сравнивал СП с шеффенами в Германии. Тем временем количество преступлений по службе быстро росло. Так, с 1906 по 1911 г. число таких деяний выросло в четыре раза [11, л.1-5].

Советник, окунаясь в историю, вспоминал, что дискредитация суда ПЗ закончившаяся исключения дел о служебных преступлениях из их компетенции в 1889 г. не была обоснована. Списки ПЗ составлялись как попало, в них попадали даже умершие поданные, должностные лица, занятые по службе, бедные люди (инфляция обесценила денежный ценз, установленный в 1864 г.) (только в 1913 г. было введено денежное содержание присяжных), присяжные не информировались о наказании, предусмотренном для обвиняемого (эту норму отменили только в 1909 г.). Советник приводил примеры громких дел, удачно рассмотренных судом ПЗ, поддерживал проект министра юстиции Щегловитова о возвращении служебных преступлений в компетенцию присяжных.

Альтернатива ПЗ – суд сословных представителей себя полностью не оправдал. Уже в конце XIX в. постоянные замены сословных представителей на мелкие чины обесценила первоначальную идею законодателя. Суд СП оправдывал обвиняемых за должностные преступления ничуть не меньше, чем суд ПЗ и допускал еще большие ошибки. Ни знание закона, ни государственное чутье они не продемонстрировали. Аргументы о мщении со стороны ПЗ в отношении служащих безосновательны. О каком мщении может идти речь, когда сама процедура возбуждения уголовного преследования была настолько затруднена, что администрация может вмешиваться в процесс возбуждения дела на многих стадиях процесса.

Представление о том, что привлечение к ответственности служащего нарушает дисциплину очень странно. Ведь его задача и задача его начальника – следовать закону. Сохранение старой процедуры возбуждения уголовного дела в отношении обвиняемых означает покровительство преступникам. На судей СП проще было оказывать давление. В самом суде СП оказывалось меньше, чем коронных судей (3 против 4). В конечном счете Кони делал вывод, что этот суд бессмыслен [12, с. 1153–1156; 13, с. 1179–1183]. Вплоть до второй русской революции Устав о служебных преступлениях так и не был принят.

3. Преступления против паспортной системы

28 ноября 1880 г. в Санкт-Петербургском юридическом обществе Анатолий Федорович сделал доклад об основных проблемах применения норм по преступлениям против нарушений паспортной системы. Доклад основывался на данных собранных Кони на должностях прокурора и судьи. Тема была выбрана в связи с чрезвычайной спорностью группы преступлений, упоминаемых в ст. 975, 976, 977 УН. Эти статьи

предполагали составы преступлений: подделка паспорта, переправка паспорта (изменение времени и места), проживание по чужому паспорту. Все эти преступления влекли суровые наказания и потому подлежали суду присяжных.

За 1866–1880 гг. коллегия ПЗ Санкт-Петербургского окружного суда рассмотрела 216 таких дел, было привлечено 281 лицо. Оправдательные приговоры были вынесены по 135 делам, оправдано 170 человек. За эти приговоры ПЗ подвергались постоянным нападкам. Однако преступления против паспортных правил – преступления против системы. В них не было потерпевших физических и юридических лиц. Направленность преступления представлялась отвлеченной, непонятной категорией. Вообще при этих преступлениях не находилось многих признаков состава. Присяжные не находили внешние проявления (нет потерпевшего, вреда, насилия, коварства), нет и внутренних (нет особых приготовлений, страдал сам обвиняемый, нет корысти).

Что же в реальности сделал подсудимый? Тут присяжные сталкивались с хорошо известным им явлением. Паспортная система в России была самой запутанной в Европе. На континенте весь XIX в. шло смягчение паспортных правил, кроме России. Анатолий Федорович констатировал: «Из многих неудобств, усугубляющих тяжесть жизни простого русского человека – паспорт есть одно из тягчайших». Она тормозила экономическое развитие, ограничивала трудовую миграцию. Система была устроена так, что без паспорта крестьянин не мог отлучиться в приходскую церковь, в другом селении; не мог отвезти товары на сельский базар. Всякая отлучка с места жительства считалась побегом! (ст. 601 Устава о паспортах). Паспорт отдавал народ на произвол низших административных чинов. Волостной писарь, старшина, сборщик податей манипулировал крестьянином – давая или, не давая ему паспорт. Письмоводители полицейских кварталов брали с беспаспортных крестьян взятки.

Не сумев быстро достать паспорт или потеряв его, крестьянин арестовывался и этапировался в свою деревню. Содержащиеся в острогах крестьяне проходили «университеты» у «бывалых», т.е. у профессиональных уголовников. Часть людей смирялась и приобретала фальшивый паспорт.

Паспорт не нужен был полиции и фиску. Государственные комиссии с 1857 г. без конца обсуждали изменение паспортной системы. Проходили десятилетия, но ничего не менялось. Почему? Кони находил ответ в том, что паспорта были тесно связаны с податной системой. Паспорт привязывал податную единицу к общине. Невыплативший подать крестьянин паспорт не получал.

Далее Анатолий Федорович перечислял дискриминационные ограничения, падающие на беспаспортного. Подсудимый, представший перед судом, вызывал у ПЗ сочувствие. К тому времени он уже несколько месяцев провел в тюрьме. Но иногда более двух лет! В первую очередь ПЗ оправдывали обвиняемых за подделку паспорта (ст. 976 УН) (оправдано из 26 – 19 человек). Так оправдывались обвиняемые, которые по объективным причинам не успевали продлить паспорт, когда изменялся возраст для вступления в брак. Две трети обвиняемых оправдывали по ст. 977 УН – проживание с чужим видом. Оправдывали несчастных бездетных жен, бегущих от мужей и свекровей. Некоторые из них жили по чужим паспортам до 20 лет. Вообще чаще попадались обмены паспортов, особенно между

родственниками, люди жили по найденным паспортам и пр. Всех этих подсудимых присяжные оправдывали.

Третье преступление – подделка вида на жительство (ст. 975 УН). Присяжные осознавали вредность этого преступления и оправдывали не более 25% обвиняемых. Например, в Петербурге за 15 лет из 51 обвиняемого оправдано было только 16 человек. Среди оправданных преобладали лица, пользующиеся паспортами длительное время [14, с. 447–460]. В 1890-х гг. законодательство империи о паспортной системе было либерализовано.

4. Роль А.Ф. Кони в квалификации преступлений печати

Одной из важных тем, занимающих Кони, были «преступления печати». Подробно эта тема была описана в статье, посвященной правонарушениям в сфере печати [15]. Анатолий Федорович разрабатывал эту тему несколько десятилетий, специализировался на ней, руководил комиссиями по вопросам, связанным с деятельностью издательских организаций.

В письме к директору департамента полиции В. К. Плеве (24 октября 1886 г.) обер-прокурор Кони высказывал свое мнение о клевете в печати как уголовно-наказуемом деянии. Ее он определял, как «незаведомо истинное обвинение» (по материалам дел). При определенных условиях за клевету должен был отвечать не только автор, но и редактор. Как утверждал Кони его мнение, что одновременное обвинение по одним и тем же фактам и в клевете и в диффамации, а также переходе от одного обвинения к другому – невозможны (Сенат согласился с мнением обер-прокурора) [15, с. 11; 16, л.1]. В следующем письме, 6 декабря 1886 г., обер-прокурор отмечал, что клевета не может быть содеяна без намерения. Для оправдания клеветнику необходимо иметь положительные данные, убеждающие его в справедливости рассказа. Если же он был распространителем, то должен получить информацию из заслуживающего доверия источника. Кони горячился, настаивая на усиление защиты чести. И, добился принятия определения Сената по точной квалификации понятия «клевета» [16, л.3-4].

20 января 1893 г. в юридическом обществе Санкт-Петербурга молодой правовед Г. Б. Слиозберг сделал доклад «о преступлениях печати». Находясь под впечатлением от доклада, Кони прочитал свой ответ. Он отметил крайнюю отсталость закона и высказал идею, что экспертиза состава преступления невозможна, только события преступления. Деятель искусства сам должен сознавать свою ответственность. Специальная экспертиза тут не нужна.

Необходимо было определить способ распространения развращающего произведения. Научные книги о половых проблемах или гинекологии не являлись преступными и, наоборот книги, прикрывающиеся научностью (Кама-Сутра и пр.) пропагандировали порнографию. Для этого экспертиза не нужна, достаточно разумения судьи.

Также не было нужды в экспертизе научной в случаях колебания законности, оспаривания основ собственности и семьи. Кто в таких случаях сможет выступить «настоящим экспертом»? Лицо подверженное взглядам одного из направлений? Научные теории, утверждаемые в категоричной форме, ниспровергались. Идея корпоратив-

ного суда издателей-писателей, хороша, но все-таки такое учреждение не будет беспристрастно. Нет ничего лучше коронного суда [15, с. 13–15; 17, с. 547–552].

В 1903 г. было создано Особое совещание по разработке Устава о печати. В его составе была сформирована подкомиссия по разработке уголовных законов в сфере печати. Возглавил ее Кони. Подкомиссия предложила дополнить ст. 36 Уголовного уложения 1903 г. (далее – УУ) (о запрещенных вещах) пунктом о полном уничтожении произведений печати преступного содержания. Кони и его соратники предлагали расширить санкцию ст. 128 УУ (о дерзостном неуважении верховной власти, произведенном публично) и включить в нее не только ссылку на поселение, но и заключение в крепость. Также было предложено ввести эту меру наказания для ст. 129 УУ. Они предлагали ввести ст. 129-1 УУ, в которой появлялся специальный состав преступления. Предполагалось заключение в тюрьму за произнесение или чтение речи, или сочинения, а также за распространение или публичное выставление сочинения/изображения, возбуждающих вражду между частями государства, частями или классами населения, между сословиями или между рабочими и хозяевами.

Общей тенденцией в работе подкомиссии стало суровое ужесточение ответственности издателей. Она предлагала ввести ст. 303-1 и 303-2, предусматривающие тюремное заключение всего лишь за помещение в заявлении об открытии издания ложных сведений об условиях, на которых они могут быть издателями или ответственными редакторами. В то же время подкомиссия предлагала устранить статьи, которые стремительно устаревали, например ст. 308 УУ, которая предполагала мелочную ответственность за публикацию выходных данных автора без предварительной цензуры МВД [15, с. 15–16; 18, л.1-28].

Заключение

Проблемы применения права по преступлениям против государства (кроме политических) относились к сфере интересов Анатолия Федоровича Кони. Они, как и религиозные, транспортные преступления, вызывали настолько сильный отклик в его душе, что он уделял криминологической истории этих деяний много времени и исписал много страниц. Значительная часть его записок и рапортов по этой проблеме не была опубликована и в поле зрения ученых-юристов не попала. Соответственно, они не знали о той роли, которую Кони сыграл в эволюции уголовной политики по указанным группам преступлений.

А между тем его точка зрения оказывала большое влияние на его современников – юристов и чиновников, которые разрабатывали новое уголовное законодательство. Государственная Дума империи напрямую использовала его идеи пытаться уравнивать служебные преступления с остальными деяниями и лишить их специального процессуального статуса. Длительное время Кони участвовал в кампании против неудачной системы составов преступлений по делам о паспортах и внес свой вклад в ее модернизацию. Особо стоит отметить активное участие Кони в уточнении системы преступлений печати. Изменения в этой сфере в основном происходили под его влиянием. Обер-прокурор и сенатор считал, что ответственность авторов и особенно издателей точно не определена. При его настойчивости основные понятия в этой сфере были сформулированы и введены в имперское зако-

нодательство. Общее уточнение, усиление ответственности за преступления в печати в то же время совмещались с устранением мелочной опеки над ними.

Пристатейный библиографический список

1. *Кодинцев А. Я., Рыбин Д. В.* Российская и советская историография правовой деятельности Анатолия Федоровича Кони в конце XIX–XX вв. // *Вопросы истории.* 2020. № 11-1.

2. *Побегайло Э. Ф.* А. Ф. Кони и уголовное право // *Правовые воззрения А. Ф. Кони и современность : сборник статей.* М., 1994.

3. *Шаповалов А. В.* Правовые взгляды А. Ф. Кони и их влияние на проводимую в России судебно-правовую реформу : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.

4. *Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927). Zwischen Herrscher und Volk. Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion.* Köln, 2019.

5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.564, оп.1, д.474.

6. ГАРФ, ф.564, оп.1, д.673.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.1405, оп.543, д. 925.

8. РГИА, ф.1405, оп.543, д.927.

9. РГИА, ф.1405, оп.543, д.931.

10. РГИА, ф.1276, оп.12, д.122.

11. Рукописный отдел Института русской литературы и искусства (РО ИРЛИ), ф.134, оп.1, д.184.

12. *Кони А. Ф.* Должностные преступления и суд присяжных заседателей // *Вестник права.* 1916. № 48.

13. *Кони А. Ф.* Должностные преступления и суд присяжных заседателей // *Вестник права.* 1916. № 49.

14. *Кони А. Ф.* Суд и паспортная система / *Кони А. Ф.* За последние годы. СПб., 1896.

15. *Кодинцев А. Я., Штыкова Н. Н.* Уголовно-правовые и административно-правовые меры регулирования правонарушений в сфере печати в трудах А. Ф. Кони // *История государства и права.* 2022. № 9.

16. ГАРФ, ф.586, оп.1, д.789.

17. *Кони А. Ф.* По поводу преступлений печати / *Кони А. Ф.* За последние годы. СПб., 1896.

18. ГАРФ, ф.564, оп.1, д.666.

References

1. *Kodintsev A. Ya., Rybin D. V.* Russian and Soviet Historiography of the Legal Activities of Anatoly Fedorovich Koni at the End of the 19th–20th Centuries. *Questions of History*, 2020, no. 11-1. (In Russ.)

2. *Pobegailo E. F. A. F. Koni and Criminal Law.* In *Legal Views of A. F. Koni and Modernity: Collection of Articles.* Moscow, 1994. (In Russ.)

3. *Shapovalov A. V. Legal Views of A. F. Koni and Their Influence on the Ongoing Judicial and Legal Reform in Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnodar, 2005. (In Russ.)*

4. *Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927). Zwischen Herrscher und Volk. Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion. Köln 2019.*

5. State Archive of the Russian Federation (GARF), f.564, op.1, d.474. (In Russ.)

6. GARF, f.564, op.1, d. 673. (In Russ.)

7. Russian State Historical Archive (RGIA), f.1405, op.543, d. 925. (In Russ.)

8. RGIA, f.1405, op.543, d.927. (In Russ.)

9. RGIA, f.1405, op.543, d.931. (In Russ.)

10. RGIA, f.1276, op.12, d.122. (In Russ.)

11. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature and Art (RO IRLI), f.134, op.1, d.184. (In Russ.)

12. *Koni A. F. Malfeasance and Jury Trial. Herald of Law. 1916. No. 48. (In Russ.)*

13. *Koni A. F. Malfeasance and Jury Trial. Herald of Law. 1916. No. 49. (In Russ.)*

14. *Koni A. F. Court and Passport System. In Over Recent Years. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)*

15. *Kodintsev A. Ya., Shtykova N. N. Criminal-Legal and Administrative-Legal Measures of Regulation of Offenses in the Field of Printing in the Works of A. F. Koni. History of State and Law, 2022, no. 9. (In Russ.)*

16. GARF, f.586, op.1, d. 789. (In Russ.)

17. *Koni A. F. Concerning Crimes of the Press. In Over Recent Years. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)*

18. GARF, f.564, op.1, d. 666. (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. Я. Кодинцев – доктор юридических наук, профессор.

Ю. В. Мишалченко – доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

A. Ya. Kodintsev – Doctor of Law, Professor.

Yu. V. Mishalchenko – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 01.02.2023.

The article was submitted to the editorial office 10.12.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 01.02.2023.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

- актуальность,
- цель работы,
- методологию проведенного исследования,
- основное содержание и новизну статьи,
- самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случае получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 1 / 2023

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 28.04.2023. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ. л. 13.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
119330, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Раменки,
Мичуринский пр., дом 6, корп. 1, кв. 39
Тел.: +7 (495) 649-18-06
E-mail: o.leporskiy@ds-publishing.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936

9 772072 993603